

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ

**ЯЗЫКИ И ФОЛЬКЛОР
КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ**

2021 – № 2 (выпуск 42)

Научный журнал

Является продолжением серийного сборника
«Языки коренных народов Сибири»

Новосибирск

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Лингвистика

д-р филол. наук, проф. **Н. Б. Кошкарёва** (ИФЛ СО РАН) – главный редактор;
д-р филол. наук, проф. **И. Я. Селютина** (ИФЛ СО РАН) – зам. главного редактора;
канд. филол. наук **А. В. Байыр-оол** (ИФЛ СО РАН) – ответственный секретарь

Фольклористика

д-р филол. наук, проф. **Е. Н. Кузьмина** (ИФЛ СО РАН) – главный редактор;
канд. искусствоведения **Г. Е. Солдатова** (ИФЛ СО РАН) – зам. главного редактора;
канд. искусствоведения **Т. В. Дайнеко** (ИФЛ СО РАН) – ответственный секретарь

Д-р филол. наук, чл.-корр. РАН **А. В. Дыбо** (ИЯз РАН); д-р филол. наук **И. Е. Ким** (ИФЛ СО РАН); канд. искусствоведения, доцент **Н. В. Леонова** (НГК им. М. И. Глинки); д-р филол. наук **И. А. Невская** (ИФЛ СО РАН); **А. В. Никольский** (Frontiers Media, Швейцария); д-р филол. наук **Н. Р. Ойроткинова** (ИФЛ СО РАН); д-р филол. наук, доцент **В. Н. Соловар** (ОУИПИИР); д-р филол. наук, проф. **С. Ж. Тажимаева** (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилёва, Казахстан); канд. филол. наук **Л. Н. Тыбыкова** (ГАГУ); канд. филол. наук **Е. В. Тюттешева** (ИФЛ СО РАН); д-р филол. наук, чл.-корр. Академии наук Республики Башкортостан, проф. **Ф. Г. Хисамитдинова** (ИИЯЛ УФИЦ РАН); д-р филол. наук, проф. **Л. А. Шамина** (ИФЛ СО РАН)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Д-р филол. наук, академик РАН **А. Е. Аникин** (ИФЛ СО РАН); д-р филол. наук **М. В. Бавуу-Сюрюн** (ТувГУ); д-р филол. наук, проф. **Ф. Я. Вейсялли** (Азербайджанский университет языков, Азербайджан); д-р филол. наук, доцент **Л. С. Дампилова** (ИМБиТ СО РАН); д-р филол. наук **Н. И. Данилова** (ИГИИПМНС СО РАН); д-р филол. наук, академик Академии наук Абхазии **З. Д. Джапуа** (Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулия Академии наук Абхазии, Абхазия); д-р филол. наук **В. Л. Кляус** (ИМЛИ им. А. М. Горького РАН); д-р искусствоведения, проф. **М. Г. Кондратьев** (ЧГИГН); д-р филол. наук **М. Олмез** (Стамбульский университет, Турция); д-р филол. наук, проф. **Е. К. Скрибник** (Мюнхенский университет, Германия); канд. искусствоведения, доцент **Г. Б. Сыченко** (Международный совет по традиционной музыке под эгидой ЮНЕСКО (ICTM), Италия); д-р филол. наук **А. Н. Чугункова** (ИГИСАТ ХГУ им. Н. Ф. Катанова)

ISSN 2312-6337

Институт филологии СО РАН, ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090
yaz_fol_sibiri@mail.ru

Официальный сайт журнала: <http://www.philology.nsc.ru/journals/ykns/index.php>

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SIBERIAN BRANCH
INSTITUTE OF PHILOLOGY

**LANGUAGES AND FOLKLORE
OF INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA**

2021 – No. 2 (Issue 42)

Scientific Journal

A continuation of the collection of scientific articles
“Languages of Indigenous Peoples of Siberia”

Novosibirsk

LANGUAGES AND FOLKLORE
OF INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA. – 2021. – No. 2 (Issue 42)
Founded in 1995, the Journal is issued twice a year and published in Russian and English

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

EDITORIAL BOARD

Linguistics

N. B. Koshkareva, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology, SB RAS) – Editor-in-Chief;
I. Ya. Selyutina, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology, SB RAS) – Deputy Editor-in-Chief;
A. V. Bayyr-ool, Candidate of Philology (Institute of Philology, SB RAS) – Executive Secretary

Folkloristics

E. N. Kuzmina, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology, SB RAS) – Editor-in-Chief;
G. E. Soldatova, Candidate of Art Studies (Institute of Philology, SB RAS) – Deputy Editor-in-Chief;
T. V. Dayneko, Candidate of Art Studies (Institute of Philology, SB RAS) – Executive Secretary

A. V. Dybo, Doctor of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences); **I. E. Kim**, Doctor of Philology (Institute of Philology, SB RAS); **N. V. Leonova**, Candidate of Art Studies, Docent (M. I. Glinka Novosibirsk State Conservatory); **I. A. Nevskaya**, Doctor of Philology (Institute of Philology of the SB RAS); **A. V. Nikolsky** (Frontiers Media, Switzerland); **N. R. Oinotkinova**, Doctor of Philology (Institute of Philology of the SB RAS); **V. N. Solovar**, Doctor of Philology, Docent (Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development); **S. Zh. Tazhibaeva**, Doctor of Philology, Professor (L. N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan); **L. N. Tybykova**, Candidate of Philology (Gorno-Altai State University); **E. V. Tyuntesheva**, Candidate of Philology (Institute of Philology of the SB RAS); **F. G. Khisamitdinova**, Doctor of Philology, Professor (Institute of History, Language and Literature of Ufa Scientific Center of the RAS); **L. A. Shamina**, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology of the SB RAS)

EDITORIAL COUNCIL

A. E. Anikin, Academician of the Russian Academy of Sciences (Institute of Philology of the SB RAS); **M. V. Bavuu-Syuryun**, Doctor of Philology (Tuvan State University); **F. Y. Veysalli**, Doctor of Philology, Professor (Azerbaijan University of Languages, Azerbaijan); **L. S. Dampilova**, Doctor of Philology, Docent (Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the SB RAS); **N. I. Danilova**, Doctor of Philology (Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the SB RAS); **Z. D. Dzhapua**, Doctor of Philology, Academician of the Academy of Sciences of Abkhazia (D. I. Gulia Abkhazian Institute for Research in the Humanities, Abkhazia); **V. L. Klyaus**, Doctor of Philology (A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS); **M. G. Kondratyev**, Doctor of Art Studies, Professor (Chuvash State Institute of Humanities); **M. Olmez**, Doctor of Philology (Istanbul University, Turkey); **E. K. Skribnik**, Doctor of Philology, Professor (University of Munich, Germany); **G. B. Sychenko**, Candidate of Art Studies, Docent (International Council for Traditional Music (ICTM), Italy); **A. N. Chugunekova**, Doctor of Philology (Institute for Humanities Studies and Sayano-Altay Turkology, N. F. Katanov Khakass State University)

ISSN 2312-6337

Institute of Philology of the SB RAS, Nikolaeva st., 8, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
yaz_fol_sibiri@mail.ru

Official website: <http://www.philology.nsc.ru/journals/ykns/index.php>

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Фонетика

- Тимкин Т. В. (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)*
Вокализм сургутского диалекта хантыйского языка по данным электромагнитной артикулографии 9–24
- Плотников И. М. (Новосибирск, НГУ)*
Интонационная система сургутского диалекта хантыйского языка 25–43
- Ляпина П. А., Рыжикова Т. Р. (Новосибирск, НГУ, ИФЛ СО РАН)*
Дистрибуция звонких фрикативных согласных сургутского диалекта хантыйского языка в поствокальной позиции 44–52

Синтаксис

- Кошкарева Н. Б. (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)*
Структурная классификация аналитических скреп хантыйского языка 53–65
- Чугунекова А. Н. (Абакан, ИГИСАТ ХГУ им. Н. Ф. Катанова)*
Бипредикативные конструкции с зависимой предикативной единицей места в хакасском языке 66–74

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Повествовательный фольклор

- Козлова Н. К. (Омск, ОмГПУ)*
«Как я почту в войну носил...» (всегда ли условны сказочные пространство и время?) 75–82
- Миндибекова В. В. (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)*
Несказочная проза хакасов в материалах Рукописного фонда Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (1945–2000-е гг.) 83–93

Обрядовый фольклор

- Ямаева Е. Е.** (*Горно-Алтайск, независимый исследователь*)
Об одном эпизоде погребального обряда, связанного с собакой, в теле-
утском сказании «Кёзийке»: К проблеме тюркского (огузского) и ин-
доиранского культурного наследия 94–101

Эпосоведение

- Сатанар М. Т.** (*Якутск, СВФУ им. М. К. Аммосова*)
Об эпической модели мира олонхо в якутской культуре 102–110
- Унру С. А.** (*Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена*)
Военная культура в героических сказаниях народов Сибири и Дальнего
Востока 111–118

Этномузыковедение

- Солдатова Г. Е.** (*Новосибирск, ИФЛ СО РАН*)
Сказка о жадном мышонке в фольклоре северных хантов 119–130

РЕЦЕНЗИИ

- Непомнящих Н. А., Озонова А. А.** (*Новосибирск, ИФЛ СО РАН*)
Рецензия на книгу: Ойротия в зеркале литературы: антология.
Под ред. Э. П. Чининой, Т. П. Шастиной. Горно-Алтайск: Полиграфика,
2020. 308 с. 131–134

ХРОНИКА

- Ромодин А. В.** (*Санкт-Петербург, РИИИ*)
О Викторе Аркадьевиче Лапине (1941–2021) 135–138
- Миндибекова В. В.** (*Новосибирск, ИФЛ СО РАН*)
Памяти Валентины Евгеньевны Майногашевой (1930–2021) 139–141

CONTENTS

LINGUISTICS

Phonetics

- Timkin T. V.** (*Novosibirsk, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*)
Surgut Khanty vowel system based on electromagnetic articulography data 9–24
- Plotnikov I. M.** (*Novosibirsk, Novosibirsk State University*)
Intonation system of the Surgut dialect of Khanty 25–43
- Lyapina P. A., Ryzhikova T. R.** (*Novosibirsk, Novosibirsk State University; Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*)
Distribution of voiced fricative consonants of the Surgut dialect of the Khanty language in the position after vowels 44–52

Syntax

- Koshkareva N. B.** (*Novosibirsk, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*)
Structural classification of analytical connectors of a complex sentence in the Khanty language 53–65
- Chugunekova A. N.** (*Abakan, Institute for Humanities Research and Sayano-Altay Turkology, Katanov Khakass State University*)
Bipredicative constructions with dependent predicative units denoting location in the Khakas language 66–74

FOLKLORISTICS

Narrative Folklore

- Kozlova N. K.** (*Omsk, Omsk State Pedagogical University*)
“How carried the mail during the war...” (Are space and time in a fairy tale always unreal?) 75–82
- Mindibekova V. V.** (*Novosibirsk, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*)
Khakass non-fairy tale prose in the materials of the Manuscript Fund of the Khakass Research Institute of Language, Literature and History (1945–2000s) 83–93

Ritual Folklore

- Yamaeva E. E.** (*Gorno-Altaysk, Independent Researcher*)
One episode of a funeral ritual associated with a dog in the Teleut epic
“Keziyke”: To the problem of Turkic (Oghuz) and Indo-Iranian cultural he-
ritage 94–101

Epic Studies

- Satanar M. T.** (*Yakutsk, North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov*)
On the epic model of the Olonkho world in the Yakut culture 102–110
- Unru S. A.** (*Saint Petersburg, The Herzen State Pedagogical University of Russia*)
Military culture in the heroic epics of the peoples of Siberia and the Far East 111–118

Ethnomusicology

- Soldatova G. E.** (*Novosibirsk, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy
of Sciences*)
The tale about a greedy mouse in the folklore of the Northern Khanty 119–130

REVIEWS

- Nepomnyashchikh N. A., Ozonova A. A.** (*Novosibirsk, Institute of Philology of the Siberian Branch of the
Russian Academy of Sciences*)
Book review: Oirotia in the Mirror of literature: an anthology. E. P. Chinina,
T. P. Shastina (Eds.). Gorno-Altaysk, Poligrafika publ. house, 2020, 308 p. 131–134

CHRONICLE

- Romodina A. V.** (*Saint Petersburg, Russian Institute of Art History*)
About Viktor Arkadievich Lapin (1941–2021) 135–138
- Mindibekova V. V.** (*Novosibirsk, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy
of Sciences*)
In memory of Valentina Evgenievna Mainogasheva (1930–2021) 139–141

ЛИНГВИСТИКА

ФОНЕТИКА

УДК 811.511.142

DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-9-24

Вокализм сургутского диалекта хантыйского языка по данным электромагнитной артикулографии

Т. В. Тимкин

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

Рассматриваются качественные признаки гласных сургутского диалекта хантыйского языка, полученные методом электромагнитного артикулографирования одного информанта – носителя тром-аганского говора. В ходе эксперимента при помощи электромагнитного поля отслеживались координаты датчиков, размещенных на языке и губах диктора. Всего было записано около 350 фонетических слов в изолированном произнесении. Для анализа использовались координаты язычного датчика, закрепленного на средней части спинки языка, и межгубное расстояние, вычисленное по данным двух датчиков на верхней и нижней губах. По данным артикулографа подтверждается ряд наблюдений, показанных ранее только слуховым или акустическим способом: в диалекте представлен средний ряд гласных, в котором реализуются фонема /i:/ и отдельные аллофоны фонем /y/, /ɤ/, /o:/; гласные среднего подъема распределены между средне-верхними (/ɤ/, /o/, /o:/) и средне-нижними (/ɛ/, /ɔ/, /ɔ:/) реализациями. При использованной конфигурации датчиков горизонтальная координата язычного датчика позволяет судить о ряде, вертикальная – о подъеме, межгубное расстояние – о подъеме и огубленности. При этом использованная конфигурация не всегда показательна для разграничения нижнего и средне-нижнего подъемов и фарингальных признаков.

Ключевые слова

хантыйский язык, сургутский диалект, вокализм, экспериментальная фонетика, электромагнитная артикулография, Carstens AG 500

Для цитирования

Тимкин Т. В. Вокализм сургутского диалекта хантыйского языка по данным электромагнитной артикулографии // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 2 (вып. 42). С. 9–24. DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-9-24

© Т. В. Тимкин, 2021

ISSN 2312-6337

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 2 (вып. 42)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2021. No. 2 (iss. 42)

Surgut Khanty vowel system based on electromagnetic articulography data

T. V. Timkin

Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The paper deals with the quality features of Surgut Khanty vowels obtained by an electromagnetic articulography experiment with one native speaker of the dialect. During the experiment, coordinates of the sensors placed on the speaker's tongue and lips were tracked with an electromagnetic field. In total, approximately 350 isolated phonetic words were recorded. The coordinates of the tongue sensor placed on the dorsum and the interlabial distance calculated from the data of two sensors on the lower and upper lips were used for the analysis. The articulography data confirm some observations made earlier with audition and acoustic techniques: there are mid-row vowels (/i:/ and some allophones of /u/, /ə/, /ɔ:/), mid-closed vowels (/ə/, /o/, /o:/), and mid-open vowels (/e/, /ɔ/, /ɔ:/) in the dialect. It has been shown that when using the proposed sensor displacement, the horizontal coordinate is informative for the vowel row, the vertical coordinate correlates with the vowel openness, and the interlabial distance corresponds to the openness and the rounding. At the same time, the displacement used was found to be not always indicative for distinguishing the low and low-open vowels and pharyngeal features.

Keywords

Khanty language, Surgut dialect, vowels, experimental phonetics, Carstens AG500

For citation

Timkin T. V. Vokalizm surgutskogo dialekta khantyyskogo yazyka po dannym elektromagnitnoy artikulografii [Surgut Khanty vowel system based on electromagnetic articulography data]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2021, no. 2 (iss. 42), pp. 9–24. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-9-24

Введение

Данная работа посвящена описанию вокализма сургутского диалекта хантыйского языка методикой электромагнитной артикулографии. Исследование сургутского вокализма современными экспериментальными методами является актуальной задачей, без решения которой введение сургутских идиомов в контекст сравнительно-исторических и сопоставительно-типологических исследований сибирских языков проблематично.

Сургутский диалект хантыйского языка распространен на территории Сургутского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры на притоках Оби: реках Пим, Тромъеган, Аган, Малый и Большой Юган. Начиная с XIX в. методикой слухового анализа накоплен значительный транскрипционный материал; фонология диалекта описана в ряде очерков [Шал 1976; Honti 1976; Терешкин 1981; Чепреги 2016]. В типологическом отношении сургутский вокализм рассмотрен на материале традиционных описаний в работе венгерского исследователя Л. Фейеша [Fejes 2008].

Многоаспектное описание сургутской фонетики ведется в Институте филологии СО РАН. Слуховой анализ сургутских гласных в сопоставлении с языками сибирского ареала представлен в работах Н. С. Уртегешева и Н. Б. Кошкаревой [Уртегешев, Кошкарева 2017а; 2017б]. Предварительные данные изучения гласных методом ларингоскопии показаны в статье [Рыжикова, Добринина, Тимкин 2021]. Результаты исследования сургутского вокализма методиками акустической фонетики на материале корпуса полевых записей отражены в публикации [Тимкин 2018]. Настоящая работа продолжает серию исследований по сургутскому вокализму, в ней анализируются данные, полученные методикой электромагнитной артикулографии.

В таблице 1 на с. 11 приводится система гласных фонем сургутского диалекта хантыйского языка, затранскрибированных знаками международного фонетического алфавита (МФА) по данным корпусного акустического исследования, в скобках приводится соответствие в финно-угорской транскрипции (ФУТ) по «Словарю восточнохантыйских диалектов» Н. И. Терешкина [Терешкин 1981].

Система гласных фонем сургутского диалекта хантыйского языка
Surgut Khanty vowel system

Подъем	Ряд		
	Передний	Средний	Задний
Верхний	<i>i: (i)</i> <i>ə (ə)</i>	<i>i: (j)</i>	<i>ɔ: (u)</i> <i>ʉ (u)</i>
Средне-верхний	<i>e: (e)</i>		<i>o: (o)</i> <i>o (o)</i>
Средне-нижний	<i>ɛ (ǎ)</i>		<i>ɔ: (ǎ)</i> <i>ɔ (ǎ)</i>
Нижний		<i>a: (a)</i> <i>a (ǎ)</i>	

Приведенные в таблице данные получены методикой формантного анализа на выборке объемом около 5,5 тыс. фонетических слов, записанных от десяти информантов – носителей пимского, тром-аганского, большеюганского, малоюганского говоров. Артикуляционные характеристики гласных определены на основании закономерных соответствий между формантными характеристиками и положением речевых органов [Тимкин 2021]. Настоящее исследование направлено на уточнение и дополнение этих данных методикой соматического эксперимента.

Автор благодарит за помощь в проведении эксперимента Н. Б. Кошкареву, Ф. И. Сопочину, коллектив Лаборатории экспериментально-фонетических исследований им. В. М. Надеяева Института филологии СО РАН.

Материалы и методы

Фонетический эксперимент проведен в марте 2020 г. с информантом – носителем тром-аганского говора сургутского диалекта хантыйского языка на артикулографе Carstens AG500 (Carstens Medizinelektronik GmbH) в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований им. В. М. Надеяева Института филологии СО РАН.

Методика артикулографии подразумевает отслеживание координат датчиков, размещенных на речевых органах [Schönle и др. 1987], и позволяет показать особенности артикуляционного пространства различных языков, особенности коартикуляции в сочетаниях звуков различного типа, корреляцию акустических и артикуляционных признаков.

Экспериментальная установка включает шесть высокочастотных электромагнитных излучателей, установленных на гранях прозрачного пластикового куба и настроенных на передачу сигнала различной частоты. В течение эксперимента испытуемый занимает положение, при котором голова находится внутри куба прибора. На речевых органах информанта фиксируются датчики – проволочные катушки на пластиковой подложке размером 1 x 3 мм, которые принимают сигнал от излучателей.

Сигнал, принимаемый датчиками, передается по тонкому проводу в приемный блок, оцифровывается и записывается в файл. Специальное программное обеспечение, поставляемое Carstens, позволяет вычислить координаты сенсоров в каждый момент и нормализовать их, то есть отделить движения, обусловленные артикуляцией, от случайных движений.

Речь информанта записывается на микрофон, в аудиозапись добавляется звуковой синхронизационный сигнал артикулографа, обеспечивающий строгое соответствие между звуковой дорожкой и сигналом сенсоров. В системе может использоваться до 12 сенсоров, положение каждого из которых описывается тремя координатами в условных единицах:

x – горизонтальная ось, направленная от затылка испытуемого к губам;
y – горизонтальная ось, направленная от правой стороны испытуемого к левой;
z – вертикальная ось, направленная вверх.

В ходе эксперимента диктор получала русскоязычные стимулы и троекратно произносила хантыйский эквивалент. База исследования составила 75 лексем, отдельные единицы произносились в различных грамматических формах. Таким образом, было записано около 350 фонетических слов, включающих 1780 звуков.

В эксперименте использовано семь датчиков: корональный, медиодорсальный и дорсальный датчики были расположены на оси симметрии языка на расстоянии соответственно 1, 3, 6 см от кончика; по одному датчику на верхней и нижней губах, а также два опорных (референтных) датчика на висках, необходимые для нормализации координат.

Язычные датчики были помещены в одноразовые латексные оболочки для увеличения надежности крепления, гигиеничности и безопасности. Для фиксации датчиков был использован хирургический клей «Сульфакрилат» [Марченко и др. 2005]. Датчики на губах и висках были закреплены при помощи клейкой ленты.

Речь информанта была сегментирована и аннотирована в программе Praat [Boersma, Weenink 2021] на основании слухового, осциллографического и спектрографического анализа, при сегментации использовались знаки Международного фонетического алфавита.

Аудиозаписи, файлы аннотации и файлы артикулографа были объединены в фонетическом корпусе при помощи инструментов корпусной системы Emu-SDMS [Winkelmann 2017]. Система позволяет производить машинный поиск по аннотациям, извлекать акустические данные из аудиофайлов и координаты датчиков из файлов артикулографа, отправлять полученные данные на статистическую обработку при помощи языка R.

При описании гласных артикуляций традиционно используются фонетические признаки ряда, подъема и огубленности, которые соотносятся с движением языка по горизонтали, движением языка по вертикали и движением губ. Для детализированной характеристики профиля языка в описание вводится характеристика дополнительных артикуляций, таких как эрзированность, фарингализация, отодвижение корня языка назад, продвижение корня языка вперед, назализация. При этом соотношение отдельных артикуляционных признаков и акустических характеристик, интегральное описание артикуляции звукотипов требуют дальнейшего исследования.

Для распознавания гласных, очевидно, важен весь профиль языка, однако артикулография дает численную информацию только по нескольким точкам, причем глубина установки датчика ограничена, а способ размещения датчиков в исследованиях различается. По этой причине в работах, выполненных методом артикулографии, не предложено единой методики интерпретации данных и соотношения их с традиционными признаками ряда и подъема.

Так, в работе [Hu 2006] за счет установки трех язычных датчиков для гласных китайского диалекта Нинбо построены контуры профиля языка, в значительной степени соотносящиеся с контурами, наблюдаемыми при помощи таких методов, как рентген или МРТ. При этом ни один из датчиков по отдельности не позволяет судить о ряде и подъеме гласного. В работе [Wu, Shin 2009] на материале мандаринского китайского профиля языка охарактеризованы по данным двух датчиков на кончике и спинке языка. При этом дорсальный датчик показывает разброс координат, не вполне обычный для традиционного треугольника гласных. Так, для гласных типа *i*, *e* координата датчика спинки языка соответствует позиции максимального сужения речевого тракта, точки располагаются как на традиционном вокалическом треугольнике. Но для звуков *u*, *o*, *a* позиция максимального сужения расположена глубже точки размещения датчика, и координаты соотносятся с ней косвенно, так что точки для *u*, *o* находятся значительно ниже, чем у соотносящихся по подъему передних гласных, а точка для *a* оказывается в промежуточном положении между *u*, *o*. Такое устройство артикуляционного пространства показано и на материале австралийского английского [Ratko и др. 2016], хотя в данной работе вертикальная координата для гласного *a* соответствует его нижнему подъему. В работе [Hoole 1999] автор отказывается от сведения данных по огубленным и неогубленным гласным в единое акустическое пространство и анализирует их по отдельности.

Авторы других работ по артикулографии не сводят координаты датчиков к положению гласного в артикуляционных координатах «ряд – подъем», а оперируют ими как независимыми признаками гласного, однако такая техника требует большого сопоставительного материала.

В данной работе анализ основан на числовых характеристиках координаты дорсального датчика, которые соотносятся с местом суждения ротовой полости. Поскольку для непередних гласных, особенно нижних, данные могут быть неоднозначными, в качестве дополнительного признака использовано межгубное расстояние. Для визуализации данных на рисунках 1–8 приводится график значений x/z , что соответствует сагиттальной проекции. На оси x дается обратный порядок чисел, таким образом, лицевая сторона проекции находится слева, и расположение точек на графике соответствует традиционному треугольнику гласных. Межгубное расстояние вычислялось как евклидово расстояние между датчиками верхней и нижней губы на основе их координат.

Результаты

Поскольку при артикулографии учитываются только отдельные точки, на данном этапе анализа мы не можем всецело оценить вклад каждой точки языка в формирование артикуляции. По этой причине сопоставление проводится в рядах квазиомонимических пар и рядов, данные рассматриваются в одинаковых консонантных контекстах.

Покажем на рисунке 1 (с. 14) взаиморасположение дорсального датчика в серии квазиомонимов *ньир* ‘каприз’ – *ньыр* ‘обувь’ – *ньур* ‘веревка’ – *ньэр* ‘прутик’, в которых представлены фонемы /i:/ – /i:/ – /ɔ:/ – /ə/ в позиции после среднеязычного согласного перед переднеязычным.

Реализации фонем /i:/, /ə/ однозначным образом могут быть отнесены соответственно к верхнему и средне-верхнему подъему переднего ряда. Фонема /ɔ:/ в данной позиции реализуется в области 32 условных единиц для координаты x , -123 условных единиц для координаты z . Такое положение является значительно опережденным и опущенным относительно обычных *и*-образных реализаций и достигает среднерядной области, что должно являться результатом аккомодации предшествующему среднеязычному согласному. Фонема /i:/ в данной позиции проявляет артикуляторную неустойчивость, широко варьирует в области верхнего и средне-верхнего подъема среднего ряда.

Среднее расстояние между нижним и верхним губными датчиками для фонемы /i:/ равно 11,2 условных единиц, для фонемы /i:/ – 11,9 единиц, для фонемы /ɔ:/ – 7 единиц, для фонемы /ə/ – 9,8 единиц. Таким образом, в пределах одного подъема меньшее значение этого коэффициента свидетельствует о наличии огубленности.

На рисунке 2 (с. 14) приводятся данные по гласным первого слога в серии *кимэн* ‘наверное’ – *кэмэн* ‘снаружи’ – *бынэн* ‘крепкий’, в которых представлены реализации фонем /i:/ – /e:/ – /i:/ в первом слоге в позиции после заднеязычного взрывного.

Данные по координатам x и z подтверждают отнесение фонем соответственно к верхнему подъему переднего ряда, средне-верхнему подъему переднего ряда, верхнему подъему среднего ряда: реализации фонемы /i:/ имеют x порядка 37 единиц, z порядка -119 единиц; реализации /e:/ имеют x порядка 38 единиц, z – -119,7 единицы; реализации /i:/ имеют x порядка 31,5 единицы, z – -119 единиц.

Расстояние между губными датчиками для /i:/ составляет 9,4 единицы, для /e:/ – 11,2; для /i:/ – 8,2 единицы. Некоторое понижение значения для /i:/ может свидетельствовать о частичной огубленности.

Данные по гласным первого слога в паре *тувар* ‘хвоя’ – *түвар* ‘гнилушка’, где противопоставляются фонемы /ɔ:/ – /ʉ/ приведены на рисунке 3 (с. 15).

Фонема /ɔ:/ реализуется со средним значением x около 27 единиц и z около -121 единицы, что соответствует заднему ряду верхнего подъема. Реализации /ʉ/ отличаются значениями x около 30, z около -122. Это позволяет отнести звуки к среднему ряду, однако они несколько опущены по сравнению с верхним подъемом, который ожидается по акустическим данным. Расстояние между губными датчиками равно 6,4 для реализаций /ɔ:/, 7,5 для /ʉ/, что говорит об огубленности фонем.

Поскольку нами отмечена высокая вариативность реализаций огубленных фонем, приведем еще один пример для данной пары. На рисунке 4 (с. 15) показаны реализации гласных /ɔ:/ ~ /ʉ/ в паре *буйэп* ‘мужской’ ~ *күйэп* ‘бубен’ в позиции после заднеязычного согласного перед среднеязычным.

Рисунок 1
Figure 1

Координаты дорсального датчика в реализациях фонем /i:/, /i:/, /o:/, /ə/
Dorsal sensor coordinates in realizations of phonemes /i:/, /i:/, /o:/, /ə/

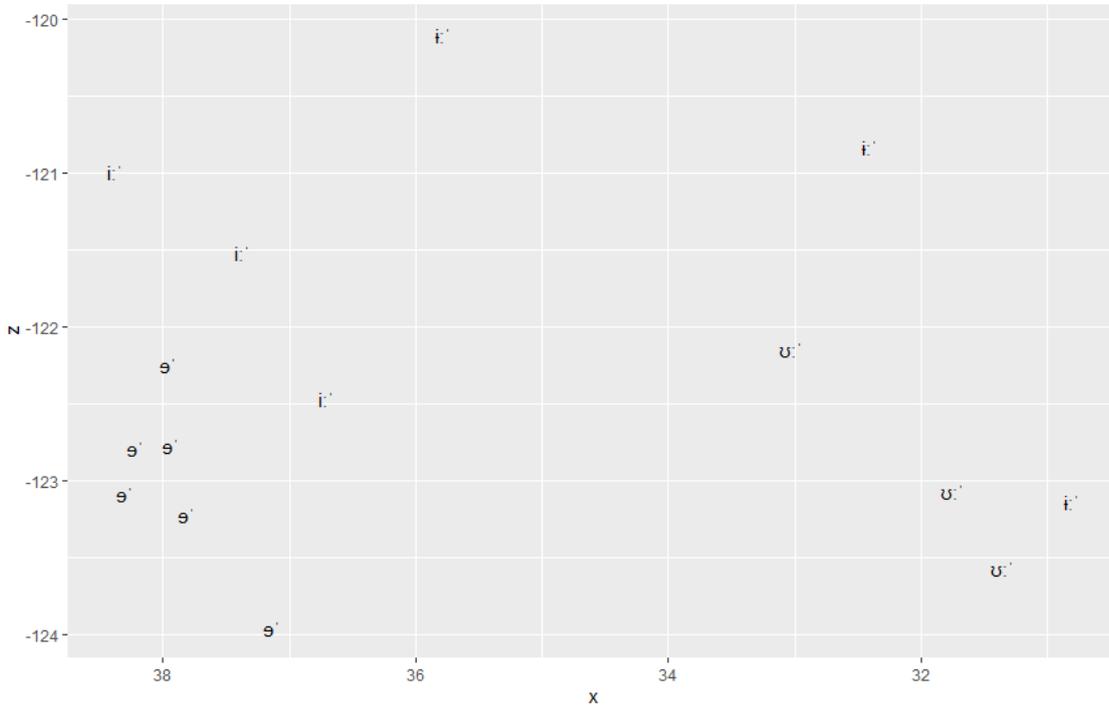

Рисунок 2
Figure 2

Координаты дорсального датчика в реализациях фонем /i:/, /i:/, /e:/
Dorsal sensor coordinates in realizations of phonemes /i:/, /i:/, /e:/

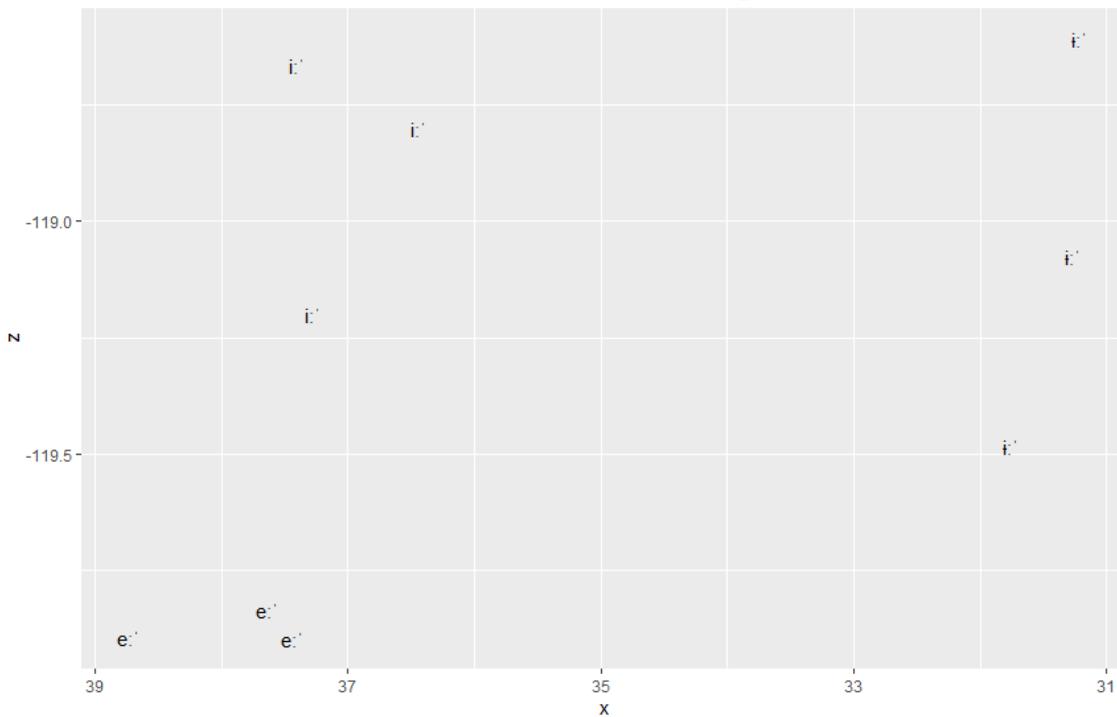

Рисунок 3
Figure 3

Координаты дорсального датчика в реализациях фонем /u/, /ʊ:/
Dorsal sensor coordinates in realizations of phonemes /u/, /ʊ:/

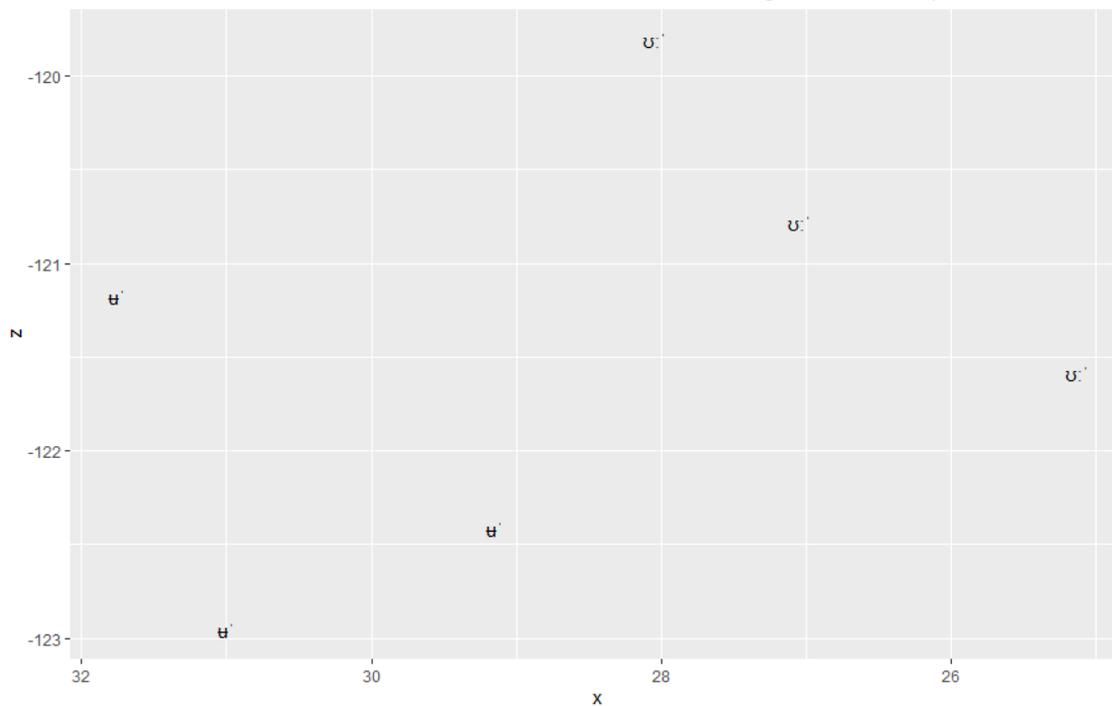
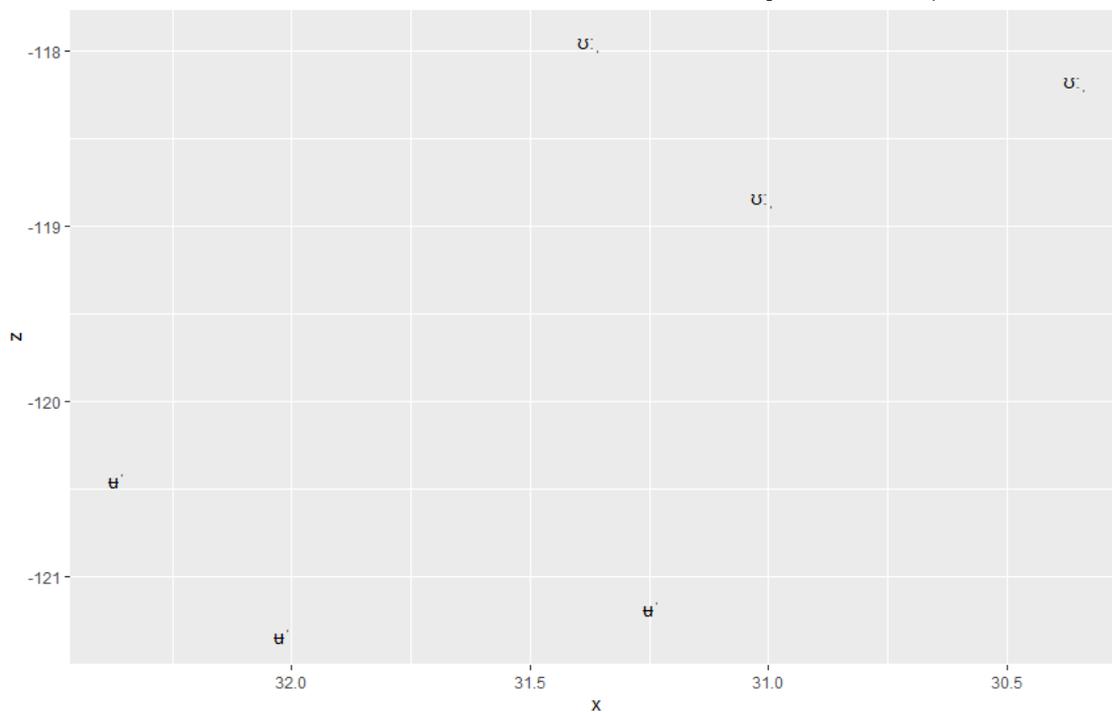

Рисунок 4
Figure 4

Координаты дорсального датчика в реализациях фонем /u/, /ʊ:/
Dorsal sensor coordinates in realizations of phonemes /u/, /ʊ:/

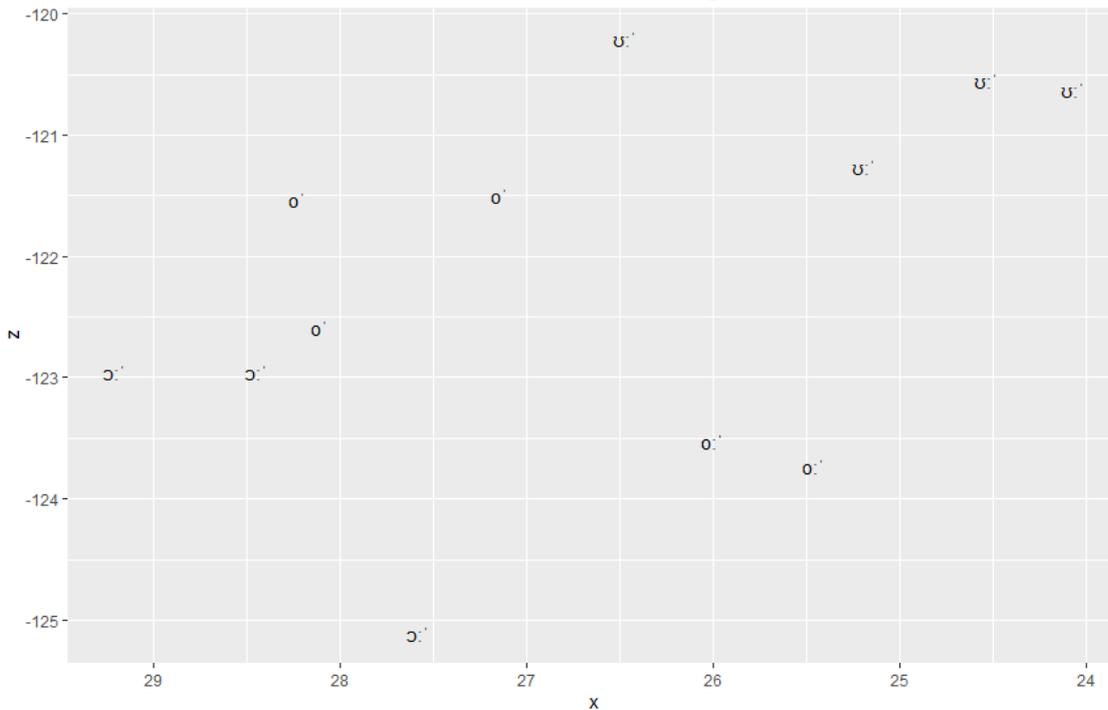
В этом примере, в отличие от приведенного выше, реализации фонем продвинуты вперед, и параметр x для / $ʊ$:/ может достигать значений в 32 условные единицы, как это характерно для передних гласных.

На рисунке 5 (с. 16) представлен график реализации гласных в серии *бури* ‘корыто’ – *бур* ‘просека’ – *бур* ‘бык’ – *бур* ‘болото’, в которых реализуются фонемы / $ʊ$:/ – / o :/ – / $ɔ$:/ – / o /.

Рисунок 5

Figure 5

Координаты дорсального датчика в реализациях фонем / $ʊ$:/, / o :/, / $ɔ$:/, / o /
Dorsal sensor coordinates in realizations of phonemes / $ʊ$:/, / o :/, / $ɔ$:/, / o /

Реализации фонемы / $ʊ$:/ в данной позиции имеют значения x порядка 24,5, что характеризует максимально заднее положение спинки языка во всей выборке. Другие звуки, исследованные в данной серии, отличаются более низкими значениями координаты x , но в целом находятся в пределах 29–26 единиц, характерных для заднего ряда.

Для фонемы / $ʊ$:/ присущи значения z порядка -121 единицы, что типично для верхнего подъема; / o / имеет z порядка -122 и реализуется в средне-верхнем подъеме; / $ɔ$:/ имеет z около -124 и реализуется в средне-нижнем подъеме. Неоднозначные результаты показывает фонема / o :/, парная по долготе / o /, имея среднее значение z -123,5, она оказывается ближе к средне-нижнему подъему, но при этом значимо противопоставлена фонеме / $ɔ$:/ по параметру x .

Расстояние между губными датчиками для реализации / $ʊ$:/ равно 6 единиц, для реализаций / o :/ – 6,4 единицы; для реализаций / $ɔ$:/ – 9,2 единицы; для реализаций / o / – 6 единиц. Эти значения характерны для огубленных гласных, кроме несколько большего значения для / $ɔ$:/, что, однако, может объясняться ее большей открытостью.

Покажем на рисунке 6 (с. 17) график для гласных в паре квазиомонимов *сәм* ‘глаз’ – *сам* ‘сердце’, противопоставляемых фонемами / $ɛ$ / – / $ɛ$ /.

Рисунок 6
Figure 6

Координаты дорсального датчика в реализациях фонем /ε/, /ə/
Dorsal sensor coordinates in realizations of phonemes /ε/, /ə/

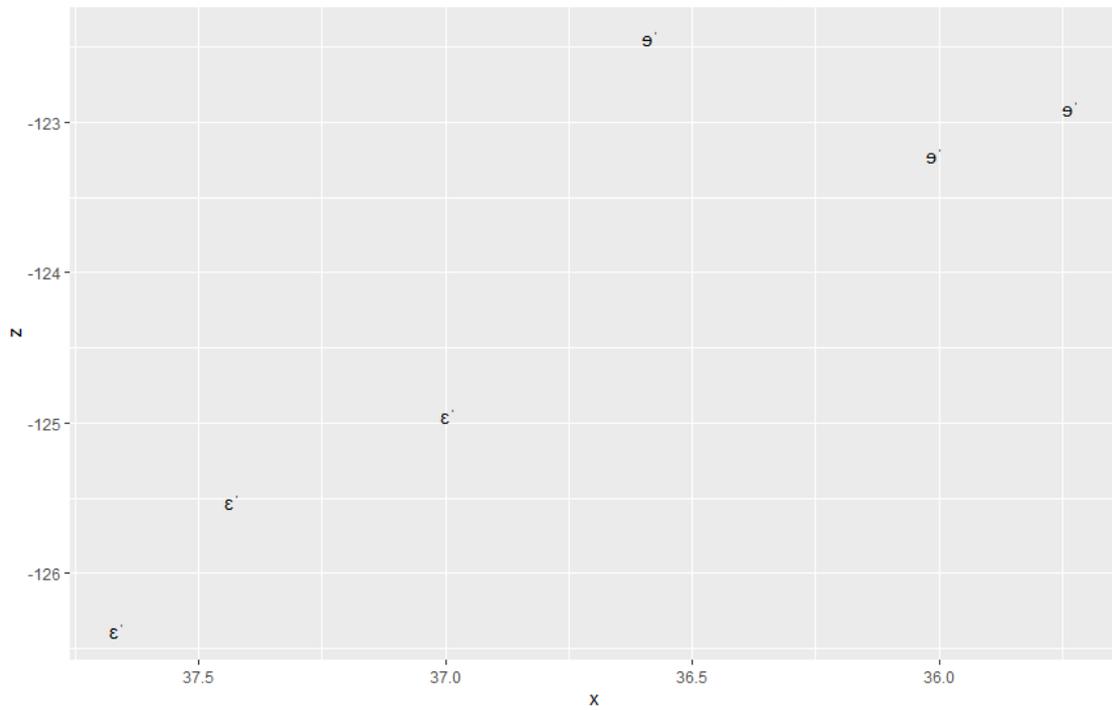
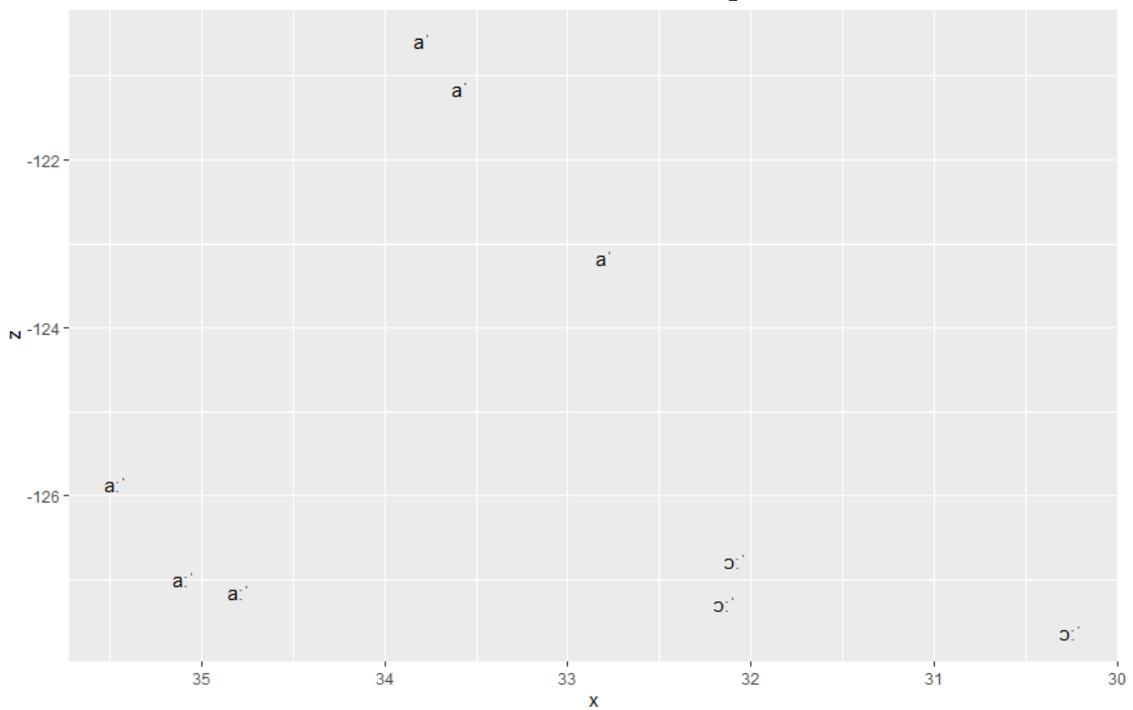

Рисунок 7
Figure 7

Координаты дорсального датчика в реализациях фонем /a/, /a:/, /ɔ:/
Dorsal sensor coordinates in realizations of phonemes /a/, /a:/, /ɔ:/

Мы наблюдаем, что реализации фонем имеют значения координаты x в диапазоне 35–38 единиц, что позволяет отнести их к переднему ряду, фонема /ə/ при этом оказывается несколько централизованной. Реализации фонемы /ə/ имеют координату z порядка -123 единиц, что позволяет отнести их к средне-верхнему подъему, реализации /ɛ/ имеют координату z около -125,5 единиц, что относит их к средне-нижнему подъему.

Реализации /ɛ/ имеют расстояние между губными датчиками в среднем 13,7 единиц, что характерно для неогубленных гласных. Реализации /ə/ отличаются губным расстоянием 8,8 единиц, это несколько меньше, чем характерно для неогубленных.

На рисунке 7 (с. 17) показано распределение координат для гласных в лексемах *пой* ‘осина’ – *пай* ‘куча’ – *пӓх* ‘мальчик’, в которых представлены фонемы /ɔ:/, /a:/, /a/.

Фонема /ɔ:/ реализуется со значениями x около 31, что находится между типичными для заднерядных и среднерядных гласных показателями. Значения z около -127 подтверждают отнесение данной фонемы к средне-нижнему подъему. Для *a*-образных фонем положение дорсального датчика не является, по-видимому, единственным признаком, характеризующим подъем гласного. Так, долгая /a:/ имеет координату z около -127, как и средне-нижние гласные, фонема /a/ имеет координату z около -122, что сближает положение языка со средне-верхними гласными. Однако по признаку расстояния между губными датчиками реализации /a:/ и /a/ имеют средние значения 15,7 и 13,2 соответственно. Это больше, чем межгубное расстояние для всех иных фонем, и характеризует открытое произношение. По признаку x *a*-образные фонемы реализуются в области 33–35 единиц, что характеризует их как среднерядные.

По признаку межгубного расстояния фонема /ɔ/ имеет значение 12,4, что больше, чем обычно для огубленных, но может объясняться большей открытостью гласного.

На рисунке 8 (с. 19) показаны реализации гласных /ɔ:/ ~ /ɔ/ в лексемах *кот* ‘дом’ ~ *кӓт* ‘рука’. В данной позиции фонема /ɔ:/ характеризуется примерно теми же значениями, что и в описанных ранее случаях. Фонема /ɔ/ реализуется в том же диапазоне значений x , с параметром z порядка -123 единиц, что ниже, чем у /ɔ:/ в этой же позиции, но укладывается в зону реализации фонемы /ɔ:/ и относится к средне-нижнему подъему.

Все перечисленные выше данные обобщены в таблице 2 (с. 19).

Таким образом, координата x в данных артикулографа служит коррелятом рядности гласного и подтверждает выделение трех рядов. Для заднего ряда характерны значения 24–28 единиц, которые наблюдаются в реализациях фонем /ʊ:/, /o:/, /o/. Для фонем /ɔ:/ и /ɔ/ характерно более переднее расположение с x в пределах 28–32 единиц. Среднерядные гласные отличаются координатой x в пределах 29–36 единиц, сюда относятся фонемы /u/, /i:/, /a/, /a:/, а также отдельные реализации фонемы /ʊ:/ после среднеязычных согласных. Передний ряд характеризуется значениями 37–39 единиц, сюда относятся реализации фонем /i:/, /e:/, /ɛ/, /ɛ/.

С признаком ряда коррелируют координата z и расстояние между губными датчиками. Более закрытые гласные имеют меньшее значение z и меньшее межгубное расстояние. Последний признак связан также с огубленностью: огубленные звуки в одном подъеме характеризуются меньшими значениями.

Звуки верхнего подъема /i:/, /u/, /i:/, /ʊ:/ имеют координату z -119 – -123, межгубное расстояние около 9–11 единиц для неогубленных, около 6–7 единиц для огубленных; у слабоогубленной /i:/ варьирует от 8 до 11 единиц.

В средне-верхнем подъеме для фонем /ə/, /o/, /o:/ координата z преимущественно размещается в пределах -122 – -124 единиц, однако фонема /e:/ может реализоваться выше, в области около -120 единиц, сохраняя при этом противопоставление с /i:/. Для неогубленных в этой области характерно межгубное расстояние 8–9 единиц у фонемы /ə/, 11 единиц у /e:/. У огубленных /o:/, /o/ – 6 единиц.

В средне-нижнем подъеме для фонем /ɛ/, /ɔ/, /ɔ:/ координата z имеет значения -123 – -127, межгубное расстояние равно 13 единиц для неогубленной /ɛ/, 7 для огубленной /ɔ/. Долгая огубленная /ɔ:/ варьирует в пределах 8–12 единиц.

Нижние /a/ и /a:/ характеризуются теми же значениями z , что и гласные среднего подъема, но они отличаются большим межгубным расстоянием около 13–14 единиц.

Координаты дорсального датчика в реализациях фонем /ɔ/, /ɔ:/
Dorsal sensor coordinates in realizations of phonemes /ɔ/, /ɔ:/

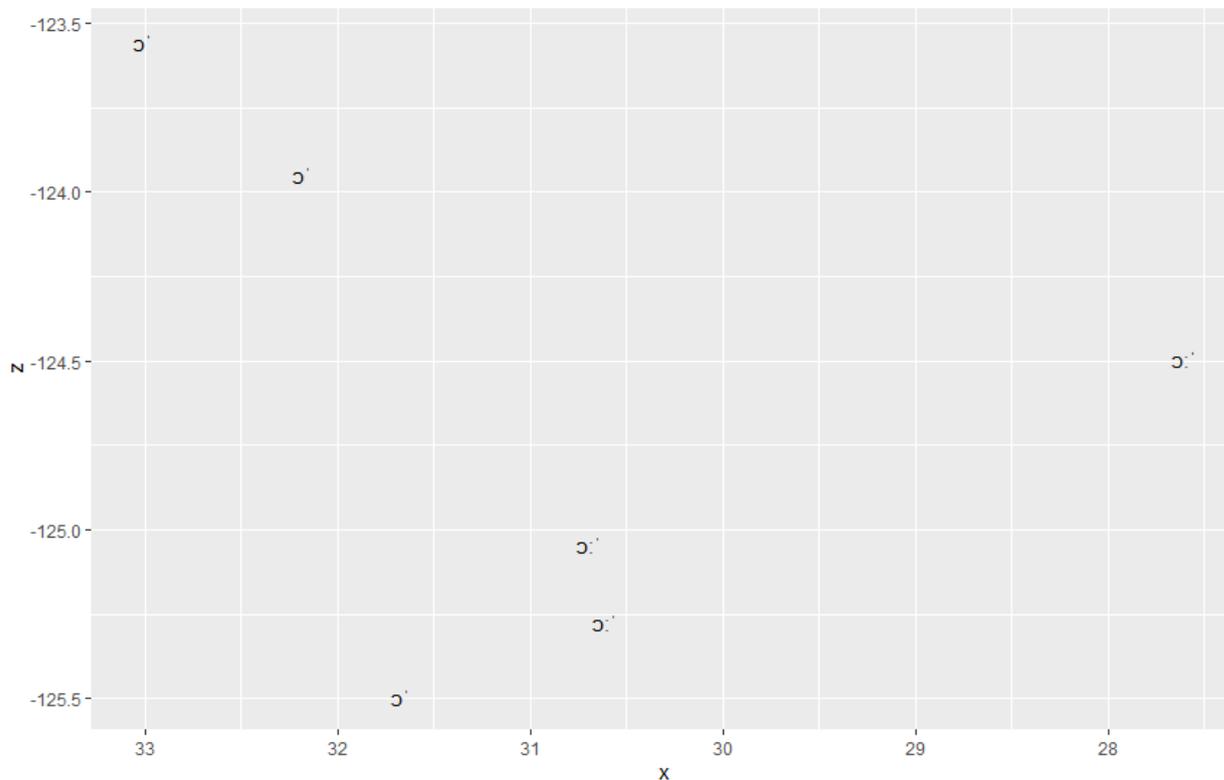

Таблица 2
Table 2

Сводные характеристики гласных фонем
Summary features of vowels

Фонема	Координата x дорсального датчика	Координата z дорсального датчика	Межгубное расстояние
i:	36,5–38,5	-118,5 – -122,5	10,3
i:	31–36	-118 – -123	11,7
o:	25–33	-118 – -121,5	6,7
e:	37–39	-119,7	11,2
o:	25,5 – 26	-123,5	6,9
ɔ:	29 – 30,5	-123 – -126	12,4
a:	35–35,5	-126 – -126,5	14
u	29 – 30,5	-120,5 – -123	7,5
ɤ	35 – 38	-122 – -124	9,5
o	27 – 28,5	-121 – -122,5	6,9
ɛ	37 – 37,5	-125 – -126,5	13,7
ɔ	32 – 32,5	-123,5 – -124	7,2
a	33 – 34	-121 – -123,5	13,7

Дискуссия

Ряд гласного в сургутском диалекте. Для сургутского диалекта хантыйского языка традиционно выделялись бинарные противопоставления по ряду и по огубленности. Так, в фонологической системе Н. И. Терешкина в верхнем подъеме противопоставляются переднерядная неогубленная *i*, переднерядная огубленная *ı̄*, заднерядная неогубленная *i*, заднерядная огубленная *u* [Терешкин 1981].

Аномальный характер данной системы заключается в том, что подсистема кратких имеет только одну фонему верхнего подъема *ı̄*, которая является при этом сильно маркированной: одновременно огубленной и передней – и не имеющий немаркированного коррелята.

Иная трактовка дана Л. Хонти [Honti 1977], который отнес *ı̄* к среднему подъему и заменил транскрипцию на *õ*. Таким образом, в верхнем подъеме были описаны только долгие гласные, тогда как краткая фонема *õ* оказалась противопоставленной по ряду фонеме *õ*, по огубленности – фонеме *ə*. Схема Л. Хонти отличается большей фонологической системностью и типологической достоверностью, она объясняет некоторые случаи междиалектной вариативности. В то же время она противоречит эмпирическим наблюдениям об *u*-образном характере соответствующего гласного.

В орфографической традиции за гласным *ı̄* закрепилась графема *ı̄*, отражающая его субъективное *u*-образное восприятие [Волкова, Соловар 2016]. В монографии М. Чепреги в соответствии с традициями обско-угорского языкознания фонема отнесена к переднему ряду [Чепреги 2016]. В корпусе сургутских текстов проекта «Обско-угорская база данных» (OUDB), где используется Международный фонетический алфавит, за данной фонемой закреплено обозначение *ı̄* [Ob-Ugric Database].

По нашим акустическим данным [Тимкин 2021], фонема, традиционно обозначаемая как *ı̄*, является гласным верхнего подъема и реализуется вариативно в зависимости от консонантного окружения: перед заднеязычными и губными согласными – в оттенках с пониженным значением второй форманты, характерным для заднерядных гласных, и противопоставляется реализациям */u:/* только по долготе. Однако в большей части контекстов гласный реализуется в значениях, характерных для среднерядных. Данные артикулографии хорошо согласуются с акустическими наблюдениями. Реализации */u/* имеют величины *x*, характерные для гласных верхнего подъема, распределенные между среднерядной и заднерядной областями. Более продвинутые оттенки наблюдаются, например, в лексеме *күйән* ‘бубен’ в позиции перед *j*. В лексеме *түвәр* реализуется более задний оттенок, хотя в данной позиции реализация */u/* оказывается более передней, чем */u:/* в той же позиции. Что касается фонемы */u:/*, то ее среднерядная реализация зарегистрирована в единичных случаях после среднеязычных согласных, например, в лексеме *һур* ‘веревка’.

Фонема *i* традиционно описывается как неогубленная гласная заднего ряда. В соответствии с этим в базе OUDB она транскрибируется при помощи знака МФА *ı̄*. В кириллической транскрипции используется обозначение *ı̄*. Акустические данные показывают повышенные значения второй форманты по сравнению с фонемой */u:/*, что может говорить об отнесенности *i* к среднему ряду. В соответствии с этим мы транскрибируем фонему как */i:/*. В то же время требуется перепроверка соматическими методами, поскольку повышение частоты F2 может являться результатом потери огубленности при заднерядном характере артикуляции. Данные артикулографии согласуются с предположением о среднерядном характере этой фонемы. Так, во всех исследованных примерах ее реализации, как правило, занимают промежуточное положение по координате *x* между фонемами */i:/* и */u:/*.

Еще одной фонемой, ряд которой требует отдельного обсуждения, является гласная, традиционно обозначаемая как *õ* (в транскрипции Л. Хонти *õ*): чаще всего ее относят к переднему ряду, однако в современном состоянии языка переднерядный характер данного гласного на слух не ощущается. В базе OUDB этот гласный транскрибируется знаком МФА *õ* как среднерядный.

Наши акустические данные также свидетельствуют о том, что эта фонема не может быть отнесена к переднему ряду, а варьирует в области между среднерядной и заднерядной артикуляциями. Мы транскрибируем ее как */õ/*, хотя по акустическим данным отмечаем неустойчивость артикуляции. Это связано с ее периферийным характером в фонологической системе: данная фонема сохраняется только в тром-аганском говоре, причем в ограниченной дистрибуции.

Данные артикулографии несколько отличаются от акустических данных. Так, реализации /ɔ/ в целом сосредоточены ближе к среднерядной области, находясь между средне-верхней и средне-нижней зонами, и достаточно закрыты.

Таким образом, результаты артикулографии подтверждают наблюдения о трех рядах гласных в сургутском диалекте.

Подъем гласного в сургутском диалекте. Сургутский диалект описывается как диалект с тремя фонологическими подъемами. В системе Э. Шал к верхнему подъему относятся *i, j, u*; к среднему – *e, ě, ǝ, ɔ*, к нижнему – *ǎ, ǎ̃, a, ǎ̄*. Фонема *й* в это описание не включена. Л. Хонти транскрибирует *й* как *ǝ* и относит ее к среднему подъему, фонема *ǝ̃* реинтерпретирована им как *ǎ̃*. Однако в последующих источниках фонема *й* рассматривается как верхняя.

В базе OUDB при переносе транскрипционных обозначений в формат МФА традиционное распределение по подъемам в целом сохраняется: верхние *i, j, u, й* обозначены соответственно *i:, u:, u:, u;* средние *e, o, ǝ* как средне-верхние *e:, o:, o;* нижние *a, ǎ, ǎ̄* как *v:, a, v:*. Фонема *э*, в традиционных описаниях лежащая вне противопоставления по ряду и подъему, сохраняет обозначение *э*, соответствующее среднему подъему. Однако фонема *ǎ̄* в этой схеме затранскрибирована как *ε*, то есть как средне-нижний гласный.

При экспериментальном исследовании подъема возникают сложности, связанные с большой вариативностью исследуемых признаков. Прежде всего, по акустическим данным гласный *э* реализуется в широкой области между передним рядом верхнего подъема и средним рядом средне-верхнего. По средней реализации мы транскрибируем его как *э*. По данным артикулографа нам не удалось обследовать все многообразие оттенков фонемы, но зафиксированные реализации могут быть отнесены к средне-верхнему подъему.

Акустические данные свидетельствуют о необходимости разделять нижний и средне-нижний подъем. К средне-нижнему мы относим /*ε*/ (ФУТ *ǎ̄*), /*ɔ*/ (ФУТ *ǝ̃*), /*ɔ:*/ (ФУТ *ǎ̄*); к нижнему – *a:* (ФУТ *a*), *a* (ФУТ *ǎ̄*).

Артикуляционные данные не дают однозначного подтверждения этой модели, поскольку при выбранном способе измерения координата *x* не позволяет эффективно различать нижние и средне-нижние гласные. Параметр межгубного расстояния, помогающий разделить эти артикуляции, находится в то же время в зависимости от огубленности гласного. Так, для гласного *ε* достаточно показателен более закрытый характер по сравнению с *a*. В то же время средне-нижний характер *э:* здесь не так очевиден и требует дальнейшего изучения.

Соотношение долгих и кратких гласных. Из традиционных транскрипций следует нетождественность подсистемы долгих и кратких гласных. Так, единственной условной парой «краткий / долгий» может быть только соотношение *ǝ / o*. В паре *a / ǎ̄* долгий гласный относят к переднему ряду, тогда как краткий – к переднему. Гласный *ě* описывается как пара к *e* только в работах Л. Хонти, в других описаниях эта фонема характеризуется как редуцированный гласный, лежащий вне противопоставлений по ряду и подъему. В верхнем подъеме представлены долгие гласные *i, j*, не имеющий долгого коррелята.

Несимметричность сургутских вокалических подсистем обращает на себя внимание в типологическом аспекте. Так, Л. Фейш высказывает предположение, что сдвиг вокалических треугольников долгой и краткой подсистем может быть вызван отодвижением корня языка, сопряженным с долготой. Эта гипотеза соотносится с наблюдениями Н. С. Уртегешева о различных типах фарингализации в сургутском диалекте. Однако данные формантного анализа не выявляют принципиальных частотных различий между краткими и долгими гласными, а свидетельствуют о вариативности и централизации кратких верхних.

Данные артикулографии нельзя считать достаточными для решения проблемы сургутской фарингализации, поскольку допустимая глубина установки датчиков на язык ограничивает возможность полноценно контролировать положение корня.

Таким образом, результаты артикулографического исследования верифицируют и уточняют слуховые и акустические данные относительно состава фонем, ряда и огубленности гласного; подтверждают выделение среднего ряда гласных; средне-верхнего и средне-нижнего подъемов. В то же время данные артикулографа при использованной методике размещения датчиков

и интерпретации результатов недостаточны для выявления особенностей, связанных с подъемом и фарингализацией. Соответствующие признаки должны быть исследованы с применением других соматических методик.

Список литературы

Волкова А. Н., Соловар В. Н. Краткий русско-хантыйский словарь (сургутский диалект). Ханты-Мансийск, 2016. 98 с.

Марченко В. Т., Прутовых Н. Н., Толстиков Г. А., Толстиков А. Г. Медицинский клей «Сульфакрилат». Антибактериальная противовоспалительная клеевая композиция. Руководство для применения в хирургических отраслях. Новосибирск, 2005. 80 с.

Обско-угорская база данных: анализ текстовых корпусов и словари наименее описанных обско-угорских диалектов [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.babel.gwi.uni-muenchen.de/>. Дата обращения 01.11.2021.

Рыжикова Т. Р., Добринина А. А., Тимкин Т. В. Изучение прерывистых гласных сургутского диалекта хантыйского языка методом прямой цифровой ларингоскопии: предварительные результаты // Вестник угроведения. Т. 11, № 1, 2021. С. 102–111.

Терешкин Н. И. Словарь восточнохантыйских диалектов. Л.: Наука, 1981. 544 с.

Тимкин Т. В. Типологическая характеристика хантыйского вокализма по данным казымского и сургутского диалектов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 17, № 9, 2018. С. 66–80.

Тимкин Т. В. Система гласных фонем сургутского диалекта хантыйского языка по экспериментально-акустическим данным (в сопоставительном аспекте) / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Новосибирск, 2021.

Уртегешев Н. С., Кошкарева Н. Б. Система долгих гласных звуков первого слога в сургутском диалекте хантыйского языка // Вестник угроведения. Т. 7, № 3, 2017. С. 74–97.

Уртешев Н. С., Кошкарева Н. Б. Система кратких гласных звуков первого слога в сургутском диалекте хантыйского языка // Вестник угроведения. Т. 7, № 4, 2017. С. 70–85.

Чепрези М. Сургутский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск, 2016. 180 с.

Шал Э. Фонетика обско-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания. Т. 3. Марийский, пермские и угорские языки. М.: Наука, 1976. С. 253–277.

Boersma P., Weenink D. Praat: doing phonetics by computer [Computer program] / Version 6.1.16, retrieved 15 November 2021 from <http://www.praat.org/>.

Fejes L. On the vowel system of Surgut Khanty // Papers from the Mókus Conference. Budapest, 2008. P. 61–79.

Honti L. Beobachtungen über die Laut- und Formenlehre gegenwärtiger Surguter Mundarten des Osjakischen // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. Vol. 27, № 3 / 4, 1977. С. 271–286.

Hoole P. Articulatory-acoustic relations in German vowels // Proceedings of the 14th International congress of Phonetic sciences. San Francisco, 1999. С. 2153–2156.

Hu F. On the Lingual Articulation in Vowel Production: Case Study from Ningbo Chinese // Proceedings of the 7th International Seminar on Speech Production. Ubatuba, 2006.

Ratko L., Proctor M., Cox F., Veld S. Preliminary Investigations into the Australian English Articulatory Vowel Space // Sixteenth Australasian International Conference on Speech Science and Technology. Canberra, 2016. С. 117–120.

Schönle P., Gräbe K., Wenig P., Höhne J., Schrader J., Conrad B. Electromagnetic articulography: Use of alternating magnetic fields for tracking movements of multiple points inside and outside the vocal tract // Brain and Language. V. 31. I. 1, 1987. С. 26–35.

Winkelmann R., Harrington J., Jänsch K. EMU-SDMS: Advanced speech database management and analysis in R // Computer Speech & Language. 2017. Vol. 45. С. 392–410.

Wu Ch., Shin Ch. Mandarin Vowels Revisited: Evidence from Electromagnetic Articulography // Proceedings of the Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society 35 (1). С. 329–340.

References

- Boersma P., Weenink D. *Praat: doing phonetics by computer* [Computer program]. Version 6.1.16, <http://www.praat.org/>. (retrieved: 15.11.2021)
- Chepregi M. *Surgutskiy dialekt khantyyskogo yazyka* [Surgut dialect of Khanty]. Khanty-Mansiysk, 2016, 180 p. (In Russ.).
- Fejes L. On the vowel system of Surgut Khanty. In: *Papers from the Mókus Conference*. Budapest, 2008, pp. 61–79.
- Honti L. Beobachtungen über die Laut- und Formenlehre gegenwärtiger Surguter Mundarten des Osjakischen [Observations on phonetics and morphology of Surgut Khanty]. *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1997, vol. 27, no. 3 / 4, pp. 271–286. (In German).
- Hoole P. Articulatory-acoustic relations in German vowels. In: *Proceedings of the 14th International congress of Phonetic sciences*. San Francisco, 1999, pp. 2153–2156.
- Hu F. On the Lingual Articulation in Vowel Production: Case Study from Ningbo Chinese. In: *Proceedings of the 7th International Seminar on Speech Production*. Ubatuba, 2006.
- Marchenko V. T., Prutovykh N. N., Tolstikov G. A., Tolstikov A. G. *Meditsinskiy kley "Sul'fakrilat". Antibakterial'naya protivovospalitel'naya kleevaya kompozitsiya. Rukovodstvo dlya primeneniya v khirurgicheskikh otraslyakh* [Medical glue "Sulfacrilat". Antibacterial anti-inflammatory glue composition. Surgery usage manual]. Novosibirsk, 2005, 80 p. (In Russ.).
- Obsko-ugorskaya baza dannykh: analiz tekstovykh korpusov i slovni naimeney opisannykh obsko-ugorskikh dialektov* [Ob-Ugric Database: analysed text corpora and dictionaries for less described Ob-Ugric dialects]. Electronic resource. URL <http://www.babel.gwi.uni-muenchen.de/> (accessed: 01.11.2021).
- Ratko L., Proctor M., Cox F. Veld S. Preliminary Investigations into the Australian English Articulatory Vowel Space. In: *Sixteenth Australasian International Conference on Speech Science and Technology*. Canberra, 2016, pp. 117–120.
- Ryzhikova T. R., Dobrinina A. A., Timkin T. V. Izuchenie preryvistykh glasnykh surgutskogo dialekta khantyyskogo yazyka metodom pryamoy tsifrovoy laringoskopii: predvaritel'nye rezul'taty [Study of the intermittent vowels of the Surgut dialect of the Khanty language through the method of direct digital laryngoscopy: preliminary results]. *Bulletin of Ugric studies*. 2021, vol. 11, no. 1, pp. 102–111. (In Russ.).
- Shal E. Fonetika obsko-ugorskih yazykov [Ob-Ugric Phonetics]. In: *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniya. T. 3. Mariyskiy, permskie i ugorskie yazyki* [Introduction in Finno-Ugric linguistics. Vol. 3. Mari, Perm and Ugric languages]. Moscow, Nauka, 1976, pp. 253–277.
- Schönle P., Gräbe K., Wenig P., Höhne J., Schrader J., Conrad B. Electromagnetic articulography: Use of alternating magnetic fields for tracking movements of multiple points inside and outside the vocal tract. In: *Brain and Language*. V. 31. I. 1, 1987, pp. 26–35.
- Tereshkin N. I. *Slovar' vostochnokhantyyskikh dialektov* [East Khanty dialects dictionary]. Leningrad, Nauka, 1981, 544 p. (In Russ.).
- Timkin T. V. *Sistema glasnykh fonem surgutskogo dialekta khantyyskogo yazyka po eksperimental'no-akusticheskim dannym (v sopostavitel'nom aspecte)* [Surgut Khanty vowel system based on experimental acoustic data (in comparative aspect)]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Novosibirsk, 2021. (In Russ.).
- Timkin T. V. Tipologicheskaya karakteristika hantyjskogo vokalizma dannym kazymskogo i surgutskogo dialektov [Typological characteristics of the Khanty vocalism based on data of Kazym and Surgut dialects]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: "History and Philology"*. 2018, vol. 17, no. 9, pp. 66–80. (In Russ.).
- Urtegeshev N. S., Koshkareva N. B. Sistema dolgih glasnykh zvukov pervogo sloga v surgutskom dialekte hantyjskogo yazyka [System of long vowels of the first syllable in the Surgut dialect of the Khanty language]. *Bulletin of Ugric studies*. 2017, vol. 7, no. 3 (30), 2017, pp. 74–97. (In Russ.).
- Urtesheshev N. S., Koshkareva N. B. Sistema kratkih glasnykh zvukov pervogo sloga v surgutskom dialekte hantyjskogo yazyka [System of short vowels of the first syllable in the Surgut dialect of the Khanty language]. *Bulletin of Ugric studies*. 2017, vol. 7, no. 4, 2017, pp. 70–85. (In Russ.).
- Volkova A. N., Solovar V. N. *Kratkiy russko-khantyyskiy slovar' (surgutskiy dialekt)* [Short Russian-Khanty dictionary (Surgut dialect)]. Khanty-Mansiysk, 2016, 98 p. (In Russ.).

Winkelmann R., Harrington J., Jänsch K. EMU-SDMS: Advanced speech database management and analysis in R. *Computer Speech & Language*. 2017, vol. 45, pp. 392–410.

Wu Ch., Shin Ch. Mandarin Vowels Revisited: Evidence from Electromagnetic Articulography. In: *Proceedings of the Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*, 35 (1), pp. 329–340.

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
03.11.2021*

Сведения об авторе

Тимкин Тимофей Владимирович – младший научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия).

E-mail: ttimkin@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9001-4729

Information about the Author

Timofey V Timkin – Junior Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: ttimkin@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9001-4729

УДК: 811.511.142:81'367.2
DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-25-43

Интонационная система сургутского диалекта хантыйского языка

И. М. Плотников

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Аннотация

Описывается интонационная система сургутского диалекта хантыйского языка. В качестве материала используются записи пяти фольклорных текстов, сделанные от одного носителя юганского говора. Выявлены три интонационные конструкции (ИК), описаны их структура, возможности варьирования и основные случаи употребления. Проанализирована роль этих ИК во взаимодействии интонационной и синтаксической структур высказываний, а также в формировании их актуального членения. Интонация высказываний сургутского диалекта хантыйского языка тесно связана с их синтаксической структурой, участвует в образовании полипредикативных конструкций и осложненных синтаксических структур, используется для маркирования границ коммуникативных составляющих и в большинстве случаев носит автоматический характер.

Ключевые слова

хантыйский язык, сургутский диалект, интонация, интонационная конструкция, коммуникативный синтаксис

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 19-012-00388 «Специфика звукового строя сургутского диалекта хантыйского языка».

Для цитирования

Плотников И. М. Интонационная система сургутского диалекта хантыйского языка // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 2 (вып. 42). С. 25–43. DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-25-43

Intonation system of the Surgut dialect of Khanty

I. M. Plotnikov

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

This paper aims to present the main features of the intonation system of the Surgut dialect of Khanty. The analysis of five folklore texts narrated by one native speaker distinguished three main intonation constructions (IC). The first one (IC-1), with a rising-falling tone, is typically used to mark the rheme (focus) and the end of the utterance, though its usage can vary depending on the tone level in its final part. The second (IC-2) and the third (IC-3), characterized by even and rising tone, are used on non-contrastive and contrastive themes accordingly. The intonation of utterances is shown to correlate strongly with their syntactic structure. In particular, intonation participates in the formation of complicated syntactic structures, with the IC-1 marking the detached components. Intonation is also used to express the relation between clauses: while communicatively and syntactically homogeneous, non-subordinate clauses are pronounced with IC-1, subordinate clauses are marked by IC-2. In addition, the role of intonation in forming the communicative structure of an utterance is considered. With the word order and communica-

© И. М. Плотников, 2021

ISSN 2312-6337
Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 2 (вып. 42)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2021. No. 2 (iss. 42)

tive structure of Khanty relatively rigid, intonation is used mainly to mark the boundaries between the communicative components of utterances instead of marking their theme and rheme. Even in such cases, intonation is secondary to morphological means of expressing the communicative roles of noun phrases. Due to the limited research material, this work does not claim to be a complete description of the intonation system under consideration. However, the results may serve as a basis for future research.

Keywords

Khanty language, Surgut dialect, intonation, intonation construction, communicative syntax

Acknowledgements

The study was carried out with the support of the RFBR, project No. 19-012-00388 «The specifics of the sound system of the Surgut dialect of the Khanty language».

For citation

Plotnikov I. M. Intonacionnaya sistema surgutskogo dialekta hantyskogo yazyka [Intonation system of the Surgut dialect of Khanty]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2021, no. 2 (iss. 42), pp. 25–43. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-25-43

Введение

В настоящее время возможности глубины и охвата интонационных исследований существенно расширились вследствие накопления значительного опыта работ в этой области и постоянного совершенствования методов инструментального анализа интонации. Несмотря на это, интонационные системы многих языков, в том числе большей части языков коренных народов Сибири, остаются малоизученными. Вместе с тем системное описание их интонации является актуальным в связи с необходимостью включения интонационных явлений в круг предметов синтаксических и прагматических исследований. К ним относятся анализ роли интонации в формировании высказывания и выражения связей в полипредикативных конструкциях, исследования в области коммуникативного синтаксиса, где интонация рассматривается как одно из первичных средств выражения актуального членения (АЧ) высказывания, и исследования, ориентированные на изучение структуры и способов формирования текста. Эта актуальность возрастает, если значительная часть исследуемого материала приходится на записи фольклорных текстов или образцов устной речи. Выделенные нами закономерности задают вектор развития интонационных исследований в сторону их интеграции с исследованиями в области синтаксиса.

Целью настоящей статьи является описание интонационной системы сургутского диалекта хантыйского языка. Единственным известным нам исследованием интонации, проведенном на материале хантыйского языка, является работа А. Ю. Фильченко [Фильченко 2011], посвященная анализу соответствий между просодическими и прагматическими характеристиками восточнохантыйских высказываний. Подход, используемый в нашей статье, предполагает выделение языковых единиц интонации (интонационных конструкций) и определение их системных оппозиций, что позволяет описать интонацию языка как комплексную систему, предназначенную для выполнения ряда коммуникативных функций, и её взаимодействие с другими языковыми системами.

Материалы и методы

Материалом для данного исследования послужили аудиозаписи пяти фольклорных текстов, полученных в экспедиции Института филологии СО РАН в августе 2019 г. в село Угут Сургутского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Их исполнитель – Полина Иудовна Нюгломкина (1972 г. р., уроженка с. Угут Сургутского района Ханты-Мансийского округа – Югры, учитель родного языка и литературы Угутской средней общеобразовательной школы), носитель юганского говора. Тексты опубликованы в [Три мудрых совета 2020]. Параметры анализируемых текстов представлены в Таблице 1 (с. 27).

Главным инструментом исследования интонационного оформления высказывания, который позволяет описывать соответствие между интонацией и ее синтаксическими функциями, мы считаем понятие **интонационной конструкции** (ИК) – термин Е. А. Брызгуновой [Брызгунова 1971, 1973]. Под ИК мы понимаем языковую единицу интонации, планом выражения которой является последова-

тельность относительных изменений просодических характеристик, а планом содержания – набор ее значений, тесно связанных с основными функциями интонации.

Таблица 1
Table 1

Параметры анализируемых текстов
Properties of the texts under consideration

Название сказки	Перевод названия	Кол-во высказываний	Длительность аудиофайла
Җөләм нёмсәң йасәң	Три мудрых совета	117	12 мин 17 сек
Идэ	Идэ	72	5 мин 56 сек
Кэшка панэ сохәлтэ җө	Кошка и мышка	51	5 мин 50 сек
Лјаңки панэ кэшка	Белка и кот	58	4 мин 35 сек
Йәки пөм лор	Легенда о чудище Киняминского озера	29	2 мин 9 сек
Всего		327	30 мин 47 сек

К наиболее значимым функциям интонации Ф. Данеш относит функцию формирования высказывания, делимитативную функцию, функцию выражения актуального членения, модальную (противопоставление высказываний по цели), экспрессивную [Daneš 1960: 48]. Этот набор функций используется Т. М. Николаевой (за исключением экспрессивной функции) [Николаева 1977: 4–9] и Н. Д. Светозаровой [Светозарова 1982: 15–24]. Т. М. Николаева обобщает эти функции до трех: членения, связи и передачи смысловых отношений. Эти функции, ориентированные относительно сегментов речи, подчеркивают, что интонационные средства не только наделяют сегменты речи определенными свойствами, но и объединяют их в структуру, заданную внутренними связями и отношениями между ними. Иными словами, выполнение интонацией функций обеспечивается не только значениями ИК, но и планом их употребления, который служит связующим звеном между сегментной структурой речи и выражающимися в ней синтаксическими отношениями.

Объединение набора ИК и плана их употребления (т. е. правил и закономерностей их реализации) в данном языке мы называем его **интонационной системой**.

В данной статье выражение **актуального членения** (АЧ) рассматривается как центральная, наиболее значимая функция интонации. АЧ представляет собой разделение высказывания на рему – коммуникативную составляющую, конституирующую выражаемый высказыванием речевой акт, и парную ему не-конституирующую тему [Янко 2001: 23]. Актуальное членение вместе с вторичными модифицирующими коммуникативными значениями (контраст, верификация и эмфаза [Там же: 46]) формируют **коммуникативную структуру** высказывания – двустороннюю единицу, в план выражения которой включается и интонационная структура высказывания [Там же: 34]. Аналогичным понятием в зарубежной лингвистике является информационная структура (*information structure*) [Lambrecht 1994].

По нашим наблюдениям, в сургутском диалекте хантыйского языка определяющей просодической характеристикой в интонационном оформлении высказывания является тон, поэтому в рамках настоящего исследования выделение ИК производится на основании движения тона (частоты основного тона, F0). Для определения движения тона используется график частоты основного тона, генерируемый программой PRAAT [Voersma, Weenink 2021], с частотой, измеряемой в полутонах на 100 Гц. Наименьшей единицей анализа являются слоги, так как минимальное значимое движение тона выявляется при сопоставлении частот основного тона в последовательности из двух слогов. Благодаря этому из рассмотрения исключаются внутрислоговые явления, которые связаны со структурой слога, и учитывается относительность движения тона.

Для анализа интонации всего высказывания основное значение имеет не изменение тона между соседними слогами, а последовательное движение тона на его частях, обычно совпадающих с одним или несколькими фонетическими словами. Такое движение может быть восходящим, ровным или нисходящим. Для того чтобы признать движение тона на участке высказывания восходящим или нисходящим, необходимо, чтобы изменение величины тона на нем могло считаться значимым. В общем случае мы считаем значимым движение тона, превышающее $\frac{1}{2}$ полутона. Этот порог может увеличиваться в случае более длинных сегментов, для которых характерно постепенное падение тона, не являющееся интонационно значимым.

При выделении ИК мы руководствуемся следующим принципом: ИК характеризуется определенным движением тона, которое может модифицироваться в ее вариантах, но сохраняет общее направление. Это основное конституирующее движение тона может окружаться вторичными, обеспечивающими приспособленность ИК к употреблению в определенных позициях (например, начало высказывания) и связь между сегментами. Комбинации заданных таким образом вариантов ИК позволяют выразить все многообразие возможных отношений между сегментами текста, используя относительно ограниченный их набор.

Результаты и обсуждение

На основе анализа интонационного оформления высказываний в рассматриваемых текстах мы выделяем три основные интонационные конструкции, которые представлены в Таблице 2.

Таблица 2
Table 2

Основные интонационные конструкции сургутского диалекта хантыйского языка Main intonation constructions of the Surgut Khanty

ИК	Движение тона	Схема	Основное значение
ИК-1	восходяще-нисходящий	$[\rightarrow\uparrow] \uparrow\downarrow$	рема
ИК-2	ровный	$[\uparrow] \rightarrow [\downarrow]$	тема
ИК-3	восходящий	$\uparrow [\rightarrow]$	контрастная тема

Значения символов, использованных в схеме ИК, приведены в списке сокращений и условных обозначений. В квадратные скобки помещены факультативные элементы, остальные элементы описывают движение тона, являющееся для данной ИК конститутивным.

ИК-1 – самая частотная и многофункциональная из выделенных конструкций. Она состоит из следующих компонентов:

- центр – слог, который чаще всего характеризуется заметным подъемом тона ($\uparrow$);
- постцентровая часть – характеризуется равномерно падающим тоном ($\downarrow$);
- факультативная предцентровая часть, на которой тон ниже тона центра и может быть восходящим или ровным, переходящим в восходящий при приближении к центру ($\rightarrow\uparrow$).

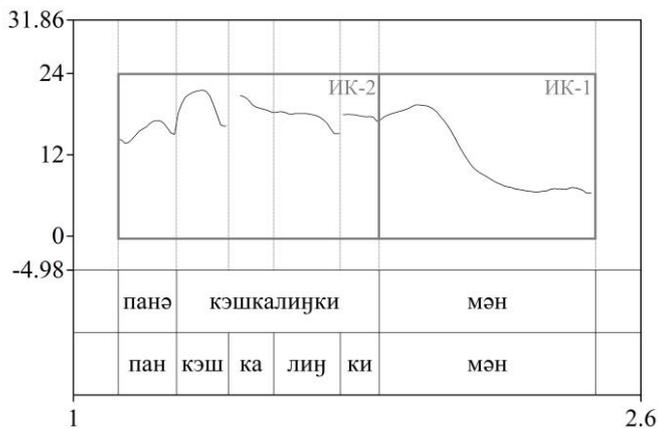
Реализации ИК-1 могут варьировать по следующим параметрам:

- высота тона и степень выраженности центра;
- степень падения тона в постцентровой части;
- наличие предцентровой части.

Первичное употребление ИК-1 связано с выделением ремы как конституирующего элемента всех основных видов высказываний: повествовательных (пример 1), повелительных (примеры 2–3) и вопросительных (пример 4).

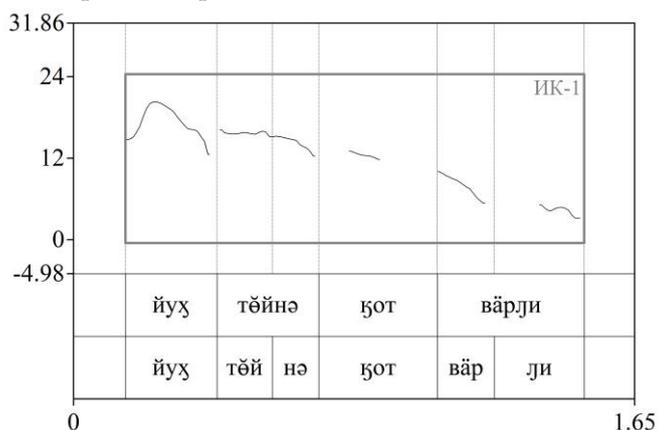
(1) *Панэ кэшкалиңки мэн.*

панэ кэшка=лиңки=∅ мэн=∅
и кошка=DIM=NOM идти=SUBJ.3SG
'И кошка пошла'.

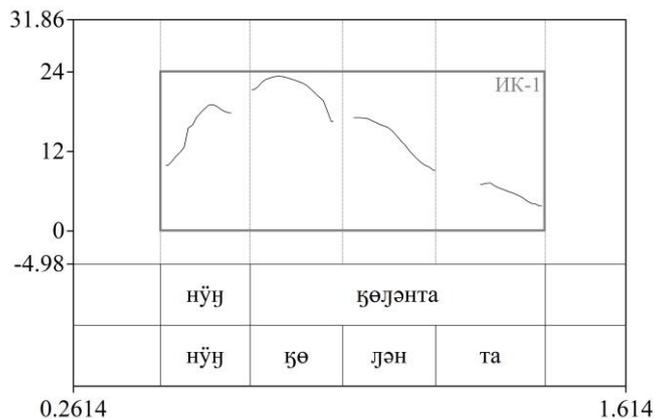
(2) *Йуу тэйнэ қот вәрли.*

йуу=∅ тэй=нэ қот=∅ вәр=л=и=∅
дерево=NOM вершина=LOC дом=NOM делать=NPST=PASS=3SG
'На вершине дерева дом сделаем'.

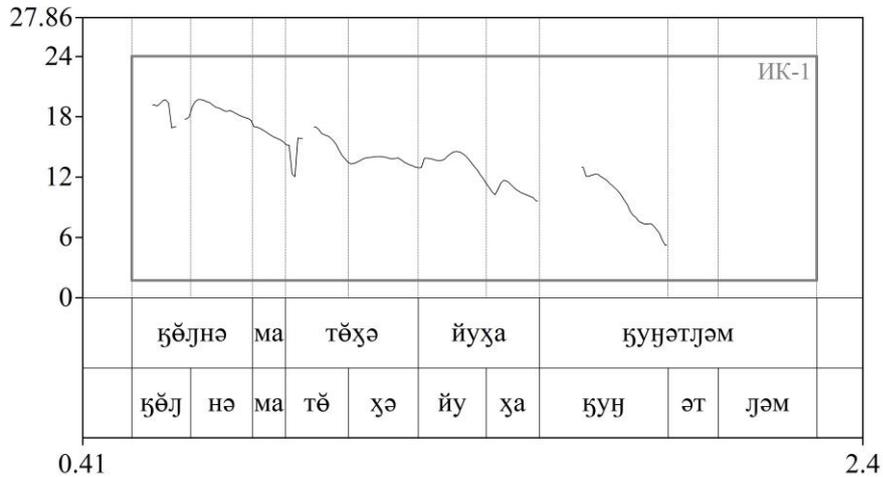
(3) *Нүу қөләнта.*

нүу=∅ қөл=энт=а
ты=NOM слышать=ASP=IMP.SUBJ.2SG
'А ты послушай'.

(4) *Бѳлнѳ ма тѳхѳ йуѳа ѳуѳѳтлѳм?*

ѳѳлнѳ ма=∅ тѳхѳ йуѳа ѳуѳѳтлѳм=лѳѳм
 как я=NOM туда дерево=LAT залезть=NPST=SUBJ.1SG
 ‘Как я туда на дерево залезу?’

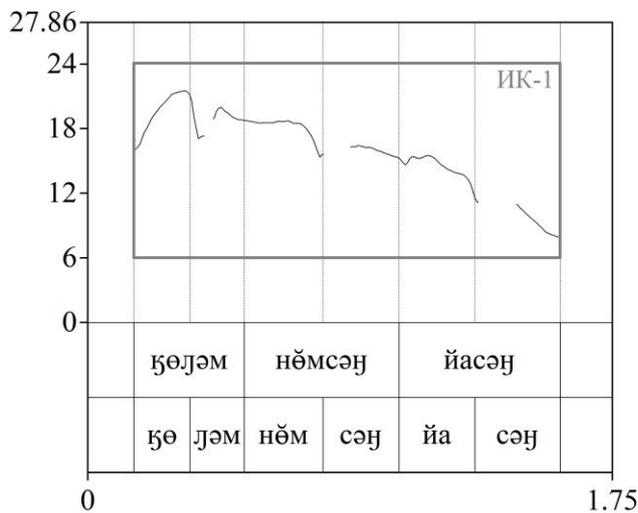

Эти употребления объединяются не только коммуникативным статусом выделяемых компонентов, но и тем, что в них включается сказуемое и конец высказывания или его части, соответствующей раз-вернутой предикативной единице (ПЕ). Отметим, что так как в нашей выборке содержится всего один модальный вопрос, то сделанные выводы касаются только диктальных вопросов.

ИК-1 используется также в высказываниях, выступающих в роли заголовка текста:

(5) *Бѳлѳм нѳмсѳй йасѳй.*

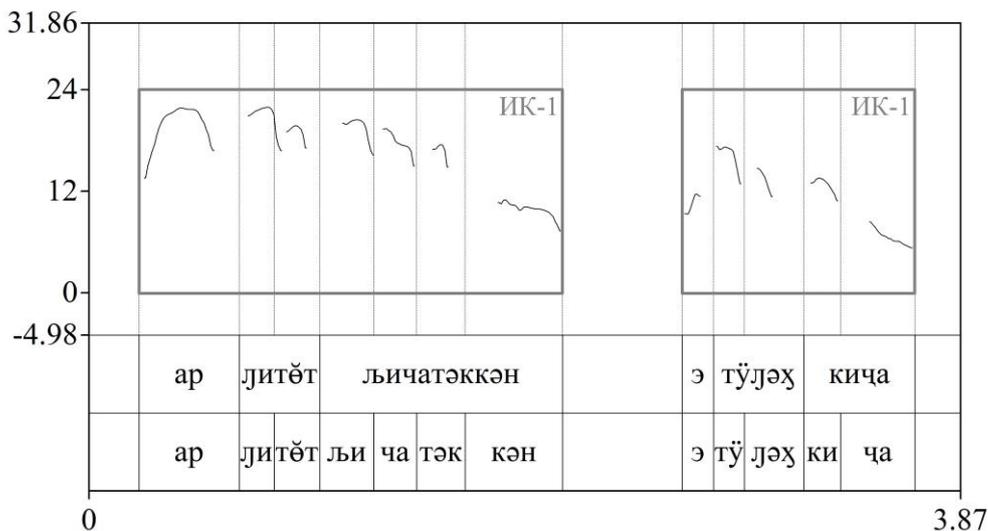
ѳѳлѳм нѳмсѳй йасѳй=∅
 три ум=ADJ слово=NOM
 ‘Три мудрых совета’.

К другим случаям употребления ИК-1 относятся обособленные компоненты, смещенные в позицию после сказуемого, обычно завершающего высказывание (т. е. находящиеся в правой дислокации). В таких случаях используется вариант ИК-1 с менее выраженным подъемом тона на центре, чем в основной части высказывания:

(6) *Ар литөт личатәккән, түүләх кича.*

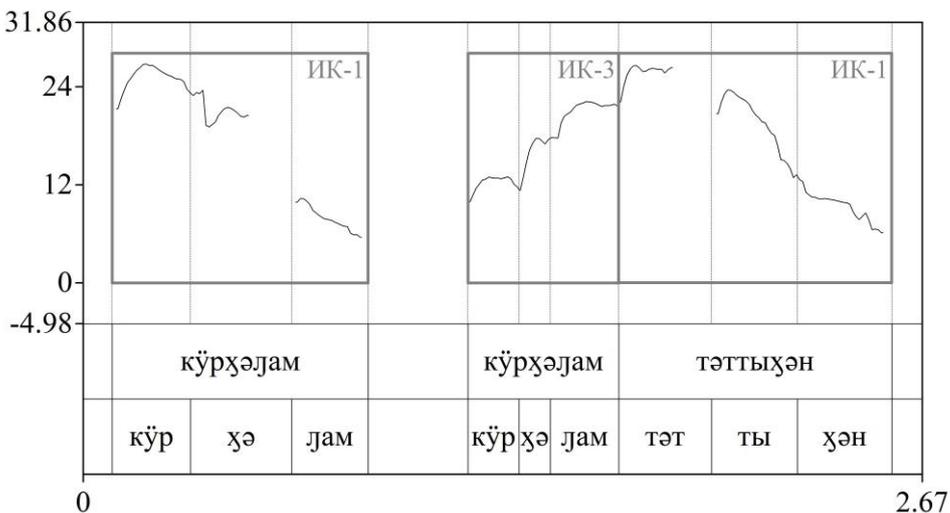
ар ли=т=өт=∅ личатәк=кән түүләх=∅ кича=∅
 много есть=NPP=вещь=NOM приготовить=DU зима=NOM для=POSSR.3SG
 ‘Много еды заготовили, на зиму’.

ИК-1 может употребляться и для оформления контрастной темы, включающей подлежащее или определение, если она отделена от сказуемого. В примере (7) она отделяется повтором того же слова, но с другой интонацией:

(7) *Күрхәлам – күрхәлам тәттыхән.*

күр=хәл=ам=∅ күр=хәл=ам=∅ тәтты=хән
 нога=POSSM.DU=POSSR.1SG=NOM нога=POSSM.DU=POSSR.1SG=NOM здесь=SUBJ.3DU
 ‘Ноги – ноги тут’.

В случае, когда и тема, и рема являются новым (то есть вводят информацию, которая, в противоположность данному, не известна слушателю из контекста [Ковтунова 1976: 42]), может формироваться конструкция из двух ИК-1, центры которых лежат на теме и на реме:

(8) *Аҥкил тэрэм.*

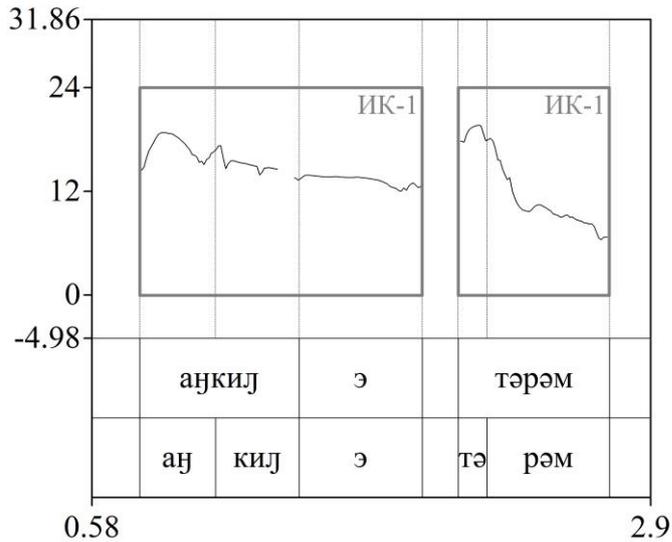
аҥки=л=∅

тэрэм=∅

мать=POSSR.3SG=SUBJ.3SG

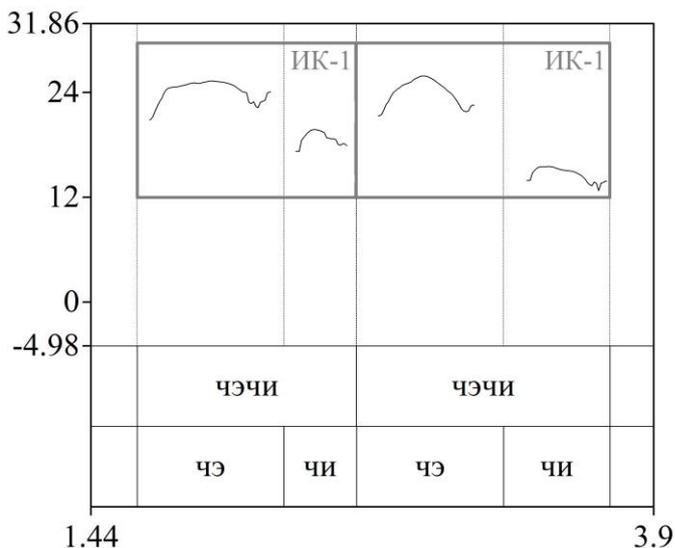
кончиться=SUBJ.3SG

‘Мать его умерла’.

В самостоятельных обращениях (т. е. не входящих в состав речевого акта другого типа [Янко 2001: 43]) встречается эмфатическая разновидность ИК-1, в которой высокий тон центра сочетается с более резким, но не полным падением тона постцентральной части:

(9) *Чэчи! Чэчи!* ‘Бабушка! Бабушка!’

Таким образом, для составляющих, оформляемых ИК-1, характерна высокая коммуникативная значимость (рема, контраст или эмфаза), а также обособленность (развернутая предикативная единица, правая дислокация, отделенность от сказуемого, обращение). Это соответствует выводам А. Ю. Фильченко о выделении наиболее информационно значимых компонентов высказывания при помощи акцентного пика [Фильченко 2011: 141] (в нашей терминологии – центра ИК-1).

ИК-2 является нейтральной, так как движение тона на ней наименее маркировано, она также употребляется довольно часто и состоит из следующих элементов:

- основная часть, которая оформляется относительно высоким ровным тоном (→);
- факультативная финальная часть, на которой происходит резкое падение тона (↓);
- факультативная инициальная часть, на которой происходит подъем тона (↗).

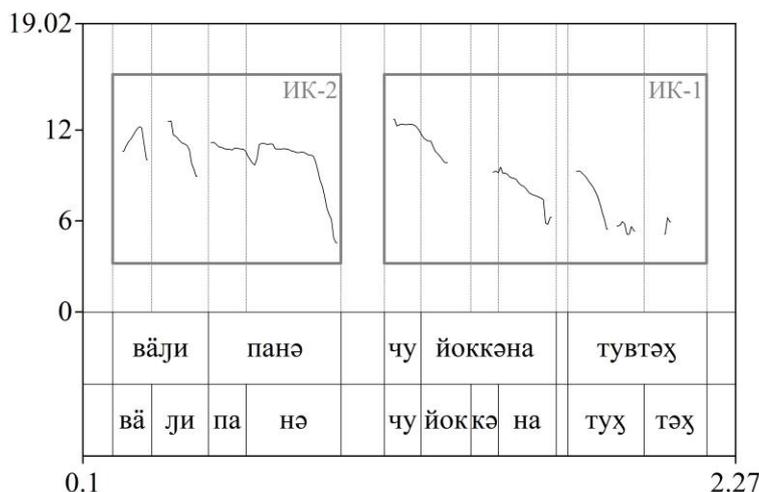
Соответственно, реализации ИК-2 могут варьировать по следующим параметрам:

- высота тона основной части;
- наличие инициальной и финальной частей.

Базовым случаем употребления ИК-2 является неконтрастная тема, выраженная именной группой в роли подлежащего или дополнения:

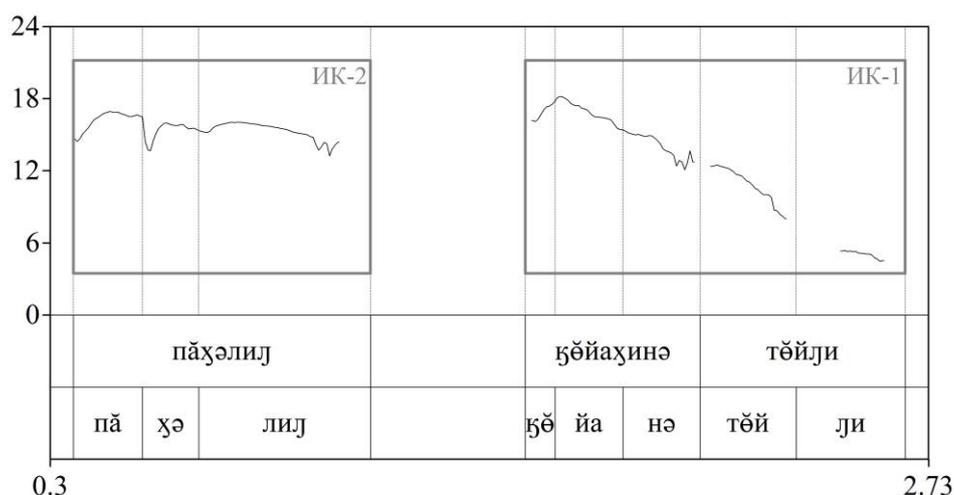
(10) *Вӱли панэ чу йоккэна тувтэх.*

вӱли=∅   панэ   чу   йок=кэн=а   тув=тэх
 олень=NOM   и   тот   люди=DU=LAT   принести=OBJ.SG.SUBJ.3SG
 ‘Олень тем людям принес’.

(11) *Пӱхэлил җӱйахинэ тӱйли?*

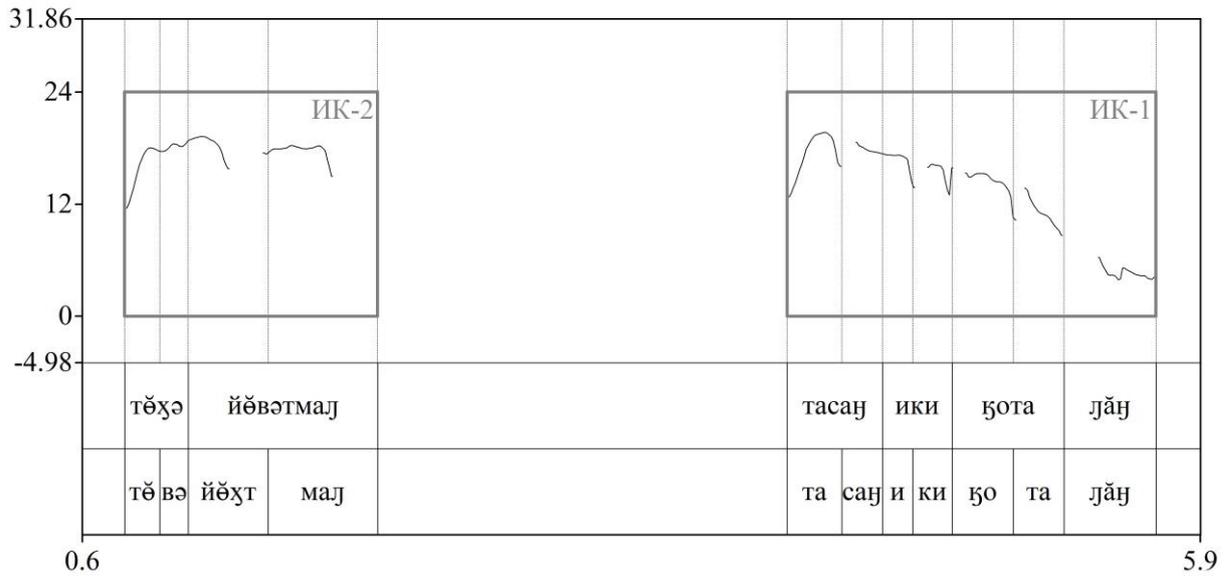
пӱхэ=ли=л=∅   җӱйахи=нэ   тӱй=л=и=∅
 мальчик=DIM=POSSR.3SG=NOM   кто=LOC   иметь=NPST=PASS=3SG
 ‘Кто мальчонку возьмет?’

Эта функция распространяется и на темы в полипредикативном высказывании, выраженные, например, причастным оборотом (12) или конструкцией, вводящей прямую речь (13):

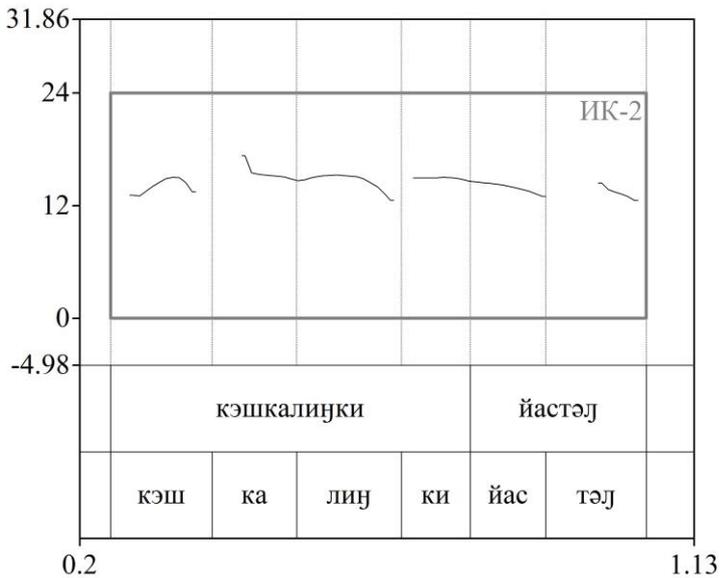
(12) Төхө йөвөтмал, тасан ики бота лан.

төхө йөвөт=м=ал тасан ики бот=а лан=Ø
 туда прийти=PP=3SG богатый мужчина дом=LAT заходить=SUBJ.3SG
 ‘Туда пришел, в дом богача зашел’.

(13) Кэшкалиңки йастэл: <...>.

кэшка=лиңки=Ø йаст=эл=Ø
 кошка=DIM=NOM сказать=NPST=SUBJ.3SG
 ‘Кошечка говорит: <...>’.

Таким образом, в противоположность ИК-1, составляющие, выделяемые ИК-2, характеризуются низкой коммуникативной значимостью.

ИК-3 употребляется редко. Она состоит из:

- основной части, которая характеризуется восходящим тоном (↗);
- факультативной финальной части с ровным движением тона (→).

Реализации ИК-3 могут варьировать по следующим параметрам:

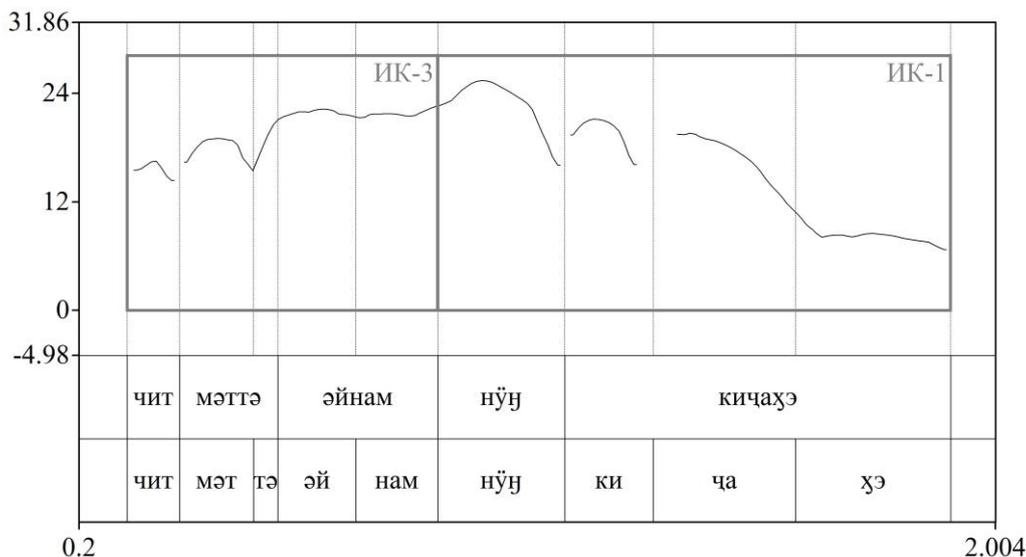
- степень подъема тона в основной части;
- наличие финальной части.

ИК-3 употребляется в случаях, когда контрастная тема примыкает к реме (пример 14), особенно если используется конструкция с расщеплением темы, где тема представлена двумя повторами одного слова (пример 7).

(14) <...> *чит, мэттэ, эйнам нўн кичахэ.*

чит мэттэ эйнам нўн кичахэ
это PRTCL.QUOTE все ты для=POSSR.2SG

‘<...> это все тебе’.

Функционирование ИК-3, таким образом, очень ограничено. По характеру движения тона и положению в высказывании ИК-3 сближается с предцентровой частью ИК-1, но отличается тем, что ее компоненты образуют изолированную коммуникативную составляющую.

Соответствие интонационной и синтаксической структур высказывания. Как показывают приведенные примеры, употребление выделенных ИК определяется синтаксическими факторами. Это обусловлено взаимодействием синтаксиса и интонации, которое проявляется в том, что интонация не только приспосабливается к синтаксической структуре высказывания, но и активно участвует в ее формировании. Задачей настоящего раздела является описание роли ИК сургутского диалекта хантыйского языка в этом взаимодействии.

Рассмотрим интонационные структуры высказываний по мере нарастания сложности их синтаксической и коммуникативной структур. Простейшие высказывания, содержащие одну ПЕ и коммуникативно нерасчлененные, представляют собой одну синтагму, оформленную ИК-1 (примеры 3, 5). ИК-1 в этом случае сочетает значения ремы (в данном случае – монорематичности) и законченности высказывания.

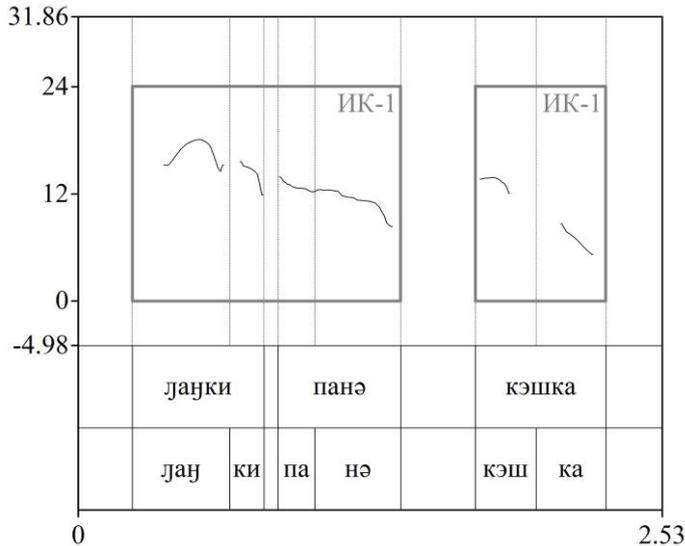
Коммуникативно расчлененные монопредикативные высказывания состоят из двух или более синтагм. При этом последняя синтагма по оформлению и функциям аналогична единственной синтагме нерасчлененных высказываний, а предшествующие ей тематические синтагмы могут быть оформлены любой из трех ИК в зависимости от их коммуникативного статуса (примеры 1, 8, 14). Обязательным для ИК неконечных синтагм является отсутствие у них значения завершенности, что в случае

ИК-1 обеспечивается использованием ее модификации, характеризующейся менее выраженным падением тона в постцентральной части (пример 8).

Далее охарактеризуем явления, приводящие к осложнению синтаксической структуры высказывания, но не к образованию полипредикативных высказываний. К ним мы относим рассмотренные ранее правую дислокацию (пример 6) и расщепление темы (пример 7). Введение однородных членов предложения также приводит к усложнению интонационной структуры, что наблюдается в заголовке одной из сказок (пример 15, ср. пример 5).

(15) *Лауки панэ кэшка.*

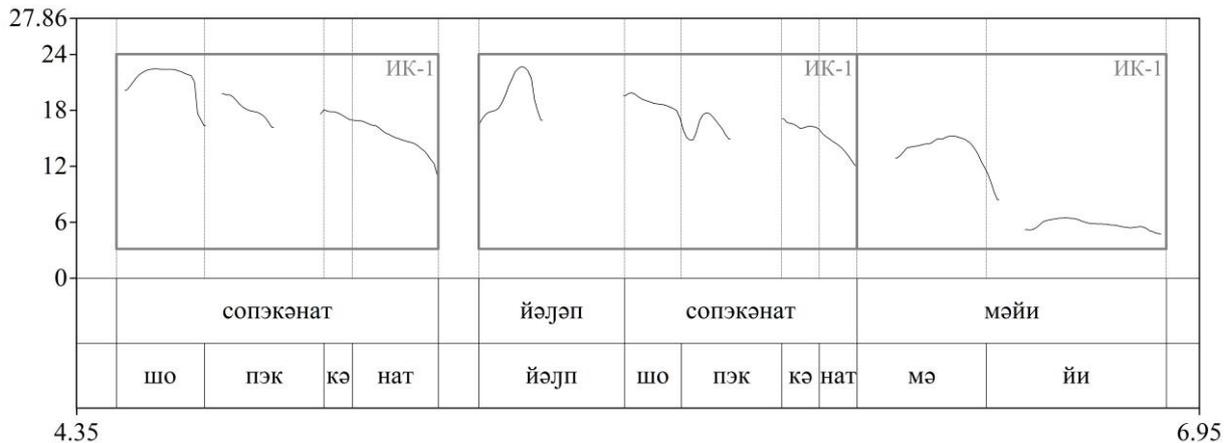
лауки=∅   панэ   кэшка=∅
 белка=NOM   и   кот=NOM
 'Белка и кот'.

Другое интонационное оформление сочинительной связи представлено в примере 16:

(16) *Панэ чу тасэу зөна сопэкэнат, йэлэп сопэкэнат мэйи.*

панэ чу тасэу   зө=нэ   сопэк=эн=ат   йэлэп   сопэк=эн=ат
 и   тот богатый   мужчина=LOC   сапог=DU=INSTR   новый   сапог=DU=INSTR
 мэй=и=∅
 давать=PASS=3SG
 'И богач дал ему сапоги, новые сапоги дал'.

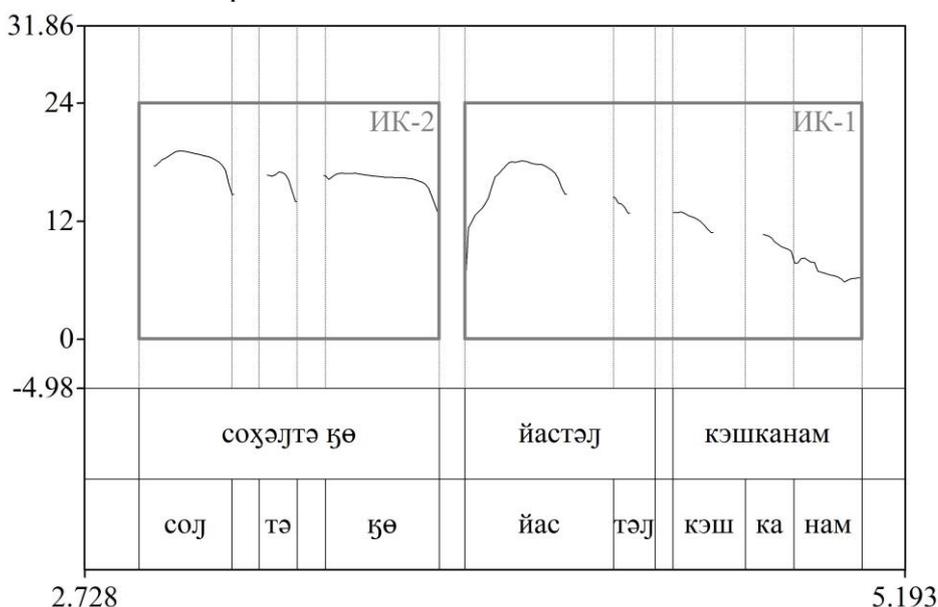

Однородное дополнение выступает в роли уточнения и вводит вторичную предикацию, которая может быть развернута следующим образом: *богач дал ему сапоги, и эти сапоги были новыми*. Этот пример отличается от примера 15 наличием вторичной предикации и отсутствием лексических средств выражения сочинительной связи, вследствие чего сегменты оформлены равнозначными реализациями ИК-1 с одинаковым тоном центра.

В случае правой дислокации интонационно противопоставляются ее обособленная и необособленная разновидности. Обособленная правая дислокация выступает в роли вторичной ремы и вторичной предикации высказывания, в связи с чем оформлена ИК-1 (пример 6) с менее выраженным центром, чем в основной части высказывания. Необособленная (пример 17) является способом дерематизации дислоцированного компонента и рематизации сказуемого за счет перемещения его в типичную для ремы позицию предпоследнего компонента высказывания. Интонационно это выражается в том, что дислоцированный компонент помещается в постцентровую часть ИК-1, центр которой приходится на сказуемое. Таким образом, примеры с расщеплением темы, обособленной правой дислокацией и однородными членами предложения показывают, что обособленность, обозначаемая на письме запятыми или тире, в речи выражается использованием ИК-1.

(17) <...> сохэлтэ җө йастэл кэшканам: <...>.

сохэл=тэ   җө=∅   йаст=эл=∅   кэшка=нам
скачать=NPP   мужчина=NOM   сказать=NPST=SUBJ.3SG   кошка=APPRX
'<...> мышка говорит кошке: <...>'

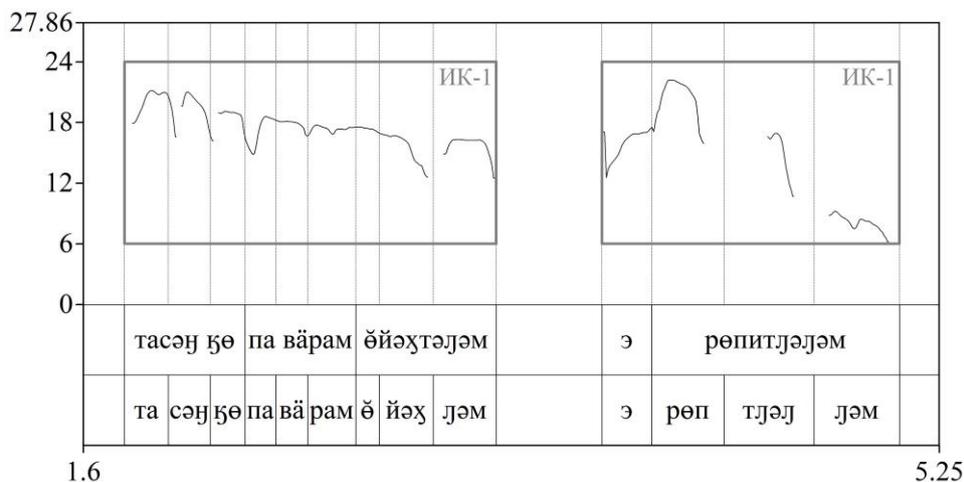
В полипредикативных высказываниях их компоненты – предикативные единицы (ПЕ) – строятся по тем же правилам, что и монопредикативные высказывания. Единственным различием между ними является необходимость маркирования незавершенности высказывания в неконечных ПЕ. Используемые при этом средства определяются типом отношений между ПЕ.

При сочетании двух однородных ПЕ последняя синтагма неконечной ПЕ оформляется модификацией ИК-1, которая одновременно выражает законченность ПЕ и незаконченность высказывания (пример 18). В анализируемых записях значения тона на последнем слоге таких сегментов находятся на уровне 10 полутонов, в отличие от 7 полутонов, характерных для конечных сегментов. Модификация ИК-1 также служит показателем соединительных отношений: использование вариантов ИК-1 на соседних ПЕ является сигналом их однородности, как синтаксической, так и коммуникативной.

(18) Тасэҥ ҕө па вӱрам ӱйӱтӱлӱм, рӱпитлӱлӱм.

тасэҥ ҕө=∅ па вӱр=ам=∅ ӱйӱтӱлӱм=лӱ=эм
 богатый мужчина=NOM другой дело=POSSR.1SG=NOM найти=NPST=SUBJ.1SG
 рӱпитлӱлӱм=лӱ=эм
 работать=NPST=SUBJ.1SG

‘Богатого человека, может быть, встречу, поработаю’.

Для выражения отношений зависимости в хантыйском языке употребляются полипредикативные конструкции с инфинитными формами глагола в зависимой части [Кошкарева 2004: 122]. Для таких высказываний характерна коммуникативная неоднородность ПЕ. Так, для частотных в рассматриваемых текстах диктум-дикутумных высказываний характерна тематичность зависимой ПЕ, которая описывает уже известное слушателю событие, выступающее как фоновое для события главной ПЕ (К. Ламбрехт описывает такую разновидность темы как *scene-setting* [Lambrecht 1994: 125]). Для оформления зависимой части в таком случае употребляется ИК-2 (пример 12). За счёт такого противопоставления ИК-1 и ИК-2 формируется описанная А. Ю. Фильченко нарративная структура с вторым ПЕ [Фильченко 2011: 140].

К особому типу полипредикативных высказываний относятся высказывания с прямой речью. В них в роли главной части выступает ПЕ, используемая для введения прямой речи, а зависимая может быть представлена фактически автономной от нее группой высказываний прямой речи. В данном случае главная часть выступает как фоновая и чаще всего оформляется ИК-2 (пример 13), хотя в некоторых случаях используется и ИК-1 (пример 17).

В обоих случаях ИК-2 выступает в роли показателя незаконченности высказывания, тематичности оформленной ею ПЕ и неравенства коммуникативного статуса частей высказывания. Для интонации полипредикативных высказываний, таким образом, характерно противопоставление ИК-2 и ИК-1 для передачи подчинительных отношений, и ИК-1 и его модификации – для сочинительных.

Описанные здесь соответствия между синтаксической и интонационной структурой высказываний свидетельствуют о том, что в рассматриваемых нами текстах интонация носит автоматический характер, так как высказывания со сходным синтаксическим устройством имеют сходное интонационное оформление.

Соответствие интонационной и коммуникативной структур высказывания. Отдельно рассмотрим вопрос о роли интонации в формировании коммуникативной структуры высказывания. Однозначного соответствия между ИК и компонентами АЧ нет. Рема высказывания всегда выражается ИК-1, но это отношение не однозначно, так как ИК-1 может соответствовать и тема. В зависимости от условий употребления тема может быть оформлена ИК-1 (примеры 7–8), ИК-2 (примеры 10–13) и ИК-3 (примеры 7, 14).

Особенностью коммуникативной структуры высказываний в сургутском диалекте хантыйского языка является тенденция к совмещению конца ПЕ или высказывания с его ремой. В результате

в большинстве случаев порядок коммуникативных составляющих высказывания соотносится с их коммуникативной ролью, в связи с чем наиболее значимым является не характеристика коммуникативной составляющей как темы или ремы, которая следует из ее позиции в высказывании, а маркирование границы между коммуникативными составляющими.

Покажем это на примере оппозиций высказываний с одинаковой синтаксической структурой, но разным АЧ. Такое противопоставление наблюдается в высказываниях с позицией субъекта. Нерасчлененные высказывания, где субъект входит в рему, представляют собой одну синтагму, оформленную ИК-1:

(19) Чэчилнэ а́нэмты.

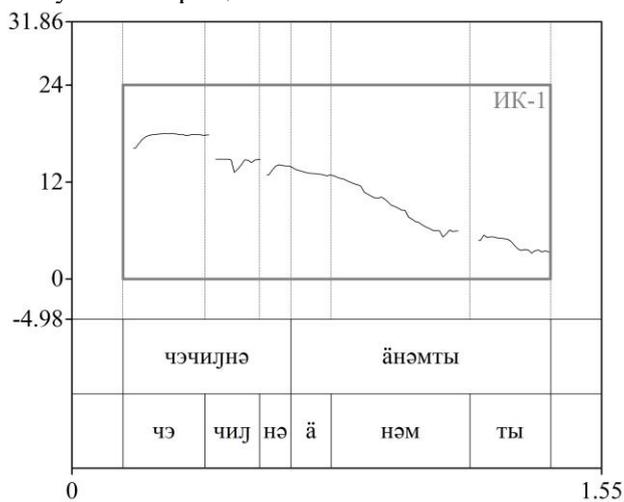
чэчи=л=нэ

а́нэм=т=ы=∅

бабушка=POSSR.3SG=LOC

расти=CAUS=PASS=3SG

‘Бабушкой выращен’.

Интонационное оформление высказываний с субъектом-ремой и предикатом-темой (пример 20), в которых можно было бы предполагать разделение на две синтагмы, не отличается от примера 19, что связано с потребностью совмещения конца высказывания и ИК-1:

(20) <...> тэми пупи йёвэт.

тэми

пупи=∅

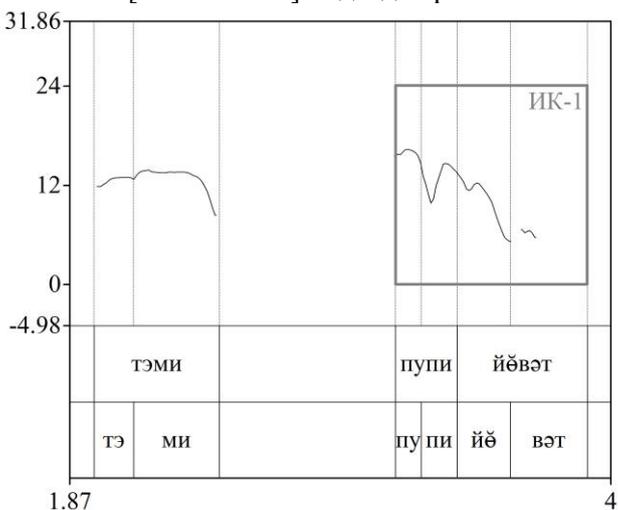
йёвэт=∅

PRTCL.EVID

медведь=NOM

прийти=SUBJ.3SG

‘<...> это [оказывается] медведь пришел’.

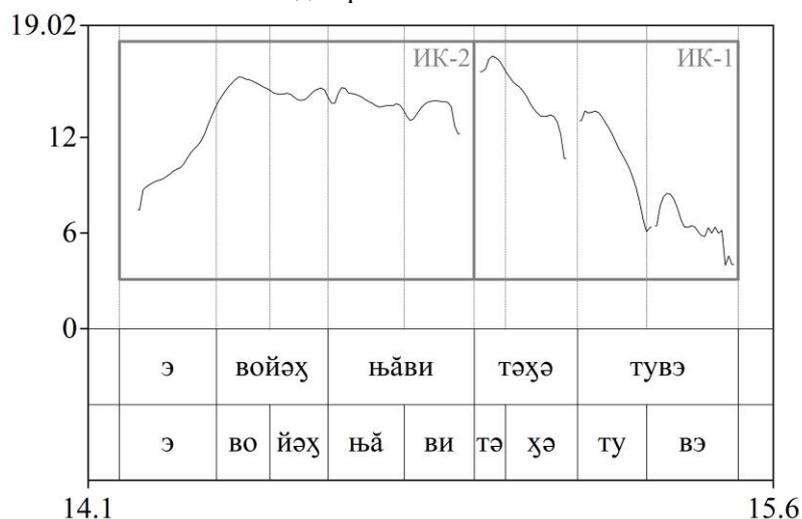

В случае субъекта-темы и предиката-ремы наблюдается расчлененное высказывание, где каждая коммуникативная составляющая представлена отдельной синтагмой (примеры 1, 8). Таким образом, противопоставление высказываний по коммуникативной роли субъекта выражается в интонационной расчлененности / нерасчлененности высказывания.

Аналогичное противопоставление наблюдается и в примерах с варьированием коммуникативной роли объекта. Рассматриваемая в примере 21 часть высказывания входит в ряд указаний о том, что делать с лосиным мясом, поэтому объект является темой и оформлен ИК-2. Аналогичная ситуация в примерах 10 и 11. Пример 22, наоборот, является первым упоминанием об оленине, поэтому высказывание является монорематичным и представляет собой одну синтагму, оформленную ИК-1. Позиция тонального пика, маркирующего центр ИК-1, указывает на начало ремы и, соответственно, на то, входит ли в нее объект.

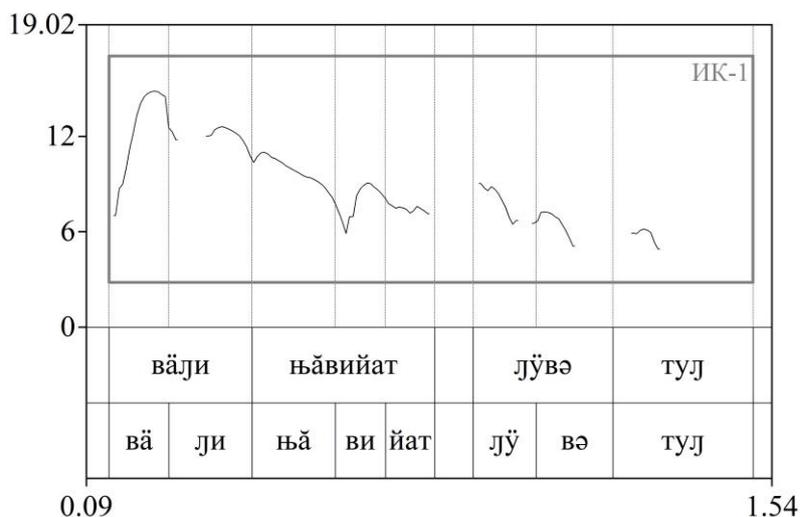
(21) <...> *войэх ньави тэхэ тувэ.*

войэх ньави=∅ тэхэ тув=э
зверь мясо=NOM сюда приносить=IMP.SUBJ.2SG.OBJ.SG
'<...> лосиное мясо сюда принеси'.

(22) *Вяли ньавийат лүвэ тул.*

вяли ньавий=ат лүвэ ту=л=∅
олень мясо=INSTR PRTCL.CONJ приносить=NPST=SUBJ.3SG
'Пусть оленины принесет'.

Таким образом, участие интонации в формировании АЧ высказывания проявляется в первую очередь не в маркировании частей высказывания как темы или ремы при помощи соответствующих им ИК, а в указании на границу между коммуникативными составляющими.

Заклучение

Полученные данные подтверждают, что закономерности, выявленные А. Ю. Фильченко на материале восточнохантыйских нарративов, справедливы для сургутского диалекта. Описание единиц интонации и плана их употребления позволяет рассматривать эти закономерности и другие интонационные явления в контексте функционирования комплексной интонационной системы. Собранные здесь данные позволяют также охарактеризовать интонацию сургутского диалекта хантыйского языка с точки зрения места, занимаемого ею в системе других средств выражения синтаксических значений.

Во-первых, показано, что интонация высказывания тесно связана с его синтаксической структурой. Главную роль в их отношении играет ИК-1 с нисходящим движением тона, используемая для обозначения конца высказывания. Интонационные средства участвуют также в формировании осложненных синтаксических структур (расщепление темы, правая дислокация, однородные члены) и при выражении отношений между ПЕ высказывания. В большинстве случаев, однако, выполняемые интонацией функции обеспечиваются также грамматическими средствами и порядком слов. Связанность интонации с линейной структурой высказывания свидетельствует об ее автоматическом характере.

Во-вторых, рассмотрено участие интонации в выражении АЧ высказываний. Ограниченность вариативности АЧ высказывания, связанная с обязательным предшествованием темы реме, и маловариативный порядок слов, позволяют отнести хантыйский язык к типу языков с жесткой коммуникативной структурой и синтаксисом по классификации Р. Ван Валина [Van Valin 1999]. Для этого типа не характерно использование интонации для выражения АЧ, что подтверждается нашими данными. В примерах высказываний сходных синтаксических структур с разным АЧ, которые противопоставляются по интонационному оформлению, интонация участвует в выражении АЧ косвенно, так как ее основной функцией является указание на границу между коммуникативными составляющими высказывания, а не обозначение их типа (тема или рема). Более того, в таких случаях в выражении АЧ задействованы и морфологические средства выражения тематичности субъекта и объекта – страдательный залог (пример 19) и объектное спряжение (пример 21) (о морфологических средствах выражения АЧ в сургутском диалекте хантыйского языка см. [Кошкарева 2007]).

В связи с ограниченностью рассмотренного материала, настоящая статья не претендует на полноту описания интонационной системы сургутского диалекта хантыйского языка, однако сделанные выводы могут служить основой для дальнейшего уточнения и систематизации проанализированных здесь явлений.

Список сокращений и условных обозначений

Сокращения

АЧ – актуальное членение; ИК – интонационная конструкция; ПЕ – предикативная единица.

Обозначения характера изменения тона

↗ – равномерное восходящее движение тона; ↗ – резкий подъем тона; → – ровное движение тона; ↘ – равномерное восходящее движение тона; ↓ – резкое падение тона.

Обозначения, используемые в глоссировании

1 – 1-е лицо; 2 – 2-е лицо; 3 – 3-е лицо; **ADJ** – имя прилагательное; **APPRX** – общенаправительный падеж; **ASP** – аспектуальность; **CAUS** – каузативность; **DIM** – диминутив; **DU** – двойственное число; **IMP** – повелительное наклонение; **INSTR** – творительный падеж; **LAT** – направительный падеж; **LOC** – местный падеж; **NOM** – основной падеж; **NPP** – причастие непрошедшего времени; **NPST** – непрошедшее время; **OBJ** – объектное спряжение; **PASS** – страдательный залог; **POSSM** – посессум; **POSSR** – посессор; **PP** – причастие прошедшего времени; **PRTCL.CONJ** – побудительная частица; **PRTCL.EVID** – эвиденциальная частица; **PRTCL.QUOT** – частица цитирования; **SG** – единственное число; **SUBJ** – субъектное спряжение.

Список литературы

- Брызгунова Е. А. О смысловозначительных возможностях русской интонации // *Вопр. языкознания*. 1971. № 4. С. 42–52.
- Брызгунова Е. А. Основные типы интонационных конструкций и их функционирование в русском языке // *Русский язык за рубежом*. 1973, № 2. С. 44–52.
- Ковтунова И. И. Современный русский язык: Порядок слов и актуальное членение предложения. М.: Просвещение, 1976. 240 с.
- Кожикарева Н. Б. Принципы классификации полипредикативных конструкций // *Языки коренных народов Сибири*. 2004. Вып. 14. С. 121–131.
- Кожикарева Н. Б. Средства выражения актуального членения в сургутском диалекте хантыйского языка (в сопоставлении с другими уральскими языками и диалектами хантыйского языка) // *Вестник НГУ*. 2007. Т. 6. Вып. 2. С. 34–43.
- Николаева Т. М. Фразовая интонация славянских языков. М.: Наука, 1977. 278 с.
- Светозарова Н. Д. Интонационная система русского языка. Л., 1982. 176 с.
- Фильченко А. Ю. Просодика и прагматика восточно-хантыйских нарративов // *Вестник Томского педагогического университета*. 2011. № 9. С. 139–145.
- Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры, 2001. 383 с.
- Boersma P., Weenink D. Praat: doing phonetics by computer [Компьютерная программа]. Версия 6.1.29. <http://www.praat.org/> (дата обращения: 27.10.2020)
- Daneš F. Sentence Intonation from a Functional Point of View // *WORD*, 16:1, 1960. Pp. 34–54.
- Lambrech K. *Information structure and sentence form*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 388 p.
- Van Valin R. D. Jr. A typology of the interaction of focus structure and syntax // *Типология и теория языка: от описания к объяснению*. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 511–524.

Список источников

Три мудрых совета: сказки Полины Иудовны Ньюгломкиной. На сургутском диалекте хантыйского языка с переводом на русский язык. Новосибирск: Гео, 2020. 24 с.

References

- Boersma P., Weenink D. *Praat: doing phonetics by computer* [Computer program]. Version 6.1.29. <http://www.praat.org/> (retrieved: 27.10.2020)
- Bryzgunova E. A. O smyslorazlichitel'nykh vozmozhnostyakh russkoy intonatsii [On the semantic possibilities of Russian intonation]. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)*. 1971, no. 4, pp. 42–52. (In Russ.)
- Bryzgunova E. A. Osnovnye tipy intonatsionnykh konstruksiy i ikh funktsionirovanie v russkom yazyke [The main types of intonation constructions and their functioning in the Russian language]. *Russian Language Abroad*. 1973, no. 2, pp. 44–52. (In Russ.)
- Daneš F. Sentence Intonation from a Functional Point of View. *WORD*. 1960, vol. 16 no. 1, pp. 34–54. (In Russ.)
- Fil'chenko A. Yu. Prosodika i pragmatika vostochno-khantyyskikh narrativov [Prosody and pragmatics of East Khanty narratives]. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2011, no. 9, pp. 139–145. (In Russ.)
- Koshkareva N. B. Printsipy klassifikatsii polipredikativnykh konstruksiy [Principles for the classification of poly-predicative constructions]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk, 2004, iss. 14, pp. 121–131. (In Russ.)
- Koshkareva N. B. Sredstva vyrazheniya aktual'nogo chleneniya v surgutskom dialekte khantyyskogo yazyka (v sopostavlenii s drugimi ural'skimi yazykami i dialektami khantyyskogo yazyka) [Means of expressing the actual articulation in the Surgut dialect of the Khanty language (in comparison with other Uralic languages and dialects of the Khanty language)]. *Vestnik of Novosibirsk State University*. 2007, vol. 6, iss. 2, pp. 34–43. (In Russ.)
- Kovtunova I. I. *Sovremennyy russkiy yazyk: Poryadok slov i aktual'noe chlenenie predlozheniya* [Modern Russian: Word order and actual articulation of a sentence]. Moscow, Prosveshchenie, 1976, 240 p. (In Russ.)
- Lambrech K. *Information structure and sentence form*. Cambridge, Cambridge University Press, 1994, 388 p.
- Nikolaeva T. M. *Frazovaya intonatsiya slavyanskikh yazykov* [Phrasal intonation of Slavic languages]. Moscow, Nauka, 1977, 278 p. (In Russ.)

Svetozarova N. D. *Intonatsionnaya sistema russkogo yazyka* [Intonation system of the Russian language]. Leningrad, 1982, 176 p. (In Russ.)

Van Valin R. D. Jr. A typology of the interaction of focus structure and syntax. In: *Tipologiya i teoriya yazyka: ot opisaniya k ob'yasneniyu* [Typology and linguistic theory: from description to explanation]. Moscow, LRC Publishing House, 1999, pp. 511–524.

Yanko T. E. *Kommunikativnye strategii russkoy rechi* [Communicative strategies of Russian speech]. Moscow, LRC Publishing House, 2001, 383 p. (In Russ.)

List of sources

Tri mudrykh soveta: skazki Poliny Iudovny Nyuglomkinoy. Na surgutskom dialekte khantyyskogo yazyka s perevodom na russkiy yazyk [Three wise advice: the tales of Polina Yudovna Nyuglomkina. In the Surgut dialect of the Khanty language with translation into Russian]. Novosibirsk, Geo, 2020, 24 p.

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
31.05.2021

Сведения об авторе

Илья Михайлович Плотников – магистрант Гуманитарного института Новосибирского государственного университета.

E-mail: iliaplotnikov@gmail.com

ORCID: 0000-0002-6416-689X

Information about the Author

Ilya M. Plotnikov – Master's Student, Institute for the Humanities, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: iliaplotnikov@gmail.com

ORCID: 0000-0002-6416-689X

Дистрибуция звонких фрикативных согласных сургутского диалекта хантыйского языка в поствокальной позиции

П. А. Ляпина¹, Т. Р. Рыжикова²

¹ Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

² Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

На основе экспериментальных исследований установлен фонологический статус губно-губного круглощелевого [w], заднеязычного [ɣ] и огубленного заднеязычного [ɣ^o] согласных звуков в сургутском диалекте хантыйского языка. Данные звуки могут чередоваться не только у носителей разных говоров сургутского диалекта, но и в речи одного и того же информанта. Материалом исследования послужили словоформы с целевыми звуками, выписанные из «Словаря восточнохантыйских диалектов» Н. И. Терешкина с сохранением его транскрипции. Проанализирована дистрибуция рассматриваемых звуков и, следуя правилам выделения фонем Н. С. Трубецкого, выделены губно-губная круглощелевая фонема /w/ и гуттуральная щелевая фонема /ɣ/. Сопоставление реализаций фонем в тром-аганском и юганском говорах сургутского диалекта свидетельствует о том, что губно-губная щелевая фонема имеет два аллофона [w] и [ɣ^o], а гуттуральная фонема реализуется только в одном аллофоне [ɣ].

Ключевые слова:

хантыйский язык, сургутский диалект, фонетика, фонология, экспериментально-фонетические методы, консонантизм, заднеязычные согласные, губные согласные, специфические звуки

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 19-012-00388 «Специфика звукового строя сургутского диалекта хантыйского языка».

Для цитирования

Ляпина П. А., Рыжикова Т. Р. Дистрибуция звонких фрикативных согласных сургутского диалекта хантыйского языка в поствокальной позиции // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 2 (вып. 42). С. 44–52. DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-44-52

Distribution of voiced fricative consonants of the Surgut dialect of the Khanty language in the position after vowels

P. A. Lyapina¹, T.R. Ryzhikova²

¹ Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation

² Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

This work aims at identifying and describing the articulatory characteristics of the bilabial and guttural consonant phonemes of the Surgut dialect of the Khanty language by distributive analysis. The Khanty language is character-

© П. А. Ляпина, Т. Р. Рыжикова, 2021

ized by a pronounced dialect fragmentation. The Surgut dialect is one of the Eastern Khanty dialects. A number of works are devoted to its vocalism, while only one paper addresses the Surgut consonantism. The system of the Surgut dialect consonants is characterized by several features, with one being the alternation of fricative bilabial [w], guttural non-labialized [ɣ], and guttural labialized [ɣ^o] consonants. According to experimental studies conducted in the V. M. Nadelyaev Laboratory of Experimental-Phonetic Researches, Institute of Philology, SB RAS, these sounds have been found to alternate not only in speakers of different Surgut sub-dialects but also in the speech of one speaker. This study examined the word forms with target sounds found in the dictionary of the Eastern Khanty dialects by N. I. Tereshkin. The paper presents language material, with a series of words in different phonetic contexts and a summary distribution table. Following N. S. Trubetsky's rules of phoneme distinction, we performed a sound analysis and identified two phonemes: the bilabial rounded phoneme /w/ and the guttural hypothetical phoneme /ɣ/. The bilabial one was found to have two allophones [w, ɣ^o], with the guttural phoneme realized only in one allophone [ɣ].

Keywords

Khanty language, Surgut dialect, phonetics, phonology, experimental phonetics, consonants, guttural consonants, labial consonants, specific sounds

Acknowledgements

The study was carried out with the support of the RFBR, project No. 19-012-00388 «The specifics of the sound system of the Surgut dialect of the Khanty language».

For citation

Lyapina P. A., Ryzhikova T. R. Distributsiya zvonkikh frikativnykh soglasnykh Surgutskogo dialekta Khantyjskogo yazyka v postvokal'noy pozitsii [Distribution of voiced fricative consonants of the Surgut dialect of the Khanty language in the position after vowels]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2021, no. 2 (iss. 42), pp. 44–52. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-44-52

Введение

Целью данной статьи является установление фонологического статуса губного-губного круглощелевого [w], заднеязычного [ɣ] и огубленного заднеязычного [ɣ^o] согласных звуков в сургутском диалекте хантыйского языка, разграничение которых проблематично. Согласно данным «Словаря восточнохантыйских диалектов» Н. С. Терешкина [Терешкин, 1981], заднеязычные согласные [ɣ] и [ɣ^o] в говорах сургутского диалекта встречаются только в середине или на конце слова и никогда в анлауте. Губно-губной согласный [w] может употребляться в начале слова во всех сургутских говорах, но в позиции в середине слова и на конце он возникает только в юганском и усть-юганском говорах, при этом в тром-аганских соответствиях в этой позиции фиксируется как огубленный, так и неогубленный заднеязычный согласный (ср.: тр.-аг. *čăɣ^o*; юг. *čăw* ‘каша’; тр.-аг. *t'ăɣ*; юг. *t'ăw* ‘затор льда’). При разметке фонетических анкет, записанных в ходе экспедиций сотрудниками Института филологии СО РАН в местах компактного проживания носителей сургутского диалекта, их сопоставлении и анализе методами аудитивного и акустического анализа установлено, что эти три звука могут чередоваться не только у носителей разных говоров сургутского диалекта, но и в речи одного и того же информанта.

История согласных хантыйского языка систематически не исследована. В первом и третьем томах серии «Основы финно-угорского языкознания» [Основы... 1974; Основы... 1976] описаны исторические трансформации, произошедшие со звуками финно-угорского языка-основы. Поскольку памятников на праязыке нет, его фонетическая система реконструируется на основе звуковых соответствий в отдельных этимологически родственных словах.

В консонантизме финно-угорского праязыка не было заднеязычного щелевого *ɣ*: данный хантыйский звук восходит к краткому взрывному **k* в интервокальном положении. В финском и саамском языках этот звук сохранился, а в языках волжской и марийской групп, как и в языках угорской подветви, финно-угорские взрывные согласные подверглись спирализации (**k > *ɣ*) с дальнейшими изменениями (вплоть до исчезновения, например, в удмуртском языке). Только в хантыйском и мансийском языках данные звуки сохранились как заднеязычные: в других языках они изменились в губно-зубной *v* или среднеязычный *j* [Основы... 1974: 135–137].

Губно-губной щелевой согласный звук *w* мог прийти в хантыйский язык несколькими путями: от краткого взрывного *p в интервокальном положении либо от фрикативного *w в анлауте и инлауте. В обоих случаях звук сохранился в виде губно-губного только в марийских и обско-угорских языках, в то время как в остальных языках он стал губно-зубным *v*. В мансийском языке звук, произошедший от *p, не стал щелевым, а остался взрывным, в то время как в хантыйском языке он реализуется как в щелевом, так и во взрывном вариантах [Там же: 135, 142–143].

Существует альтернативная точка зрения В. Штейница, который полагает, что в праязыке были именно щелевые согласные, а краткие взрывные звуки возникли как новообразования в финском и саамском языках позднее. В самом хантыйском языке, по В. Штейницу, также происходили изменения, повлиявшие на состав фонем: прахантыйский заднеязычный согласный *y претерпел различные изменения в хантыйских диалектах. Так, в северных диалектах фиксируются следующие явления:

- 1) перед первоначальными огубленными палатальными гласными *y перешёл либо в *w* (шурышкарский и казымский: *jiw* ‘отец’), либо в *j* (обдорский: *ji* ‘отец’);
- 2) перед непервоначальными огубленными палатальными гласными *y перешёл в *w* (казымский, обдорский: *kew* ‘камень’);
- 3) перед велярными гласными *y изменился в *χ*: шурышкарский, казымский: *põχ* ‘сын’, обдорский *põχ* ‘сын’ [Основы... 1976: 276].

Итак, наблюдаются следующие траектории фонологических изменений: в позиции перед передними гласными заднеязычный звонкий согласный стал более передним, либо сменив место образования на среднюю часть языка, либо став губно-губным; в позиции перед непредними гласными согласный утратил свою звонкость, стал глухим без изменения места и способа образования.

Для восточных диалектов изменения пошли другим путем: в ваховском диалекте сохранился *y*, в сургутском *y реализовался в *y* в тром-аганском говоре и в *w* в юганском (причины этого расхождения не указаны). Лабиализованный заднеязычный согласный звук *y*^o признается огубленным вариантом *y* в позиции после огубленных по происхождению гласных.

Относительно прахантыйского согласного звука *w сказано, что во всех диалектах он изменялся в середине слова так же, как *y [Там же: 277].

Логично предположить, что причиной смешения звуков *w*, *y* и *y*^o в речи носителей сургутских говоров являются исторические процессы, в ходе которых гласные, предшествующие данным согласным, утратили признак лабиальности и совпали, что и повлекло за собой неразличение позиций данных согласных.

Чередование щелевых губного, заднеязычного и заднеязычного огубленного согласных звуков типологически уникально, и потому описание дистрибуции данных согласных представляет ценность для установления древнейших языковых контактов на территории Сибири и дополнения типологической классификации артикуляционно-акустических баз сибирских языков. Практическая ценность работы заключается в использовании результатов для фиксации языкового материала хантыйского языка, составления словарей, совершенствования письменности на хантыйском языке.

Материалы и методы

Материалом послужили словоформы тром-аганского и юганского говоров из «Словаря восточно-хантыйских диалектов» Н. И. Терешкина [1981], в котором запись слов даётся в фонетической транскрипции. Рассмотрено 1069 слов, в которых зафиксированы согласные *w*, *y* или *y*^o в различном фонетическом контексте; учтены 7 позиций, условно обозначенные как CV-, -VCV-, -V[C]V₁C₃-, -[C]C₁-, -[C]C₃-, -C₃[C]-, -VC¹. Позицию -V[C]V₁C₃-, где исследуемые согласные находятся перед редуцированным гласным, за которым следует носовой согласный, следует рассматривать отдельно: редуцированный гласный в беглой речи может выпадать, а носовой звук в свою очередь влиять

¹ Группы согласных обозначены следующим образом: C₁ – шумные согласные, C₃ – малошумные согласные. Гласные обозначаются символом V, для редуцированного гласного используется символ V₁. В квадратные скобки [ ] заключен звук, рассматриваемый в составе сочетания согласных.

на предшествующий согласный. Проведённое ранее исследование о влиянии постпозитивного гласного на огубленность согласного не дало результатов. В сургутском диалекте не зафиксировано использования губного-губного круглощелевого [w] и огубленного заднеязычного [ɣ^o] согласных звуков в постконсонантной позиции, поэтому в сводной таблице 1 отметим её только для заднеязычного [ɣ]. Запись примеров в статье дается в транскрипции Н. И. Терешкина [1981].

Результаты и обсуждение

В качестве основного говора в дистрибутивном анализе рассматривается тром-аганский говор сургутского диалекта: сначала описываются позиции исследуемых согласных для этого говора, затем даются комментарии относительно позиций этих согласных в юганском говоре.

1. Малошумный губно-губной круглощелевой звонкий согласный [w]:

CV-: *wasəy* ‘утка’, *wuləy* ‘незнакомый’, *wāt'ərəm* ‘горький’, *wət'əytətə* ‘зажечь’, *wərayətətə* ‘рваться, пробиваться’.

Звук [w] в тром-аганском говоре используется только в начале слова, за ним могут следовать огубленные и неогубленные гласные переднего и заднего ряда.

В юганском говоре сургутского диалекта в анлауте губно-губной щелевой согласный реализуется так же, как и в тром-аганском, однако может встречаться и в других позициях (в тром-аганских вариантах ему соответствуют заднеязычные согласные [ɣ] и [ɣ^o]):

-VCV-: юг. *āwi* ‘дочь’, *sāwantta* ‘витья, свиваться; заплетаться’, *kāwər* ‘ковёр; мат из камыша’, *lawər* ‘сак для вычерпывания льда’, *rāwəl* ‘род, вид, порода’, *čewər* ‘заяц’, *tiwət* ‘колчан’, *n'ōwəs* ‘собо́ль’, *rōwəl* ‘опухоль’, *l'ōwitta* ‘мыть; умывать’;

-V[C]V₁C₃-: юг. *tawəmta* ‘укусить’, *tāwən* ‘тихий, тихо (о погоде)’, *āwən'* ‘икота’, *sāwən* ‘берестяной короб’, *sāwi* ‘топкая глина, глинистая грязь’, *rāwəŋ* ‘мутный (о жидкости)’;

-[C]C₁-: юг. *kāwput* ‘большой овальный котёл с ушками’, *āwtəmta* ‘отрезать’, *liwəpəs* ‘еда’, *siwtətā* ‘украшать’, *l'ūwtəyəlta* ‘мазать, замазывать; пачкать (многокр.)’, *čəwta* ‘киснуть, бродить (о тесте)’;

-[C]C₃-, **неносовой**: *tāwriлта* ‘закрывать, запира́ть’, *sāwrəmta* ‘рубануть’, *kewrəm* ‘горячий’, *n'ewrəm* ‘ребёнок, дитя’, *kiwri* ‘прорубь’, *owrəmtətə* ‘выворотить, разжать кому-л. стиснутые зубы’, *tiwvrəŋ* ‘трухлявый’; **-[C]C₃-**, **носовые**: *tawmilta* ‘прикусывать; кусать (многокр.)’, *āwn'əmtətə* ‘икнуть’, *tāwnəyлта* ‘стихнуть (о непогоде)’, *sūwmət* ‘береза’, *rūwməлта* ‘мешать, путать’, *čəwməлта* ‘потерять сознание’;

-VC-: юг. *t'āw* ‘затор льда’, *lāw* ‘лошадь’, *kāw* ‘камень’, *sew* ‘сорока’, *siw* ‘украшение, красота’, *tōw* ‘небольшое озеро’, *liw* ‘он, она, оно’.

Таким образом, звук [w] в сургутском диалекте встречается в анлауте (в тром-аганском и юганском говорах), интервокальной и преконсонантной позициях и в ауслaute (только в юганском говоре) и не встречается в постконсонантной позиции.

2. Малошумный заднеязычный щелевой звонкий согласный [ɣ]:

-VCV-: *āltayə* ‘лежать, спать’, *jayərt* ‘развилина, разветвление’, *sayər* ‘сахар’, *qōjayi* ‘кто’, *rāyipta* ‘травить, ослаблять’, *rāyər* ‘остров’, *tāyə* ‘туда’, *qāyilta* ‘давиться твёрдым куском пищи (многокр.)’, *tāyi* ‘место’, *qāyipta* ‘давиться (однокр.)’, *māyəl* ‘окружность’, *n'āyi* ‘лежалый’, *māyərta* ‘удавить, умять руками’, *māyəl'nəŋ* ‘нагрудник’, *leyələyəlta* ‘посматривать, поглядывать’, *leyəлта* ‘смотреть, глядеть; посмотреть, поглядеть’, *neyi* ‘белый, светлый’, *liyəл* ‘кедр’, *iyiinti* ‘пчела, шмель’, *tōyəl* ‘крупное перо’, *kuyərt* ‘горсть’;

-V[C]V₁C₃-: *ayəŋ* ‘подбородок’, *tāyənəm* ‘туда’, *rāyəm* ‘родной, близкий по родству или свойству’, *čiyəmtəyəlta* ‘душить; удушаться’, *riyəmtətə* ‘проткнуть, лопнуть’, *loyəm* ‘тихий, смирный’, *siyəm* ‘нитка’, *sāyənta* ‘гремять (грому)’, *kəyəŋ* ‘пуговица’, *tāyənəm* ‘сюда’, *wāyəntətə* ‘просить, попрошайничать’, *jōyən* ‘ночь, ночью’;

-[C]C₁:- *uyraytata* ‘ворочать’, *kəčaylata* ‘ушибить(ся)’, *nöjaytə* ‘сукно’, *qayta* ‘давиться’, *räypita* ‘лгать, врать’, *täyta* ‘бросать, кидать’, *läyrə* ‘пряжка’, *mäytäyta* ‘ставить рыболовные снасти’, *leylipta* ‘посмотреть, бросить взгляд (однокр.)’, *leyläyälta* ‘смотреть(ся), видеть(ся) (многокр.)’, *wiyta* ‘кричать, реветь’, *iytanitta* ‘вешаться, повеситься’, *joyläpta* ‘махнуть’, *puyləm* ‘щека’, *küläyta* ‘катиться, скользить’, *mätäytata* ‘ударить, стукнуть’, *jöräylata* ‘забыть’, *räytə* ‘черный’, *räytas* ‘темный’, *läyri* ‘нутро, внутреннее пространство’;

-[C]C₃-, **неносовой**: *täyrämitta* ‘треснуть, расколоться’, *mäyrämtäyälta* ‘удавливать, уминать’, *kiyri* ‘прорубь’, *tuyrəŋ* ‘хвойный’; **носовые**: *laymätkäřə* ‘темя’, *säynäpta* ‘грянуть, прогреметь (грому)’, *täymitata* ‘порвать(ся); разорвать(ся)’, *täymältata* ‘прикрепить’, *čoymita* ‘посвистывать’, *ruymältata* ‘мешать, путать’, *luymältata* ‘успокаивать; усмирять; утешать’, *čäymältata* ‘потерять сознание, впасть в бесчувствие’;

-C₃[C]:- *aryənam* ‘врозь’, *äryaytata* ‘оживить, привести в чувство’, *järyənan* ‘ненец’, *köräyälata* ‘падать; валяться’, *järyälata* ‘скрежетать зубами’;

-VC: *mäy* ‘бобр’, *siy* ‘сверток, рулон’, *t’äy* ‘затор льда’, *n’äy* ‘смех, шутка’, *əjwäy* ‘копейка’, *liy* ‘сошка, кол с развилкой’, *loy* ‘яр, крутой обрывистый берег реки’, *älsöy* ‘кожа человеческого тела’, *juy* ‘дерево’, *öñčəy* ‘сосна’, *arəy* ‘песня’, *añčəy* ‘шиповник’, *añəy* ‘чашка’, *čöñčəy* ‘веревка’, *čörčəy* ‘черная смородина’, *äjləy* ‘несчастливый’, *äsəmkiřəy* ‘вымя, грудь’, *jüntəy* ‘тетива невода, сети, лука’.

В тром-аганском говоре звук [y] реализуется в интервокальной, пре- и постконсонантной позициях и в ауслауте. В интервокальной позиции заднеязычному согласному звуку [y] могут предшествовать огубленные и неогубленные гласные переднего и заднего ряда, а следовать – неогубленные гласные переднего ряда и редуцированный [ə], ряд которого точно не определен [Чепреги 2017: 23].

В юганском говоре сургутского диалекта звук [y] встречается в тех же позициях: интервокальной (юг. *kəyən* ‘пуговица’, *paçər* ‘остров’, *liyəł* ‘кедр’, *qöjəyi* ‘кто’), прекоконсонантной (*läyrə* ‘пряжка’, *tuyrəŋ* ‘хвойный’, *čoymita* ‘посвистывать’) и постконсонантной (юг. *jörənan* ‘ненец’, *aryənam* ‘врозь’), а также в ауслауте (юг. *mäy* ‘бобр’, *siy* ‘сверток, рулон’, *öñčəy* ‘сосна’, *älsöy* ‘кожа человеческого тела’).

Частотными для звука [y] являются реализации в составе некоторых типичных глагольных финалей:

– [-taçə]: тр.-аг. *ältəçə*, юг. *öltəçə* ‘лежать, спать’, тр.-аг. *altəçə*, юг. *ältəçə* ‘носить, таскать на себе какой-то груз’, тр.-аг., юг. *wutəçə* ‘знать; видеть’;

– [-açta]: тр.-аг., юг. *muraçta* ‘трещать, хрустеть’, тр.-аг., юг. *t’olaçta* ‘блестеть, сиять, светиться’, тр.-аг., юг. *qölaçta* ‘течь струйкой, протекать, течь’, тр.-аг., юг. *qöpaçta* ‘выворачивать(ся), выворотить(ся); отковырнуть, выковырнуть; отколупнуть’;

– [-açlata]: тр.-аг., юг. *kəčaylata* ‘ушибить(ся)’, тр.-аг. *kämlaylata*, юг. *kämlyälata* ‘опрокидывать, опрокинуть’, тр.-аг., юг. *māraçlata* ‘тонуть, погружаться в воду’, тр.-аг., юг. *pətkaçlata* ‘спешить, топиться’;

– [-əçälta]: тр.-аг., юг. *äryläyälta* ‘упоминать’, тр.-аг. *laləyälta*, юг. *läləyälta* ‘вздохнуть, сделать вздох’, тр.-аг. *maltəyälta*, юг. *mältəyälta* ‘шупать, ощупывать’, тр.-аг., юг. *suraləyälta* ‘умирать’;

– [-əçta]: тр.-аг., юг. *kitəçta* ‘посылать’, тр.-аг., юг. *päsəçta* ‘капать, протекать’, тр.-аг. *söjəçta*, юг. *süjəçta* ‘плевать, выплёвывать’, тр.-аг. *wäyləçta*, юг. *wayləçta* ‘выйти на берег из лесу’;

– [-açtata]: тр.-аг., юг. *qāklaytata* ‘отклеивать(ся), отставать’, тр.-аг., юг. *pənyaytata* ‘катить, кувырка; кувырка(ся)’, тр.-аг., юг. *wälmaçtata* ‘поселиться’, тр.-аг. *mäylyaytata*, юг. *mäyläyälata* ‘обойти, объехать кругом, окружить’;

– [-əçlata]: тр.-аг., юг. *jöräylata* ‘забыть’, тр.-аг., юг. *kiräylata* ‘кружить(ся)’, тр.-аг. *qöräylata*, юг. *qoraçlata* ‘задрать подол платья’, тр.-аг., юг. *sučəylata* ‘расхаживать взад-вперед’, тр.-аг., юг. *t’iräylata* ‘шуметь’.

Таким образом, по результатам дистрибутивного анализа, можно сделать вывод о том, что звук [y] в сургутском диалекте встречается в интервокальной, пре- и постконсонантной позициях и в ауслауте и не встречается в начале слова.

3. Малошумный заднеязычный щелевой звонкий огубленный согласный [ɣ°]:

-VCV-: *layərt* ‘тяжесть, тяжёлый’, *kaɣər* ‘ковёр; мат из камыша’, *lāyər* ‘сак для вычерпывания льда’, *sāyək* ‘птичий пупок’, *tāyʷi* ‘весна’, *āyəl* ‘нарта, сани’, *rāyəl* ‘муть, грязь, осадок (в жидкости)’, *kāyʷi* ‘трясина, топь’, *jāyətta* ‘кинуть’, *pāyəl* ‘род, вид, порода’, *māyʷi* ‘изгиб, крутой поворот реки’, *āyʷi* ‘дочь’, *sāyʷantta* ‘витья, свиваться; заплетаться’, *čeyər* ‘заяц’, *eyət* ‘высокий мыс’, *neyʷčək* ‘беловатый; посветлее’, *čeyʷita* ‘складывать; хоронить’, *neyʷamttta* ‘светать, светлеть’, *piyəl* ‘лямка’, *tiyət* ‘колчан’, *oyʷeji* ‘шаткий, валкий’, *oyʷita* ‘шататься’, *qoyətta* ‘издали, издалека’, *nʷoyəs* ‘соболь’, *lʷoyʷita* ‘мыть; умывать’, *lōyʷit* ‘величина, размер’, *lōyʷitan* ‘рослый, коренастый’, *tʷoyʷal* ‘открытый камин’, *kūyəl* ‘бубенчик’, *lʷuyətta* ‘мазать, замазать, намазать’, *tiyər* ‘древесная труха’, *tiyət* ‘огонь’, *miyʷ* ‘карась’, *miyʷeŋ* ‘карасий, с карасями’;

-V[C]V₁C₃-: *nʷayəmta* ‘говорить, разговорить’, *ayənʷlōy°* ‘челюсть’, *tāyəmta* ‘наступить весне’, *tāyəmta* ‘укусить’, *jāyən* ‘река’, *āyən* ‘икота’, *sāyən* ‘берестяной короб’, *āyəm* ‘поцелуй, ласка’, *tāyən* ‘тихий, тихо (о погоде)’, *meyənʷlata* ‘дремать’, *nʷiyəmta* ‘отсыреть, намокнуть’, *čoyəmta* ‘свистнуть’, *qoyən* ‘давно’, *tōyənʷam* ‘туда, в том направлении’, *liyənʷam* ‘он сам с собой’, *miyənʷam* ‘чем, с чем’;

-[C]C₁-: *āyʷta* ‘течь, протекать (о реке)’, *āyʷilata* ‘наедаться, насыщаться’, *āyʷəmta* ‘отрезать’, *kāyʷrut* ‘большой овальный котёл с ушками’, *seyʷkin* ‘лихорадка’, *liyʷəyətta* ‘выходить, вылезать’, *siyʷtata* ‘украшать’, *oyʷi* ‘колени’, *oyʷəy* ‘безголовый’, *oyʷpi* ‘дверь’, *pōyʷta* ‘дуть’, *pōyʷəpsə* ‘опухоль’, *lʷuyʷəyətta* ‘мазать, замазывать; пачкать, натирать’, *wōyʷəy* ‘слабосильный, слабый’, *niyʷəyətta* ‘беречься; относиться бережно’, *čəyʷta* ‘киснуть, бродить (о тесте)’, *tāyʷəm* ‘вошь’;

-[C]C₃-, **неносовой**: *tāyʷəpta* ‘поколоться, потрескаться’, *jāyʷəŋi* ‘увертка, хитрость’, *tāyʷriлта* ‘закрывать, запирать’, *jāyʷəy* ‘волк’, *sāyʷəmta* ‘рубануть’, *keyʷəkintta* ‘задеть, зацепиться’, *keyʷəkintəyətta* ‘задевать, зацепляться (многокр.)’, *keyʷəmilta* ‘закипать’; **-[C]C₃-**, **носовые**: *nʷayʷməŋ* ‘разговорчивый’, *āyʷnʷəmtata* ‘икнуть’, *āyʷməŋ* ‘ласковый, приветливый’, *tāyʷnəyʷlata* ‘стихнуть (о непогоде)’, *meyʷnəmtəyətta* ‘дремать (многокр.)’, *meyʷnəpta* ‘задремать’, *meyʷnəmitta* ‘вздремнуть, подремать’, *ōyʷnəŋ* ‘верхний конец плёса’, *siyʷmət* ‘берёза’, *wōyʷnat* ‘насильно; через силу’;

-VC-: *jāy°* ‘окунь’, *oy°* ‘голова’, *lāy°* ‘лошадь’, *kāy°* ‘камень’, *siley°* ‘уклон, искривление’, *sey°* ‘сорочка’, *miy°* ‘кочка’, *siy°* ‘украшение, красота’, *sōy°* ‘кожа, шкура’, *tōy°* ‘небольшое озеро’, *wōy°* ‘сила’, *liy°* ‘он, она, оно’.

В тром-аганском говоре звук [ɣ°] реализуется в интервокальной, преконсонантной и ауслатной позициях. В интервокальной позиции заднеязычному согласному звуку [ɣ°] могут предшествовать огубленные и неогубленные гласные переднего и заднего ряда, а следовать – неогубленные гласные переднего ряда и редуцированный ə.

В юганском говоре сургутского диалекта звук [ɣ°] встречается в тех же позициях: интервокальной (юг. *tōyə* ‘прочь, напрочь’, *jōyʷin* ‘ночь, ночью’, *kāyʷi* ‘трясина, топь’, *āyəm* ‘поцелуй, ласка’) и преконсонантной (юг. *pōyʷta* ‘дуть’, *jāyʷəy* ‘волк’, *wōyʷnat* ‘насильно, через силу’), а также в ауслате (юг. *jāy°* ‘окунь’, *siley°* ‘уклон; искривление; наклонный; кривой’, *miy°* ‘кочка’, *oy°* ‘голова’). Однако в большинстве слов, в которых в тром-аганском говоре реализуется огубленный заднеязычный согласный [ɣ°], в юганском говоре на этом месте используется губно-губной круглощелевой согласный звук [w]: тр.-юг. *lāy°* ~ юг. *lāw* ‘лошадь’, тр.-юг. *tōyə* ~ юг. *tōwə* ‘туда’, тр.-юг. *kaɣər* ~ юг. *kāwər* ‘ковёр’ и мн. др.

В обобщенном виде дистрибуция щелевых согласных звуков: губного-губного круглощелевого [w], заднеязычного [ɣ] и огубленного заднеязычного [ɣ°] – представлена в сводной таблице 1 (с. 50).

По результатам дистрибутивного анализа щелевых согласных [w], [ɣ] и [ɣ°] тром-аганского и юганского говоров можно сделать следующие выводы.

1. Губно-губной круглощелевой [w] в тром-аганском говоре встречается только в анлауте, в то время как в юганском он может функционировать и в остальных позициях: интервокальной, преконсонантной и финальной (табл. 1). Анализ приведённых примеров свидетельствует о том, что в тех лексемах, в которых в юганском говоре встречается круглощелевой [w], в тром-аганском говоре на его месте функционирует огубленный гуттуральный [ɣ°]: тр.-юг. *rāyə* ~ юг. *rāwə* ‘грязь, муть’, тр.-юг. *sey°* ~ юг. *sew* ‘сорочка’, тр.-юг. *liyʷəs* ~ юг. *liwʷəs* ‘еда’. Таким образом, можно предположить, что в ходе исторического

Таблица 1
Table 1

Дистрибуция согласных звуков [w], [ɣ] или [ɣ°] для тром-аганского говора²
Distribution of sounds [w], [ɣ] and [ɣ°] for trom-agan dialect

Позиция Звук	CV-	-VCV-	-V[C]V ₁ C ₃ -	-[C]C ₁ -	-[C]C ₃ -	-C ₃ [C]-:	-VC
[w]	+	-(+)	-(+)	-(+)	-(+)	-	-(+)
[ɣ]	-	+	+	+	+	+	+
[ɣ°]	-	+	+	+	+	-	+

развития звуковой системы сургутского диалекта в ряде говоров (например, в юганском) сохранился исконный круглощелевой сонант [w], в то время как в других (например, в тром-аганском) произошло его продвижение назад с сохранением лабиального признака и появился новый звук [ɣ°]. Следовательно, по третьему правилу выделения фонем Н. С. Трубецкого, звуки [w] и [ɣ°] в тром-аганском говоре являются реализациями одной фонемы. Поскольку исторически билабиальный звук появился раньше, обозначим данную фонему как билабиальную круглощелевую /w/.

2. В тром-аганском говоре неогубленный заднеязычный [ɣ] встречается во всех позициях (интервокальной, пре- и постконсонантной, финальной), кроме инициальной. В именных основах он чередуется с огубленным [ɣ°]. Однако наличие квазиомонимов тр.-аг., юг. *n'ǎyi* 'лежалый' ~ тр.-аг. *n'ǎy'i* ~ юг. *n'ǎwi* 'мясо, тело' свидетельствует о том, что неогубленный заднеязычный [ɣ] и огубленный заднеязычный [ɣ°] не могут замещать друг друга без изменения значения слова. Следовательно, согласно второму правилу выделения фонем Н. С. Трубецкого [Трубецкой 1960: 52–56], данные звуки являются репрезентациями разных фонем. Как было установлено выше, тром-аганский звук [ɣ°] является реализацией фонемы /w/, следовательно, гуттуральный [ɣ] – это аллофон фонемы /w/. Кроме того, в типичных инфинитивных окончаниях всегда используется неогубленный звук [ɣ], в то время как огубленный вариант [ɣ°] в этой позиции никогда не встречается. Следовательно, звуки [ɣ] и [ɣ°] – это реализации разных фонем.

Таблица 2
Table 2

Фонемы, аллофонами которых в сургутском диалекте хантыйского языка являются согласные звуки [ɣ], [ɣ°] и [w]
Phonemes of the Surgut dialect of the Khanty language that have sounds [ɣ], [ɣ°] and [w] as allophones

Фонемы	Аллофоны	Примеры
/ɣ/	ɣ	тр.-аг. <i>taləɣ</i> , юг. <i>täləɣ</i> 'пустой' тр.-аг. <i>pətkaylata</i> , юг. <i>pətkaylata</i> 'спешить, торопиться'
/w/	w, ɣ°	тр.-аг. <i>wǎn</i> , юг. <i>wǎn</i> 'плечо' тр.-аг. <i>sey°</i> , юг. <i>sew</i> 'сорока' тр.-аг. <i>tuyər</i> , юг. <i>tüwər</i> 'древесная труха'

3. Правомерность выделения отдельной щелевой гуттуральной фонемы /w/ требует верификации на более широком лингвистическом материале. В прафинно-угорском данная фонема отсутствовала, вместо нее во всех позициях использовалась фонема *k, которая в ходе исторического развития

² В скобках указаны позиции, характерные для юганского говора и отличающиеся от позиций тром-аганского говора.

в разных языках не в анлауте дала разные реализации: в хантыйском – аллофоны [ʏ] и [χ] [Основы... 1974: 135].

Таким образом, в сургутском диалекте хантыйского языка можно выделить две щелевые фонемы – губно-губную круглощелевую /w/ с аллофонами [w] и [ʏ°] и гуттуральную условную /χ/ с одним аллофоном [χ] (табл. 2).

Заключение

По результатам дистрибутивного анализа словоформ, содержащих в своей транскрипции фрикативные губно-губной круглощелевой [w], гуттуральный [ʏ] и гуттуральный огубленный [ʏ°] в различном фонетическом контексте, с применением методов выделения фонем Н. С. Трубецкого выявлен инвентарь щелевых фонем, представленный губно-губной круглощелевой фонемой /w/ с аллофонами [w] и [ʏ°] и гуттуральной фонемой /χ/ с одним аллофоном [χ].

Фонема /w/ (w, ʏ°) – согласная малошумная губно-губная щелевая ртовая звонкая неназализованная.

Фонема /χ/ (χ) – согласная шумная гуттуральная щелевая ртовая звонкая неназализованная.

Требуется дальнейшее изучение консонантной системы сургутского диалекта хантыйского языка для установления конститутивно-дифференциальных признаков, структурирующих эту систему.

Список литературы

- Терешкин Н. И. Словарь восточно-хантыйских диалектов / Н. И. Терешкин. Л.: Наука, 1981. 545 с.
- Трубецкой Н. С. Основы фонологии / Пер. с нем. А. А. Холодовича; Под ред. С. Д. Кацнельсона; Послел. А. А. Реформатского. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. 372 с.
- Чепреги М. Сургутский диалект хантыйского языка / М. Чепреги; под ред. Н. Б. Кошкарёвой; ред. хант. текста А. С. Песикова; пер. на рус. язык: Т. А. Ефремова; рец. В. Н. Соловар. Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2017. 275 с.
- Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.: Наука, 1974. 484 с.
- Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермский и угорские языки. М.: Наука, 1976. 465 с.

References

- Chepregi M. *Surgutskiy dialekt khantyyskogo yazyka* [The Surgut dialect of the Khanty language]. N. B. Koshkareva (Ed.); A. S. Pesikova (Ed. of the Khanty texts); T. A. Efremova (Transl. to Russian); V. N. Solovar (Rev.). Khanty-Mansiysk, ООО “Pechatniy mir g. Hanty-Mansiysk”, 2017, 275 p.
- Osnovy finno-ugorskigi yazykoznaneya. Voprosy proishozhdeniya i razvitiya finno-ugorskih yazykov* [Fundamentals of Finno-Ugric linguistics. Questions of origin and development of Finno-Ugric languages] Moscow, Nauka, 1974, 484 p.
- Osnovy finno-ugorskigi yazykoznaneya. Mariyskiy, permskiy i ugorskie yazyki* [Fundamentals of Finno-Ugric linguistics. Mari, Permian and Ugric languages]. Moscow, Nauka, 1976, 465 p.
- Tereshkin N. I. *Slovar' vostochno-khantyyskikh dialektov* [The dictionary of the Eastern Khanty dialects]. Leningrad, Nauka, 1981, 545 p.
- Trubetskoy N. S. *Osnovy fonologii* [Principles of phonology]. A. A. Kholodovich (Transl. from German), S. D. Katsnel'sona (Ed.), A. A. Reformatskiy (Afterw.). Moscow, Izd. inostr. lit., 1960, 372 p.

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
 08.11.2021

Сведения об авторах

Ляпина Полина Алексеевна – магистрант Гуманитарного института Новосибирского государственного университета.

E-mail: lyapinalina@mail.ru

Рыжикова Татьяна Раисовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия).

E-mail: tanya12@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6337-725X

Information about the Authors

Polina A. Lyapina – Master's Student, Institute for the Humanities, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: lyapinalina@mail.ru

Tatiana R. Ryzhikova – Candidate of Philology, Senior Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: tanya12@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6337-725X

СИНТАКСИС

УДК 811.511.142 + 81'367.335 + 81'367.63
DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-53-65

Структурная классификация аналитических скреп хантыйского языка

Н. Б. Кошкарёва

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

Структурная классификация аналитических скреп хантыйского языка опирается на принципы, разработанные М. И. Черемисиной и Т. А. Колосовой в монографии «Очерки по теории сложного предложения» (1987 г.). В зависимости от принадлежности скрепы одной или обоим предикативным единицам различаются одноместные и неодноместные скрепы: одноместные целиком принадлежат одной из предикативных единиц, неодноместные состоят из двух или более частей и находятся в разных предикативных единицах. На втором шаге классификации учитывается морфологическая природа скреп: в хантыйском языке они образуются на основе частиц или местоимений. Дальнейшая классификация учитывает количество компонентов, входящих в состав той или иной скрепы: в соответствии с этим выделяются однокомпонентные и многокомпонентные (как правило, двухкомпонентные) скрепы. Специфика хантыйского языка состоит в том, что союзы как таковые отсутствуют, поскольку преобладают синтетические и аналитико-синтетические полипредикативные конструкции. Для связи частей полипредикативной конструкции используются частицы и местоимения. Однако в языке газеты фонд аналитических скреп активно пополняется.

Ключевые слова

хантыйский язык, казымский диалект, союз, скрепа, структурная классификация показателей связи, аналитические конструкции, синтетические конструкции, аналитико-синтетические конструкции

Для цитирования

Кошкарёва Н. Б. Структурная классификация аналитических скреп хантыйского языка // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 2 (вып. 42). С. 53–65. DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-53-65

Structural classification of analytical connectors of a complex sentence in the Khanty language

N. B. Koshkareva

Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Annotation

The structural classification of analytic connectors of a complex sentence of the Khanty language follows the principles developed by M. I. Cheremisina and T. A. Kolosova in the monograph “Essays on the theory of complex sentences” (1987). Single and non-single connectors can be distinguished depending on whether the complex sentence connector belongs to one predicative unit or to both ones, with single connectors belonging entirely to one of the predicative units and non-single ones consisting of two or more parts placed in different predicative units. Also, the classification takes into account the morphological nature: in the Khanty language, the analytical connectors of a complex sentence are formed based on particles or pronouns. Further, consideration is given to the number of com-

© Н. Б. Кошкарёва, 2021

ISSN 2312-6337
Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 2 (вып. 42)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2021. No. 2 (iss. 42)

ponents in the composition of a particular connector, with single-component and multicomponent (usually two-component) connectors being identified. The specificity of the Khanty language is that there are no conjunctions since synthetic and analytical-synthetic polypredicative constructions prevail. Particles and pronouns are used to connect the parts of a polypredicative construction. However, in the language of newspapers, the fund of analytical connectors is actively replenished.

Keywords

Khanty language, Kazym dialect, conjunction, structural classification of the means of the connection of parts of a complex sentence, analytical constructions, synthetic constructions, analytical-synthetic constructions

For quoting

Koshkareva N. B. Strukturnaya klassifikaciya analiticheskikh skrep hantyjskogo yazyka [Structural classification of analytical means of the connection of parts of a complex sentence of the Khanty language]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2021, no. 4 (iss. 42), pp. 53–65. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-53-65

Памяти Татьяны Андреевны Колосовой
(1928–2021 гг.)

Введение

Эта статья посвящена памяти Татьяны Андреевны Колосовой – доктора филологических наук, профессора кафедры общего и русского языкознания Новосибирского государственного университета, главного научного сотрудника Института филологии СО РАН. В соавторстве с Майей Ивановной Черемисиной ею написана одна из выдающихся работ современного синтаксиса – «Очерки по теории сложного предложения» [Черемисина, Колосова 1987].

В. А. Белошапкова писала, что это исследование, обращенное к современной теории сложного предложения и критически анализирующее ее, «должно быть расценено как заметное и значительное событие. Возможно, эта книга открывает новый виток в развитии отечественной синтаксической науки, который будет характеризоваться углубленным анализом теоретических основ учения о СП и разработкой новой системы понятий и терминов» [Белошапкова 1989: 145].

Предсказание В. А. Белошапковой сбылось. Эта книга широко цитируется, принципы классификации показателей связи частей полипредикативных конструкций развиваются во многих трудах, посвященных как русскому языку (например, [Завьялов 2008] и мн. др.), так и сибирским тюркским языкам – алтайскому [Озонова 2007, 2008, 2009, 2013а, 2013б, 2019; Черемисина, Озонова 2006], тувинскому [Шамина 2008] и т. д. В широкий научный оборот вошли термины *скрепа* и *полипредикативная конструкция*, которые позволяют выйти за рамки бифинитных сложных предложений с союзами, типичных для русского и индоевропейских языков, и построить типологию «непростых» предложений на основе их противопоставления синтетическим и аналитико-синтетическим конструкциям, которые не признаются собственно сложными, поскольку в них средствами связи частей являются форма сказуемого и включенные в его состав морфологические показатели, прежде всего падежа и / или послелого.

В урало-алтайских языках Сибири исконных союзов практически нет или их состав ограничен единичными лексемами. Традиционно понимаемое сложное предложение как бифинитное построение с аналитическим показателем связи предикативных единиц употребляется не очень широко, но отношения между событиями, естественно, передаются, хотя и другими способами. Расширение терминологической базы, связанной с выражением отношений между событиями, позволило Т. А. Колосовой и М. И. Черемисиной внести заметный вклад в построение типологии полипредикативных конструкций.

Целью данной статьи является классификация аналитических показателей связи в хантыйском языке на примере казымского диалекта. Этот диалект выбран потому, что преимущественно на нем печатается окружная газета «Ханты ясаң» (<https://khanty-yasang.ru/>), которая является основным источником пополнения аналитических средств, нетипичных для фольклорных текстов, но развивающихся под влиянием русского языка для передачи новых типов информации, нехарактерной для бытовой речи и традиционных жанров фольклора.

Материалы и методы

Основным источником материала для данной статьи послужили примеры на казымском диалекте хантыйского языка, извлеченные методом сплошной выборки из газетных и фольклорных публикаций, в первую очередь материалы газеты «Ханты ясаң» (<https://khanty-yasang.ru/>). Для сопоставления инновационных процессов в газетных текстах с исконной структурой хантыйского предложения проанализированы фольклорные тексты. Проводится также критический анализ словарных материалов и анализируется корпус отмеченных в них союзов.

Результаты и обсуждение

Исконным типом полипредикативных предложений в хантыйском языке являются синтетические и аналитико-синтетические конструкции, в которых предикат зависимой части выражен деепричастием (пример 1), причастием в падежной форме (пример 2) или сочетанием причастия с послелогом (пример 3):

(1) *Кӓт не ариман-моӓцман хӓв-ван мӓнлӓжӓн* [Потпот 2014: 9].

кӓт не ари=**ман**-моӓц=**ман** хӓв-ван мӓн=л=ӓжӓн
два женщина петь=**CV**-рассказывать сказки=**CV** далеко-близко идти=**PR**=**SUBJ/3DU**

Букв.: Две женщины, распевая, рассказывая сказки, далеко-близко идут.

‘Две женщины с песнями-сказками долго ли, коротко идут’ [Потпот 2014: 12].

(2) *Ин тӓм мӓнтӓмӓнӓн кӓт хӓ стӓл* [Потпот 2014: 9].

ин тӓм мӓн=**т**=**смӓн**=**ӓн** кӓт хӓ=∅ ст=ӓл=∅
сейчас вот идти=**PrP**=**2DU**=**LOC** два мужчина=**NOM** появиться=**PR**=**SUBJ/3SG**

Букв.: Вот сейчас, пока мы идем, двое мужчин появятся.

‘Сейчас нам встретятся двое мужчин’ [Потпот 2014: 12].

(3) *Песӓл летем са тӓрпийӓм ваӓцса* [Потпот 2014: 8].

пес=ӓл=∅ лӓ=**т**=**см** са тӓрпий=см=∅
осока=**POSS/3SG/SG=NOM** есть=**PrP**=**1SG** пока губа=**POSS/1SG/SG=NOM**

ваӓцс=**с**=**а**=∅

порезать=**PAST**=**PASS**=**SUBJ/3SG**

‘Пока я ел осоку, порезал губу’ [Потпот 2014: 8].

Союзов как отдельной служебной части речи, предназначенной для связи частей сложного предложения и однородных членов предложения, в хантыйском языке фактически нет, в связующей функции используются другие части речи – частицы и местоимения.

В «Хантыйско-русском словаре» [Соловар 2020], содержащем более 9000 слов, помета *союз* встречается 15 раз, что не так много. При этом для многих слов эта помета употреблена ошибочно, а соответственно, количество «союзов» становится еще меньше.

Перечислим основные случаи, в которых тем или иным словам приписан частеречный статус союза, и прокомментируем особенности их функционирования.

1. Частицы и местоимения в роли подчинительных союзов

Функционально наиболее близким союзам является слово *ки* ‘если’, которое регулярно употребляется в условных предложениях. По подсчетам Т. Ризе, в 89 % предложений условной семантики для связи частей используется именно это слово [Riese 1984: 101], которое, тем не менее, он называет частицей, а не союзом, отмечая его заимствованный характер из коми-зырянского языка. В предложении оно занимает либо последнее место в составе зависимой части (пример 5), либо может относиться к любому члену предложения (пример 6), но в инициальной позиции в норме оно не фиксируется (см. подробнее описание функционирования частицы *ки* в разных позициях: [Там же: 101–108]).

Положение связующего средства в конце зависимой предикативной единицы для языков синтетического строя с препозицией зависимой части естественно, так как показатель связи оказывается между двумя частями, скрепляя их единство. Такую же позицию занимают падежные показатели причастий и послелогов в составе синтетических и аналитико-синтетических конструкций. Таким образом, типологической особенностью хантыйского языка является положение любого показателя связи – синтетического или аналитического – в центре полипредикативной конструкции, между зависимой и главной частями.

В словаре В. Н. Соловар слово *ки* представлено как два омонима – союз ‘если’ и частица ‘так’:

ки I союз если:

(4) *Мӑнӑм мосты хӑннӑхӑ ки, йӑсукӑл ӗулӑмаӗлӑн, лӑньцӑл ӗулӑмаӗлӑн, йухи еслӑлӑн* [Соловар 2020: 202].

мӑн=ӑм	мос=ты	хӑннӑхӑ=∅	ки	йӑсук=ӑл=∅
я=POSS/1SG/SG	быть нужным=PrP	человек=NOM	если	лед=POSS/3SG/SG=NOM
ӗулӑм=ӑлӑн	лӑньш=ӑл–∅	ӗулӑм=ӑлӑн		
облизать=IMP/OBJ/2DU-PL	снег=POSS/3SG/SG=NOM	облизать=IMP/OBJ/2DU-PL		
йухи	еслӑ=ӑлӑн			
домой	пустить=IMP/OBJ/2DU-PL			

‘Если нужный мне человек, оближите его лед, оближите его снег, впустите его домой.’

(5) *Нӑӗ ки йухӑтӗлӑн, ма па йицӑм* [Соловар 2020: 202].

нӑӗ	ки	йухӑт=л=ӑн	ма	па	йи=л=ӑм
ты	если	прийти=PrP=SUBJ/2SG	я	тоже	прийти=PR=SUBJ/1SG

‘Если ты придешь, я тоже приду.’

ки II част. так:

(6) *Муӗты вой вӑлӗв ки, вӑлӗв* [Соловар 2020: 202].

муӗты	вой=∅	вӑл=л=ӑв	ки	вӑл=л=ӑв
какой	зверь=NOM	добыть=PR=SUBJ/1PL	если	добыть=PR=SUBJ/1PL

Букв.: Какого-нибудь зверя добудем если, добудем.

‘Какого-нибудь зверя добудем так добудем.’

(7) *Мӑнты ки па мӑнты* [Соловар 2020: 202].

мӑн=ты	ки	па	мӑн=ты
ехать=PrP	если	и	ехать=PrP

‘Ехать так ехать.’

Приведенные в словаре предложения (4) – (7) демонстрируют однотипные употребления данного слова для выражения условных отношений, хотя во второй серии примеры являются фразеологизированными, но все-таки они восходят к условному типу конструкций.

Иллюстрацией употребления данного слова в роли частицы может служить пример (8), где частица *ки* выражает мягкое побуждение:

(8) *Нӑӗ ки йӑухӗлӑн.*

нӑӗ	ки	йӑух=л=ӑн
ты	бы	ходить=PR=SUBJ/2SG

‘Ты бы сходил.’

Приведем также пример из фольклорного текста, перевод которого дан носителем языка, употребившим форму *сьездим* на месте сочетания *йӑухӗлӑв ки* ‘если съездим’ (букв.: ходить=PR=SUBJ/1PL если), обозначающую приглашение к совместному действию. Прагматически близким эквивалентом

в русском языке могла бы быть конструкция типа «А что если нам сходить?», которая прямого условного значения не передает, хотя скрытый модусный смысл здесь имеется: «что будет, если сходить?» (см. пример 9):

(9) *Аица, – лутийэҕэ, – ин Увэс ыурэнҕан хуца мойа ыйуҕуҕэ ки, туйтлы хотэн, камри хотэн тайты эвэл аһт нэлы майлэ мәнэм* [Потпот 2014: 14] – ‘Отец, – говорит, – **съездим** к Северному ненцу свататься, дочь, которую он держит в тёмном доме, в доме без огня, может, отдаст за меня замуж’ [Потпот 2014: 20].

Таким образом, первичной для слова *ки* является функция побудительной частицы, имеющей гипотетическую окраску, на основе которой становится возможным ее употребление для выражения условных отношений, которые предполагают потенциальное следствие. Поэтому в словарной статье на первом месте следовало бы привести примеры употребления этой частицы в простом предложении, а в качестве второго значения указать условное в составе сложного предложения. Положение этой частицы внутри зависимой части, преимущественно в самом конце, препятствует ее трактовке как союза, для которого обычной является позиция в абсолютном начале предикативной единицы. Возможен, конечно, пересмотр объема понятия «союз» и отнесение к союзам разнообразных служебных полифункциональных единиц независимо от места их расположения в структуре предложения и морфологической природы, но с учетом одной только связующей функции. В русистике, например, для подобных случаев используются термины *союз-частица* или *частица-союз*. Однако терминологически более точным является все-таки трактовка данного слова как частицы.

Уступительные отношения передаются при помощи частицы *күйи* ‘хотя, хоть’, которая факультативно может сочетаться с другой частицей – *кепа* или *кепи*.

В «Хантыйско-русском словаре» для слова *күйи* дается перевод ‘как ни’ и помета *союз*, слово *кепа* и сочетание *күйи кепа* называются частицами, а слово *кепи* – союзом (для него примеров употребления во фразе не приводится), хотя *кепа* и *кепи*, скорее всего, являются вариантами одного и того же слова. При этом все эти лексемы передают одинаковое значение и употребляются в одном и том же типе конструкций – в сложном предложении уступительной семантики, поэтому должны были бы получить одинаковое морфологическое определение, ср.:

күйи союз как ни; *Күйи ииуки теҕэн хөхөлсээн, аҕкэн щиты щи көккөкө пөрлэс* Как ни бежали они с водой, мама так и улетела кукушкой [Соловар 2020: 224];

күйи, күйи кепа частица хоть, хотя, хоть и; *Ма күйи кепа аһ вөнэлтыйлэҕэм, дуйв киньцаҕа утиаһ аһтө* Я хоть и не учусь, но не глупей его, *Мәнэм щи күйи альийэҕэсэ, хуҕ ыуремэссэм* Хоть мне и показывали, я забыла [Там же];

кепа I частица хоть; *Сэм кепа аһ тайлэн, вантэ* Хоть ты слепой (букв.: глаз не имеешь), посмотри [Там же: 229];

кепи союз; хотя [Там же].

В приведенных в словаре примерах встречается синонимичное сочетание *щи күйи*, которое следовало бы представить либо в отдельной словарной статье, либо, наоборот, все сочетания частицы *күйи* с разными частицами объединить в одну словарную статью.

Перевод слова *күйи* русским эквивалентом *как ни* при помете *союз* представляется не вполне удачным, так как в русской грамматике скрепа *как ни* считается сочетанием местоимения *как* с отрицательной частицей *ни*. В русском языке сформировалась целая серия подобных показателей связи для выражения обобщенно-уступительной семантики, образованных на основе сочетания любого относительного местоимения с частицами *ни* и *бы*, ср.: *кто (бы) ни, что (бы) ни, где (бы) ни, какой (бы) ни* и т. д.

В словарной статье для всех перечисленных выше хантыйских слов на первом месте следовало бы указать их частеречный статус как усилительных частиц, что подтверждается их употреблением в простом предложении, например:

(10) *Пайка сар, най ин йухи ај мйна, вантэ күйш* [Потпот 2014: 27].

пак=а сар най ин йухи
 терпеть=IMP/SUBJ/2SG INTRJ ты сейчас домой
 ај мйн=а вант=э күйш
 NEG/IMP идти=IMP/SUBJ/2SG смотреть=IMP/OBJ/2SG/SG **ведь**
 ‘Подожди немного, пока не уезжай домой, все увидишь’ [Потпот 2014: 30].

(11) *Мир лепэлты күйш вүтцийэс* [Потпот 2014: 26].

мир лепэл=ты күйш вүтций=эс=Ø
 народ обмануть=PrP **ведь** пытаться=PAST=SUBJ/3SG
 ‘Хотел ведь обмануть людей.’

(12) *Най кепна йауха щив.*

най кепна йаух=а щив
 ты **тоже** сходить=IMP/SUBJ/2SG туда
 ‘Ты тоже сходи туда.’

(13) *Най күйш кепна йухта.*

най күйш кепна йухт=а
 ты **хоть** **хоть** прийти=IMP/SUBJ/2SG
 ‘Хоть ты приди.’

Уступительная функция частицы *күйш* отчетливо видна в следующем примере:

(14) – *Най, мүй холлэлэн?*

– *А ма, – лупийэл, – апецем вўса лакнемэс, күйш ух сухэл эвэлт талсем, – лупэл, – ин утем иса ил ци тэсы* [Потпот 2014: 9].

‘– Что ты плачешь?’

– У меня, – говорит, – братик в землю провалился, за волосы **как ни** тянула-тянула его, так совсем его под землю унесло’ [Потпот 2014: 11].

В разных словарных статьях с пометой *союз* приводится одно и то же слово *немкэнтэ*, которое, вероятнее всего, является результатом сращения отрицательного местоимения *немэлт* ‘никто, никакой’ с наречием типа *хэнтэ* ‘когда-нибудь’:

немкэнтэ хотя (хоть) бы *союз*; *Ај семэн немкэнтэ вантлэн* Хоть глазами посмотришь [Соловар 2020: 369];

немкэнтэ *союз* хотя бы; *Немкэнтэ тймэн мйнэм мийэ* Хотя бы это мне отдай [Там же: 370].

Приведенные примеры показывают употребление этого слова в функции ограничительной частицы, но статус союза не подтверждают. Маловероятно, чтобы со временем это слово стало конкурентом частиц *күйш*, *кепна* / *кепи* при выражении уступительной семантики, так как, несмотря на одинаковый перевод на русский язык, эти частицы имеют разные базовые значения: уступительное значение частиц *күйш*, *кепна* / *кепи* формируется на основе семы несоответствия, тогда как исходным значением лексемы *немкэнтэ* является ограничение.

Для связи частей в составе сложноподчиненного предложения времени употребляется частица *төп* ‘только’, для которой в «Хантыйско-русском словаре» В. Н. Соловар частеречной пометы не дано, а перевод ‘как только’, предполагающий союзную функцию, приводится внутри словарной статьи и примерами не сопровождается:

төп 1) только, лишь; *Най төп вулэт ај пайтанта* Ты только оленей не пугай; *Лүв нөптэл төп хөлгэм хятэл* Ему только три дня; *И атэн хятла төп еслыйэлсайэм* Только на один день отпус-

кали меня; *Тай хайтал ацэн и лүк төп вэлмад* Сегодня твой отец лишь одного глухаря добыл.
2) как только [Соловар 2020: 535–536].

Приведем пример из фольклорного текста, демонстрирующий временную семантику частицы *төп* в составе полипредикативной конструкции. В ее второй части имеются частицы *на ши* ‘и вот’, дополнительно подчеркивающие быструю смену событий:

(15) *Ин икилэжүкэм ил төп вуйэмса, на ши хор күйр, вой күйр шимраң сый ши сатель*
[Потпот 2014: 17].

ин	ики=лэжүк=см=∅		ил	төп			
теперь	мужчина=DIM=POSS/1SG/SG=NOM		вниз	только			
вуйэм=с=а=∅		па	ши	хор	күйр	вой	күйр
уснуть=PAST=PASS=SUBJ/3SG		и	вот	бык	нога	зверь	нога
шимраң	сый=∅	ши	сатель=∅				
цокающий	звук=NOM	вот	слышится.PR=SUBJ/3SG				

‘Ну, мужчина мой только уснул, опять цокот копыт оленей, цокот копыт быков слышен’ [Потпот 2014: 23] (Как только мужчина уснул, сразу же послышался цокот копыт оленей...).

Другим средством связи во временных полипредикативных конструкциях выступает слово *хөн*, представленное в словаре как серия омонимов:

хөн I (мест. нареч.) когда; *Хөн най йухэтлэн?* Когда ты придешь?

хөн II част. отриц. конечно, не; разве, не; *ай хөн* не просто; *Ма най хурлан шөка хөн нитсам* Мне не нужны, конечно, твои фотографии; *Вер шив хөн хойэс* Дело на этом, конечно, не остановится.

хөн III част. утверд. так; *Йа хөн мандэм* Ну так я пойду.

хөн IV союз когда; *Хөн йама вөлэпсэн мандэл, на лүв леваса сема ант нитэл* Когда жизнь идет нормально, он не попадает без причины на глаза [Соловар 2020: 601].

Отличительной особенностью данного слова является частотность инициальной позиции (см. *хөн IV*), которая поддерживается, очевидно, его местоименным характером: в функции вопросительного местоимения оно ставится в начале предложения (см. *хөн I*).

2. Частицы и местоимения в роли сочинительных союзов

Для связи однородных членов в простом предложении используются многозначные слова *на* ‘и’ и *муй* ‘что’. Приведем примеры их употребления в функции сочинительных союзов.

Союз *на* ‘и’ служит для соединения однородных членов прежде всего внутри простого предложения:

на союз и, а; *Шайта наврэмэл лэйтэс на ши хунтас* Затем ребенка посадил и убежал [Там же: 409].

Вопросительное местоимение *муй* ‘что’ используется для выражения разделительных отношений, формируя повторяющийся союз *муй ... муй* ‘или ... или; то ли ... то ли’, часто в сочетании с частицами:

муй IV союз 1) или; *Вүлэт йулта кярэтлэлэ муй на лытаца вошэтлайэт* Оленей она сзади привязывает или же их свободно гонят; *Лүв ан рэхэлэ муй күйш рүш, муй ханты, леваса кэтэмтыйа ан рэхэл* В запретное место хоть русский, хоть ханты, без необходимости нельзя лезть; 2) то ли; *Лүв муй хүв шайртэс, лүв муй ван шайртэс* То ли он долго гадал, то ли коротко гадал [Там же: 313].

В целом сочинительные конструкции для хантыйского языка мало характерны, отношения соединения, разделения, противопоставления чаще выражаются лексически или параллелизмом структур.

3. Ошибочная квалификация частиц, вводно-модальных слов и наречий как союзов

В «Хантыйско-русском словаре» помета *союз* сопровождает слова, которые на самом деле являются другими частями речи. Приведем примеры:

мйтэ союз 1. что, будто; *Мйттэ хөлэм вөнт хор лольжэт* Будто три лесных быка стоят. 2. *вводн. сл.* оказывается; *Пухэл, мйттэ, йухэтмаж* Сын=его, оказывается, приехал [Там же: 301]. Слово *мйттэ* и его вариант *мйтты* могут употребляться в изъяснительных сложноподчиненных предложениях, однако первый пример в словарной статье иллюстрирует функцию модальной частицы, союзную функцию можно подтвердить следующим примером:

(15) *Юхи хйщум кемән Елена Евгеньевна щимйщ айкеж етйжтйс, мйтты щи няврём вәнжтйты тйхета округ эвйжт на компьютерйт лэщатты пйта 373 миллион шойт вух мйсы* [«Ханты ясаң». 29.04.2006. В. Енов. «Йлпа верум посупсы»] 'Когда приехала домой, Елена Евгеньевна такую новость рассказала, **будто** детским учреждениям от округа выделено 373 миллиона рублей для оснащения компьютерами'. Таким образом, в состав словарной статьи следует включить первое значение как сравнительной частицы, второе значение как союза и третье как вводного слова;

йжмөнтгыки союз как будто [Соловар 2020: 47]: примеров употребления этого слова в словаре нет. Вероятнее всего, оно является результатом сращения трех слов: *йж* 'просто', *мөнтгы* 'прежде, раньше', *ки* 'если' и используется для выражения персуазивности – неуверенности в достоверности наблюдаемого явления, выступая в роли частицы или вводно-модального слова;

ййна 1. союз правда, действительно; *Ййна, мйттырән, ин ай икиле тыв кэрийэж, тухи кэрийэж* Действительно, оказывается, этот мальчишка сюда качнется, туда качнется; 2. *частица* да [Там же: 131]. Слово *ййна* 'правда, действительно' не используется для связи частей сложного предложения, а выражает верификацию. В словаре за ним следует слово *ййнапа* 'и правда', которому присвоен другой статус – вводного слова: *ййнапа ввод. сл.* и правда; *Ййнапа, йухэтмаж* И правда, приехал он [Там же: 131]. Оно состоит из двух частей – *ййна* 'правда' и частицы *па* 'и', возможно, это одно и то же слово, к которому для усиления значения присоединяется частица *па*;

хйщ 1. *част.* чуть не, едва не; *Йж хйщ пйтсам* Я чуть не упал <...>; 2. *союз* чуть не, едва не [Там же: 582]: для данного слова в словаре приводится много примеров, где оно выступает как частица, однако для союзной функции ни одного примера нет, вероятнее всего, потому, что для связи частей сложного предложения это слово все-таки не используется;

щичи союз и; *И йэтән щичи пун верты ими йухтэс, амп шйни лон төс фолькл.* И в один вечер пришла женщина, делающая жилы, принесла жилы со спины собаки [Там же: 659]: в данном примере полисемант *щичи* выступает в роли частицы, при всем многообразии его значений выделение функции союза для него вряд ли оправдано.

4. Ошибочная квалификация послелогов как союзов или союзных слов

Ряд послелогов, которые употребляются в аналитико-синтетических причастно-послеложных конструкциях, причислены к союзам или союзным словам: *вэвән* 'вместо того чтобы', *эвэжт* 'от, с, из', *тйхийән* 'для, из-за'. Они действительно служат для выражения соответствующих отношений между частями, но при этом своей частеречной принадлежности как послелогов в роли показателя связи в составе полипредикативных конструкций не меняют:

вэвән союз вместо того чтобы [Там же: 101]: данное слово является послелогом, оно употребляется после причастия настоящего-будущего времени, формируя аналитико-синтетическую конструкцию со значением замещения (пример 16). Функционально это слово эквивалентно русскому заместительному союзу *вместо того чтобы*, однако специфика конструкции, в которой эта лексема употребляется, не позволяет признать его союзом (ср. пример 3):

(16) *Кина вантты вэвэн моьщ хънша* [Там же: 101].

кина=∅	вант=ты	вэвэн	моьщ=∅
кино=NOM	смотреть=PrP	вместо того чтобы	сказка=NOM
хънш=a			
написать=IMP/SUBJ/2SG			

‘Вместо того чтобы смотреть кино, напиши сказку.’

Слово *эвэлт* представлено в словаре как четыре омонима, последней в списке указывается союзная функция:

эвэлт IV союз пока; *Ма йъухтэм эвэлт, лъв мънма* Пока я ездил, он уехал; *фолькл. Не пижем къншем эвэлт, къш хута сурма ат йишэм* Пока ищу свою подругу, хоть где пусть умру; *Лъын йъухтан эвэлт, ин нсунэн китэнтэк ъавремауа йисунэн* Пока они ходили, у обоих женщин появились дети [Там же: 677–678].

Однако во всех случаях частеречная природа этого слова одна и та же – это послелог, который используется в разных типах конструкций, в данном случае – в причастно-послеложной аналитико-синтетической конструкции (ср. примеры 3 и 16):

(17) *Ма йъухтэм эвэлт, лъв мънма* [Там же: 678].

ма йъух=т=см	эвэлт	лъв	мън=м=ал
я ходить=PrP=1SG	пока	он	уехать=PP=3SG

‘Пока я ездил, он уехал.’

Лексема *тэхийэн* названа союзным словом [Там же: 530], однако это тоже послелог:

(18) *Лъоьщ охтыйэн ант шотшэв тэхийэн, йишк хъват мънлэв* [Там же].

лъоьщ	охтыйэн	ант	шотш=эв	тэхийэн
снег	по	не	ходить.PrP=1PL	чтобы не
йишк	хъват	мън=л=эв		
вода	по	идти=PR=SUBJ/1PL		

‘Чтобы не ходить по снегу, по воде идем.’

Таким образом, в хантыйском языке нет ни одного лексического средства, которое можно было бы однозначно охарактеризовать как союз. Все слова, служащие для связи частей полипредикативных конструкций, являются полифункциональными: на их первичные функции как частиц или местоимений накладываются вторичные функции связи предикативных частей. Поэтому по отношению к таким единицам оптимальным является термин *скрепа*, предложенный М. И. Черемисиной и Т. А. Колосовой, подчеркивающий их функциональную, а не морфологическую природу.

5. Классификация аналитических скреп хантыйского языка

При классификации аналитических скреп хантыйского языка мы опираемся на принципы, разработанные М. И. Черемисиной и Т. А. Колосовой применительно к русским скрепам [Черемисина, Колосова 1987: 136–138]. Сравнительно-сопоставительный подход позволяет высветить специфику системы хантыйских скреп, в которых «союзная» зона, многочисленная и разнообразная в русском языке, фактически совсем не разработана.

В зависимости от принадлежности скрепы одной или обеим предикативным единицам, различаются одноместные и неодноместные скрепы: одноместные целиком принадлежат одной из предикативных единиц, неодноместные состоят из двух или более частей и находятся в разных предикативных единицах. На втором шаге классификации учитывается морфологическая природа скреп: в хантыйском языке они образуются на основе частиц или местоимений. Дальнейшее деление проводится по количеству компонентов, входящих в состав той или иной скрепы: в соответствии с этим выделя-

ются однокомпонентные и многокомпонентные (в хантыйском, как правило, двукомпонентные) скрепы.

Формирование новых типов хантыйских полипредикативных конструкций и соответствующих им скреп описано в коллективной монографии «Сложность языков сибирского ареала в диахронно-типологической перспективе» и проиллюстрировано большим количеством примеров [Сложность... 2018: 338–371], поэтому здесь мы ограничимся только перечислением самих скреп и их значений.

1. Одноместные скрепы:

1) на основе частиц:

а) однокомпонентные: *ки* ‘если’, *хэн* ‘когда’, *төп* ‘как только’, *күш* ‘хотя’, *ат* ‘чтобы’, *лөжэн* ‘чтобы’, *па* ‘и’;

б) многокомпонентные:

– на основе уступительных частиц: *ици күш* ‘хотя’, *күш кена* ‘хотя’;
– на основе императивных и условных частиц: *лөжэн ... ат* или *ат ... лөжэн* ‘чтобы’; эти скрепы допускают разные варианты дистантного и контактного расположения при разных членах предложения, что показывает неустойчивость данных комплексов как показателей связи, поскольку они сохраняют позиции, свойственные частицам, а не союзам;

2) на основе местоимений (прономинальные):

а) однокомпонентные, использующиеся в вопросительно-изъяснительных предложениях:

– X-местоименные: *хэн* ‘когда’, *хуй* ‘кто, чей’, *хулсаты* ‘откуда’, *хулица* ‘откуда’, *хулицаса* ‘откуда’, *хута* ‘где’, *хуты* ‘как’, *хутыса* ‘как’, *хутысаты* ‘как’ и др.;

– M-местоименные: *муй* ‘что’, *муя* ‘почему, зачем’, *муйсэр* ‘какой’, *мйта* ‘который, какой’ и др.;

б) многокомпонентные (прономинально-последложные):

– *ЩИ*-местоименные: *ици пйта* ‘из-за того что’, *ици урэуна* ‘чтобы’, *ици йүпийэн* ‘после этого’, *ици арат* ‘насколько’ и др. В состав этого класса потенциально входят все хантыйские послелогов в сочетании с частицей *ици*;

– *МУЙ*-местоименные: *муй па* ‘зачем, почему’, *муй вүрэн* ‘как’, *муй иты* ‘как’, *муй лампи* ‘как’, *муй хурпи* ‘как’, *муй хурасэн* ‘как, каким образом’, *муй вүй эвэйт* ‘с каких пор’, *муй вүй вөнта* ‘до каких пор’, *муй кем* ‘насколько’, *муй мурт* ‘насколько’, *муй арат* ‘сколько’, *муй щирэн* ‘каким образом’ и др., образованные сочетанием местоимения *муй* ‘что’ и разнообразных служебных слов, прежде всего послелогов.

2. Неодноместные скрепы:

1) двухместные: *ици арат ... муй арат* ‘столько ... сколько’, *муй арат ... ици арат* ‘сколько ... столько’, *ици олэжэн ... муй вүрэн* ‘о том ... как’, *ициты ... муй вүрэн* ‘так ... как’, *ици пйта ... лөжэн ат* ‘для того, чтобы’, *ициты ... хуты* ‘так ... как’ и т. п. Этот класс формируется в газетных текстах на основе калек с русских многоместных скреп, при этом прямого заимствования не происходит, задействуются собственные лексические средства хантыйского языка;

2) многоместные: *муй ... муй ... муй* ‘или ... или ...или’, *а муй ... а муй ... а муй* ‘то ли ... то ли ... то ли’, *па муй ... па муй ... па муй* ‘не то ... не то ... не то’.

В завершение статьи приведем типичный отрывок из газетного текста, в котором наглядно видно обилие разнообразных аналитических средств связи частей предложения и текстовых скреп, не свойственных традиционным произведениям фольклора:

(19) *Сыры одайтн, хэн вэнт шушеп түйтн лесы, ици пйта интйм Кечимоват тйл вэнт шушия ан касйлсйт. Щи тумпи па и нүйша тййлйт – вэнтан пурвойт яңхйлт. Ин цйта вэлты хйнтэт ан вэйлт, муй щирн пурвой эвйлт вүйэт лавйлты* (И. Самсонова; <https://khanty-yasang.ru/khanty-yasang/no-2-3542/9877>) – **В прежние годы, когда** лес сгорел (букв.: огнем съеден), **поэтому** теперь Кечимовы зимой в лес не кочуют. Кроме этого, и другую беду имеют – по лесу волки ходят. **Теперь** там живущие ханты не знают, **как** оленей от волков охранять.

Выводы

Аналитические средства связи частей сложного предложения хантыйского языка представлены сравнительно небольшим кругом единиц (около 50). Все они являются полифункциональными и используются для связи частей полипредикативных конструкций только в своей вторичной функции, выполняя в первую очередь функции частиц или местоимений. Союзов как таковых в хантыйском языке нет. Это связано с тем, что основным, исконным типом полипредикативных конструкций являются синтетические и аналитико-синтетические конструкции, в которых морфологические показатели инфинитных форм, падежные аффиксы и послелогои используются для выражения отношений между событиями. При преобладании синтетических стратегий построения полипредикативных конструкций количество аналитических скреп, естественно, невелико. Однако они активно формируются, прежде всего в газетных текстах, в которых калькируются сложные предложения русского типа. При этом прямого заимствования русских союзов практически не происходит, формируется собственный фонд аналитических показателей связи на базе имеющихся в языке ресурсов. Классификация показателей связи частей полипредикативных конструкций, разработанная М. И. Черемисиной и Т. А. Колосовой, может стать основой для проведения широких типологических классификаций связующих средств в языках разных систем.

Список литературы

- Белошапкина В. А.* Рецензия на книгу: Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск: Наука, 1987. 196 с. // Вопросы языкознания. 1989. № 5. С. 144–148.
- Завьялов В. Н.* Морфологические и синтаксические аспекты описания структуры русских союзов: монография. Хабаровск: ДВГГУ, 2008. 242 с.
- Озонова А. А.* Формирование фонда аналитических скреп союзного типа в алтайском и башкирском языках // Башкирский язык и литература в условиях глобализации и полиэтнической среды: опыт и перспективы. Материалы Международной научно-практической конференции. 2019. С. 268–270.
- Озонова А. А.* Аналитические средства связи в темпоральных и каузальных полипредикативных конструкциях алтайского языка (на материале фольклорных и современных художественных текстов) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013а. Т. 12. № 2. С. 161–165.
- Озонова А. А.* Аналитические средства связи в фольклорных текстах (на материале алтайских героических сказаний) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2013б. № 2 (25). С. 52–55.
- Озонова А. А.* Аналитические средства связи союзного типа в алтайском языке // Актуальные вопросы алтайского языкознания. Горно-Алтайск, 2009. С. 18–27.
- Озонова А. А.* Классификация аналитических скреп алтайского языка // Асимметрия как принцип функционирования языковых единиц: сборник статей в честь профессора Т. А. Колосовой. Новосибирск, 2008. С. 235–241.
- Озонова А. А.* Некоторые изменения в системе аналитических средств связи в алтайском языке // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 2007. С. 110–117.
- Поттот Р. М.* Касэм йох пуртэт, арэт. Предания, песни казымских хантов. Тюмень: ООО «ФОРМАТ», 2014. 126 с.
- Сложность языков сибирского ареала в диахронно-типологической перспективе* / Отв. ред. А. А. Мальцева; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т филологии. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2018. 422 с.
- Словарь В. Н.* Хантыйско-русский словарь (казымский диалект): Более 9000 слов / Под. ред. А. А. Бурькина. Новосибирск: Издательство СО РАН, 2020. 689 с.
- Черемисина М. И., Колосова Т. А.* Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск: Наука, 1987. 196 с.
- Черемисина М. И., Озонова А. А.* Аналитические средства связи частей сложного предложения в алтайском языке // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 2006. С. 3–20.

Шамина Л. А. Аналитические скрепы в тувинском языке // Асимметрия как принцип функционирования языковых единиц: сборник статей в честь профессора Т. А. Колосовой. Новосибирск, 2008. С. 242–248.

Riese T. *The Conditional Sentence in the Ugrian, Permian and Volgaic Languages*. Wien, 1984. 263 p.

References

Beloshapkova V. A. Recenziya na knigu: Cheremisina M. I., Kolosova T. A. “Ocherki po teorii slozhnogo predlozheniya”. Novosibirsk, Nauka, 1987, 196 s. [Book review: Cheremisina M. I., Kolosova T. A. Essays on the theory of complex sentences. Novosibirsk, Nauka, 1987, 196 p.]. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)*. 1989, no. 5, pp. 144–148. (In Russ.)

Cheremisina M. I., Kolosova T. A. *Ocherki po teorii slozhnogo predlozheniya* [Essays on the theory of a complex sentence]. Novosibirsk, Nauka, 1987, 196 p. (In Russ.)

Cheremisina M. I., Ozonova A. A. Analiticheskie sredstva svyazi chastey slozhnogo predlozheniya v altayskom yazyke [Analytical means of the connection of parts of a complex sentence in the Altai language]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of the indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk, 2006, pp. 3–20. (In Russ.)

Ozonova A. A. Analiticheskie sredstva svyazi v fol'klornykh tekstakh (na materiale altayskikh ge-roicheskikh skazaniy) [Analytical means of the connection of parts of sentences in folklore texts (based on the material of Altai heroic tales)]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2013b, no. 2 (25), pp. 52–55. (In Russ.)

Ozonova A. A. Analiticheskie sredstva svyazi soyuznogo tipa v altayskom yazyke [Analytical means of the connection of parts of sentences of the conjunction type in the Altai language]. In: *Aktual'nye voprosy altayskogo yazykoznanija* [Topical issues of the Altai linguistics]. Gorno-Altaysk, 2009, pp. 18–27. (In Russ.)

Ozonova A. A. Analiticheskie sredstva svyazi v temporal'nykh i kauzal'nykh polipredikativnykh konstruktivnykh altayskogo yazyka (na materiale fol'klornykh i sovremennykh khudozhestvennykh tekstov) [Analytical means of the connection of parts of a temporal and causal predicative constructions of the Altai language (based on the material of folklore and modern literary texts)]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: “History and Philology”*. 2013a, vol. 12, no. 2, pp. 161–165. (In Russ.)

Ozonova A. A. Formirovanie fonda analiticheskikh skrep soyuznogo tipa v altayskom i bashkirskom yazykakh [Formation of a fund of analytical means of the connection of parts of a complex sentence in the Altai and Bashkir languages]. In: *Bashkirskiy yazyk i literatura v usloviyakh globalizatsii i polietnicheskoy sredy: opyt i perspektivy. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Bashkir language and literature in the conditions of globalization and multi-ethnic environment: experience and prospects. Materials of the International Scientific-Practical Conference]. 2019, pp. 268–270. (In Russ.)

Ozonova A. A. Klassifikatsiya analiticheskikh skrep altayskogo yazyka [Classification of analytical means of the connection of parts of sentences of the Altai language]. In: *Asimmetriya kak printsip funktsionirovaniya yazykovykh edinits: sbornik statey v chest' professora T. A. Kolosovoy* [Asymmetry as a principle of functioning of language units: collection of articles in honor of Professor T. A. Kolosova]. Novosibirsk, 2008, pp. 235–241. (In Russ.)

Ozonova A. A. Nekotorye izmeneniya v sisteme analiticheskikh sredstv svyazi v altayskom yazyke [Some changes in the system of analytical means of the connection of parts of sentences in the Altai language]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk, 2007, pp. 110–117. (In Russ.)

Potpot R. M. *Kasam yokh putrat, arat. Predaniya, pesni kazymskikh khantov* [Legends, songs of the Kazym Khanty]. Tyumen', OOO “FORMAT”, 2014, 126 p. (In Russ.)

Riese T. *The Conditional Sentence in the Ugrian, Permian and Volgaic Languages*. Wien, 1984, 263 p.

Shamina L. A. Analiticheskie skrepy v tuvinskom yazyke [Analytical means of the connection of parts of a sentence in the Tuva language]. In: *Asimmetriya kak printsip funktsionirovaniya yazykovykh edinits: sbornik statey v chest' professora T. A. Kolosovoy* [Asymmetry as a principle of functioning of language

units: collection of articles in honor of Professor T. A. Kolosova]. Novosibirsk, 2008, pp. 242–248. (In Russ.)

Slozhnost' yazykov sibirskogo areala v diakhronno-tipologicheskoy perspektive [The complexity of the languages of the Siberian area in the diachronic-typological perspective]. A. A. Mal'tseva (Ed. in Ch.). Institute of Philology, SB RAS. Novosibirsk, Academic Publishing House "Geo", 2018, 422 p. (In Russ.)

Solovar V. N. *Khantyysko-russkiy slovar' (kazymskiy dialekt): Bolee 9000 slov* [Solovar V. N. Khanty-Russian dictionary (Kazym dialect): More than 9000 words]. A. A. Burykin (Ed.). Novosibirsk, SB RAS Publ., 2020, 689 p. (In Russ.)

Zav'yalov V. N. *Morfologicheskie i sintaksicheskie aspekty opisaniya struktury russkikh soyuzov: monografiya* [Morphological and syntactic aspects of the description of the structure of Russian conjunctions]. Habarovsk, DVGGU, 2008, 242 p. (In Russ.)

Список условных обозначений

= – граница между морфемами; Ø – нулевая морфема; **1, 2, 3** – 1-е, 2-е, 3-е лицо; **CV** – деепричастие; **DIM** – уменьшительно-ласкательный аффикс; **DU** – показатель двойственного числа; **IMP** – показатель повелительного наклонения; **INTRJ** – междометие; **LOC** – показатель местнотворительного падежа; **NEG** – отрицательная частица; **NOM** – нулевой показатель именительного падежа; **OBJ** – форма субъектно-объектного спряжения; **OBJ/2SG/SG** – показатель объектного спряжения 1-го лица единственного числа субъекта при единственном числе объекта; **PASS** – показатель страдательного залога; **PAST** – показатель прошедшего времени; **PL** – показатель множественного числа; **POSS/3SG/SG** – лично-притяжательный показатель 3-го лица единственного числа обладателя при единственном числе предмета обладания; **PP** – показатель причастия прошедшего времени; **PR** – показатель настоящего времени; **PrP** – показатель причастия настояще-будущего времени; **SG** – показатель единственного числа; **SUBJ** – субъектное спряжения.

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
30.08.2021*

Сведения об авторе

Кошкарёва Наталья Борисовна – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук, зав. кафедрой общего и русского языкознания Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)

E-mail: koshkar_nb@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4578-6591

Information about the Author

Natalia B. Koshkareva – Doctor of Philology, Professor, Principal Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of General and Russian Linguistics of the Humanities Institute of Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: koshkar_nb@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4578-6591

УДК 811.512.153
DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-66-74

Бипредикативные конструкции с зависимой предикативной единицей места в хакасском языке

А. Н. Чугунекова

*Институт гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии
Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, Абакан, Россия*

Аннотация

Рассматриваются редкие для хакасского языка бипредикативные конструкции с зависимой предикативной единицей места. В настоящее время многие вопросы, касающиеся описания бипредикативных конструкций в хакасском языке, еще не получили должного освещения, чем и определяется актуальность данного исследования. В хакасском языке бипредикативные конструкции места представлены двумя структурными типами. К первому относятся конструкции, в которых связь между зависимой и главной предикативной единицей осуществляется аналитически – при помощи местоименных наречий и соотносительных слов, а именно действительных локативных наречий. Ко второму типу относятся определительные по форме конструкции, которые являются зависимыми предикативными единицами в составе бипредикативных конструкций места. Главная предикативная единица связывается с зависимой при помощи слов в форме пространственных падежей (дательный, местный, направительный и исходный). В зависимой предикативной единице им соответствуют местоименные наречия. При этом зависимая предикативная единица полностью локализует главную предикативную единицу.

Ключевые слова

бипредикативные конструкции, местоименные наречия, зависимая предикативная единица места, пространственные отношения, хакасский язык

Для цитирования

Чугунекова А. Н. Бипредикативные конструкции с зависимой предикативной единицей места в хакасском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 2 (вып. 42). С. 66–74. DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-66-74

© А. Н. Чугунекова, 2021

ISSN 2312-6337
Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 2 (вып. 42)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2021. No. 2 (iss. 42)

Bipredicative constructions with dependent predicative units denoting location in the Khakas language

A. N. Chugunekova

*Institute for Humanities Research and Sayano-Altay Turkology
of the Katanov Khakass State University, Abakan, Russian Federation*

Abstract

The syntax of a complex sentence is of great interest to researchers of various languages. Despite active research, there are many issues to be clarified. Our attention is focused on the syntax of the Khakass language. Previous investigations were devoted to asyndetic compound sentences, concessive and causal constructions in the Khakass language in comparison with the Russian language. Still, given that only a small section of the scientific grammar of the Khakass language covers the topic under discussion, such studies are of great relevance. The current study deals with complex sentences in the Khakas language, namely the bipredicative constructions of place that have not received proper coverage yet. The purpose was to identify and describe the structures concerned. The research revealed that Khakass bipredicative constructions of place are represented by two structural types. The first category includes the constructions in which the relationship between the dependent predicative unit and the main predicative unit is usually realized analytically by means of pronominal adverbs and correlative words, namely deictic locative adverbs. The second type involves determinative constructions, which are dependent predicative units in bipredicative constructions of place. The main predicative unit is connected with the dependent predicative unit by the words in spatial cases (dative, locative, directive, and ablative), and in the dependent predicative unit, they are represented by pronominal adverbs. Furthermore, the dependent predicative unit completely identifies the main predicative unit in space.

Keywords

bipredicative constructions, pronominal adverbs, the dependent predicative unit of space, spatial relations, Khakas language

For citation

Chugunekova A. N. Bipredikativnye konstruksii s zavisimoy predikativnoy edinitsey mesta v khakasskom yazyke [Bipredicative constructions with dependent predicative units denoting location in the Khakas language]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2021, no. 2 (iss. 42), pp. 66–74. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-66-74

Введение

Синтаксис сложного предложения хакасского языка изучен недостаточно. В научной грамматике хакасского языка ему посвящен небольшой раздел [ГХЯ 1975: 393–409]. Однако некоторые функционально-семантические типы сложных предложений получили монографическое описание в трудах хакасоведов. Так, благодаря работам Т. Н. Боргояковой системно и полно описаны темпоральные полипредикативные конструкции [Боргоякова 2002]. Исследованию причинно-следственных конструкций в сопоставлении с русским языком посвящены монография и статьи О. Д. Абумовой [Абумова 2013, 2014, 2015, 2020]. Сравнительные конструкции получили описание в монографии Э. В. Султрековой [2017]. Материалы хакасского языка привлекались при описании полипредикативных конструкций на материале сибирских языков, относящихся к разным языковым семьям [Предикативное склонение... 1984; Структурные типы... 1986].

БПК с ЗПЕ места были объектом внимания многих исследователей на материале разных языков. Так, принципы классификации ЗПЕ места в русском, якутском, бурятском, хантыйском и др. языках подробно представлена в статье Л. А. Шаминой [Шамина 2019: 260]. Многие вопросы изучения БПК в тюркских языках Южной Сибири нашли отражение в трудах Л. А. Шаминой [Шамина 2004, 2007 и др.], в их числе и бипредикативные конструкции (БПК) места в тувинском языке, для которых выделено три структурных типа: 1) с местоименными словами; 2) с формами локальных падежей имен; 3) с аналитическими показателями – синсемантическими именами – в составе зависимой предикатив-

ной единицы [Шамина 2019: 260]. Они «представляют переходный тип между определительными конструкциями и конструкциями обстоятельственного значения» [Там же: 268].

Целью данной статьи является выявление и описание БПК места в хакасском языке. В таких конструкциях между главной (ГПЕ) и зависимой (ЗПЕ) предикативными единицами устанавливаются пространственные отношения. Как показывает собранный нами языковой материал, для хакасского языка, как и для других тюркских языков Сибири, такие конструкции редки.

Фактическим материалом исследования послужили примеры из произведений художественной литературы хакасских писателей, поэтических текстов, а также текстов фольклорных произведений.

Результаты и обсуждение

В хакасском языке мы выделяем два структурных типа БПК с ЗПЕ места. К первому типу относятся БПК, в которых связь между ГПЕ и ЗПЕ осуществляется на основе местоименных слов (дейктических локативных и местоименных наречий), ко второму типу – БПК, в которых связь между ГПЕ и ЗПЕ осуществляется через слова с пространственным значением в форме локальных падежей ГПЕ и местоименными наречиями в ЗПЕ.

1. Соотносительные слова в частях БПК в роли аналитических средств связи

В хакасских БПК места ЗПЕ связывается с ГПЕ местоименными наречиями *хайда* ‘где’, *хайдар* ‘куда’, *хайдаң* ‘откуда’, *хайдартын* ‘с какой стороны’. В ГПЕ им соответствуют дейктические локативные наречия *анда* ‘там’, *андар* ‘туда’, *аннаң* ‘оттуда’, *андартын* ‘с той стороны, оттуда’ [ГХЯ 1975: 405]. Возможны следующие соотносительные аналитические пары: *хайда ... анда* ‘где ... там’, *хайдар ... андар* ‘куда ... туда’, *хайдаң ... андар* ‘откуда ... туда’, *хайдаң ... аннаң* ‘откуда ... оттуда’, *анда ... хайда* ‘там ... где’, *андар ... хайда* ‘туда ... где’.

Обычно ЗПЕ занимает позицию перед ГПЕ, а их соотносительные слова (местоименные наречия) конкретизируют значение дейктических локативных наречий (соотносительных слов в ГПЕ), а также указывают на место или направление движения. В хакасском языке это часто наблюдается в паремических и поэтических текстах. Подобные предложения развиваются в основном под влиянием русского языка.

В зависимости от расположения ГПЕ и ЗПЕ предложения этого типа строятся по трем структурным схемам.

1) (**PRON...**), [**ADV...**]: в таких конструкциях ЗПЕ предшествует ГПЕ, что способствует усилению смыслового значения ЗПЕ. Чаще всего это наблюдается в паремических выражениях:

(1) *Хайда суг, анда чурт.* [Кирбижекова 1976: 97]

хайда	суг=∅	анда	чурт=∅
где	вода=NOM	там	дом=NOM

‘Где вода, там дом.’

(2) *Хайда ахча, анда хан хачан даа.* [Тохтобин, Кичеев 1993: 46]

хайда	ахча=∅	анда	хан=∅	хачан	даа
где	деньги=NOM	там	кровь=NOM	когда	PTCL

‘Где деньги, там всегда кровь.’

В предложениях этого типа может описываться также «направление движения субъекта ЗПЕ, что определяется ориентиром – объектом, находящимся (реально или мысленно) впереди субъекта наблюдения (говорящего)» [Ефремов 2015: 29]:

(3) *фольк. Мин хайдаң суға кірем, син аннаңоң кірерзің.* [ГХЯ 1975: 405]

мин=∅	хайдаң	суға=а	кірем (<кір=ер=бін)	син=∅	аннаңоң
я=NOM	откуда	вода=DAT	входить=FUT=1SG	ты=NOM	оттуда=PTCL

кiр=ер=зiн

входить=FUT=2SG

‘В каком месте (букв.: отсюда) я войду в реку, ты в то же место (букв.: отсюда же) войдешь.’

2) [...ADV], (PRON...): в предложениях подобной структуры ГПЕ предшествует ЗПЕ, обычно выражается местонахождение или направление движения субъекта ГПЕ, что каузируется субъектом зависимой предикативной единицы, потому ЗПЕ может характеризоваться оттенком причинного обоснования [Ефремов 2015: 29]:

(4) *Чазынча ныхах худы анда, / Хайда пургек хайаларда / Ыгу пирееде хыйгы салча.* [Тюкпеев и др. 1992: 16]

чазын=ча	ныхах=∅	худ=ы	анда	хайда	пургек	хайа=лар=да
прятаться=PRES	сказка=NOM	душа=POSS.3	там	где	темный	скала=PL=LOC
ыгу=∅	пирееде	хыйгы=∅	сал=ча			
филин=NOM	иногда	звук=NOM	класть=PRES			

‘Дух сказки прячется там, / Где в темных пещерах / Филин иногда издает звук’.

(5) *Ол андар таласча, хайда тогыс чонга улуг туза агылча.* [ГХЯ 1975: 161]

ол=∅	андар	талас=ча	хайда	тогыс=∅	чон=га	улуг
он=NOM	туда	стремиться=PRES	где	работа=NOM	народ=DAT	большой
туза=∅	агыл=ча					
польза	приносить=PRES					

‘Он стремится туда, где работа приносит большую пользу народу’ (потому что работа приносит пользу).

3) [ADV, (PRON...), ...]: в предложениях, соответствующих данной структурной схеме, ЗПЕ располагается внутри (в середине) ГПЕ, но всегда после того слова, от которого зависит:

(6) *Анда, хайда Сапьяннар аалы, кол пар.* [Инесай 2014: 81]

анда	хайда	Сапьян=нар	аал=ы	кол=∅	пар
там	где	Сафьян=PL	село=POSS.3	озеро=NOM	есть

‘Там, где находится село Сафьяново, есть озеро.’

Предложения (1) и (2) могут трансформироваться в предложения, построенные по структурной схеме [ADV, (PRON...), ...]: *Анда, хайда суг, чурт* ‘Там, где вода, дом’ или *Анда, хайда ахча, хан хачан даа* ‘Там, где деньги, кровь всегда’.

2. Падежные аффиксы и слова с пространственным значением в частях БПК в роли аналитических показателей связи

В хакасском языке БПК места часто функционируют в сфере определительных БПК «в качестве их подмножества, элементы которого характеризуются пространственно-определяющим значением» [Ефремов 2015: 28]. При этом в ГПЕ определяемым обязательно являются слова с пространственным значением, они оформляются показателями пространственных падежей: местного (=да / =де; =та / =те), направительного (=зар / =зер; =сар / =сер) и исходного (=наң / =нең; =таң / =тең; =даң / =дең) падежей. «Оттенок пространственного значения» [ГХЯ 1975: 401] в ЗПЕ вносят местоименные наречия *хайда* ‘где’, *хайдар* ‘куда’, *хайдаң* ‘откуда’.

В наших материалах пространственный дательный падеж (=га / =ге; =ха / =хе; =а / =е) не отмечен.

Нами выявлено четыре типа конструкций, которые, оставаясь определительными, передают отношения места (примеры 7–18).

1) [...N=LOC], (PRON...): в этой конструкции ГПЕ располагается перед ЗПЕ. Отношение главного действия к определенному месту обусловлена тем, что действие ЗПЕ совершается в настоящий момент в месте, названном ГПЕ:

(7) *А минің сағызым Хакасияда, / Хайда хынған хызым чуртапча.* [Тохтобин, Кичеев 1993: 84]

а мин=иң сағыз=ым Хакасия=да хайда хын=ған
 а я=GEN мысль=POSS.1SG Хакасия=LOC где любить=PP
 хыз=ым чурта=п=ча
 девушка=POSS.1SG жить=CV=PRES
 ‘Мои мысли в Хакасии, / где живет моя любимая девушка.’

(8) *Килдім ам... ибімдебін, / Хайда мині чуртым инезі сагаан.* [Тюкпеев и др. 1992: 6]

кил=ді=м ам иб=ім=де=бін хайда мин=і
 приходит=PAST2=1SG теперь дом=POSS.1SG=LOC=1SG где я=ACC
 чурт=ым ине=зі сагаан
 дом=POSS.1SG мать=POSS.3 ждать.PP
 ‘Приехал, теперь [я] дома, / Где ждал меня [мой] домовой.’

(9) *Харахсынғам сині орамнарда, / Хайда чон аймагы чуртаан.* [Тохтобин, Кичеев 1993: 8]

харахсын=ғам син=і орам=нар=да хайда чон=∅ аймағ=ы
 смотреть=PP.1SG ты=ACC улица=PL=LOC где люди=NOM разный=POSS.3
 чуртаан
 жить.PP
 ‘[Я] присматривал тебя на улицах, где жил разный народ.’

2) [...N=LOC, (PRON...), ...]: в этой конструкции ЗПЕ располагается внутри ГПЕ. ЗПЕ уточняет место совершения действия ГПЕ:

(10) *Кичіг хыринда, төңейекте, хайда орам тоозылча, тойнаң сызыр аралы урылған сиденніг ікі тура турча.* [Айтматов 1992: 4]

кичиг=∅ хыр=и=нда төңейек=те хайда орам=∅
 переправа=NOM край=POSS.3=LOC горочка=LOC где овраг=NOM
 тооз=ыл=ча той=наң сызыр=∅ аралы
 заканчивать=PASS=PRES глина=INSTR солома вперемежку
 ур=ыл=ған сиден=ніг ікі=∅ тура=∅ тур=ча
 лить=PASS=PART забор=POSSV два=NOM дом=NOM стоять=PRES
 ‘Возле переправы, на возвышенности, где заканчивается овраг, стоят два дома с забором.’

(11) *Ол тайғада, хайдар піс таңда парарбыс, аң даа, хузух таа көп.* [ГХЯ 1975: 401]

ол тайға=да хайдар піс=∅ таңда пар=ар=быс
 тот тайға=LOC куда мы=NOM завтра идти=FUT=1PL
 аң=∅ даа хузух=∅ таа көп
 зверь=NOM PTCL орех=NOM PTCL много
 ‘В той тайге, куда мы завтра поедим, и зверей, и орехов много.’

(12) *Орамда, хайзының пір туразында пис айча пір дее ниме итпин чуртаам, пір тіріг ниме пілдірттинче.* [Инесай 2014: 45]

орам=да хайзы=ның пір тура=зы=нда пис ай=ча пір
 улица=LOC которий=GEN один дом=POSS.3=LOC пять месяц один
 дее ниме=∅ ит=пин чурта=ам пір=∅ тіріг ниме=∅
 PTCL вещь=NOM делать=CV.NEG жить=PP.1SG один=NOM живой вещь=NOM
 пілдірт=пин=че
 видеться=NEG=PRES
 ‘На улице, в одном из домов, в которых я жил пять месяцев, ничего не делая, никого не видно.’

3) [...N=LAT], (PRON ...):

(13) *Пүүн парчам мин чиримзер, Төө истинзер, / Хайда чазы-тайгалар сагынча.* [Тохтобин, Кичеев 1993: 63]

пүүн пар=ча=м мин=∅ чир=им=зер Төө=∅
 сегодня идти=PRES=1SG я=NOM земля=POSS.1=LAT Тейя=NOM
 ист=ин=зер **хайда** чазы-тайга=лар сагы=п=ча
 внутренняя.часть=POSS.3=LAT **где** степь-тайга=PL ждатель=CV=PRES
 ‘Сегодня я еду на родину, в Тею, / Где меня ждут степь и тайга.’

(14) *Парчам өскен-төреен чарых ибимзер, / Хайда ичем миннеңер сагынча.* [Тохтобин, Кичеев 1993: 63]

пар=ча=м өс=кен-төреен чарых иб=им=зер **хайда**
 иду=PRES=1SG расти=PP-рождаться.PP светлый дом=POSS.1SG=LAT **где**
 иче=м мин=неңер сагын=ча
 мать=POSS.1SG я=DEL думать=PRES
 ‘Иду к моему родному светлому дому, / Где обо мне думает [моя] мама.’

(15) *Пис аал хыринзар чыылысхабыс, хайда чаа алнында наа орам төстелген.* [Айтматов 1993: 104]

пис=∅ аал=∅ хырин=зар чыыл=ыс=ха=быс **хайда**
 мы=NOM село=NOM край=LAT собирать.PASS=RECIP=PP=1PL **где**
 чаа=∅ алн=ын=да наа орам=∅ төсте=л=ген
 война=NOM передняя часть=POSS.3=LOC новый улица=NOM основать=PASS=PP
 ‘Мы собирались ближе к селу, где перед началом войны была заложена новая улица.’

(16) *Амды пас пар килерге арыгзар, / Хайда пазох магаа нымьрт агазы, / Ах көгөнеен кис салып, күлүнер.* [Тохтобин, Кичеев 1993: 20]

амды пас=∅ пар=∅ кил=ерге арыг=зар **хайда** паз=ох
 теперь шагаты=CV идти=CV приходит=INF лес=LAT **где** снова=PTCL
 магаа нымьрт=∅ агазы ах көгөнеен=н кис=∅
 я.DAT черемуха=NOM дерево=POSS.3 белый платье.POSS.3=ACC надевать=CV
 сал=ып күл=ин=ер
 класть=CV улыбаться=REFL=FUT
 ‘Теперь надо сходить в лес, / Где снова мне черемуха, / Надев белое платье, будет улыбаться.’

4) [...N=ABL], (PRON...):

(17) *Саңай парыбыстым ол аалдаң, / Хайда минің улуғларым чуртаан.* [Тохтобин, Кичеев 1993: 14]

саңай пар=ыбыс=ты=м ол аал=даң **хайда** мин=ін
 навсегда ехать=PFV=PAST2=1SG тот село=ABL **где** я=GEN
 улуғ=лар=ым чуртаан
 старший=PL=POSS.1SG жить.PP
 ‘Навсегда уехал я из этой деревни, / где жили мои старшие.’

(18) *Успас хынызымны чүреemde / Пасха чирлердең олох агылчам, / Хайда ирте часхызын күркүлер / Хыныс ойынын пастапчалар, / Хайда хустар агыны күскүзер / Мөңіс табыстар артысчалар.* [Тохтобин, Кичеев 1993: 69]

ус=пас хыныз=ым=ны чүреем=де пасха чир=лер=дең
 гаснуть=PRES.NEG любовь=POSS.1=ACC сердце.POSS.1=LOC другой место=PL=ABL
 олох агыл=ча=м **хайда** ирте часхызын күркү=лер
 все равно привозить=PRES=1SG **где** ранний весной куропатка=PL
 хыныс=∅ ойын=ы=н паста=п=ча=лар **хайда** хус=тар
 любовь=NOM игра=POSS.3=ACC начинать=CV=PRES=PL **где** птица=PL

ағын=ы   күскү=зер   мөніс   табыс=тар   артыс=ча=лар
 перелет=POSS.3   осень=LAT   грустный   голос=PL   оставлять=PRES=PL
 ‘Непогасшую свою любовь в сердце / все равно привожу из других мест, / где ранней весной
 куропатки / начинают свою любовную игру, / где к осени перелетные птицы / оставляют
 грустные голоса.’

Выводы

Таким образом, основным средством выражения БПК места в хакасском языке являются местоименные наречия и аффиксы пространственных падежей – местного, направительного и исходного. Каждому местоименному наречию ЗПЕ в ГПЕ соответствуют определенные дейктические локативные наречия. Строятся они в основном по моделям русских сложноподчиненных предложений с придаточным места, что отчетливо видно на примере пословиц и поговорок, ср.: рус. *Где вода, там и верба* – хак. *Хайда суг, анда чурт* ‘Где вода, там и дом’. У определительных по форме конструкций, организованных формами пространственных падежей в ГПЕ и местоименных наречий в ЗПЕ, ГПЕ структурно всегда занимает препозитивную позицию. Подобные конструкции характерны для книжного стиля и чаще всего встречаются в поэтических либо в переводных текстах (см. пример 15). В хакасском языке БПК с зависимой предикативной единицей места развиваются прежде всего под влиянием русского языка.

Список условных обозначений грамматических значений в глоссах

= – граница между морфемами; Ø – нулевая морфема; [ ] – границы ГПЕ; ( ) – границы ЗПЕ; **1, 2, 3** – 1-е, 2-е, 3-е лицо; **ABL** – аффикс исходного падежа; **ADV** – наречие; **ACC** – винительный падеж; **LOC** – местный падеж; **DAT** – дательный падеж; **DEL** – причинно-следственный падеж; **GEN** – родительный падеж; **INF** – инфинитив; **LAT** – направительный падеж; **RECIP** – совместно-взаимный залог; **REFL** – возвратный залог; **PASS** – страдательный залог; **N=LOC** – имя в местном падеже; **N=DAT** – имя в дательном падеже; **N=LAT** – имя в направительном падеже; **N=ABL** – имя в исходном падеже; **NOM** – неопределенный падеж; **NEG** – отрицание; **CV.NEG** – отрицательное деепричастие; **PRES.NEG** – отрицательный аффикс глагола настоящего времени на =ча; **CV** – деепричастная форма; **PP** – прошедшее время на =ган; **SG** – единственное число; **PL** – множественное число; **PAST** – прошедшее время на =ды; **POSSV** – аффикс обладания; **PRES** – аффикс настоящего времени; **FUT** – аффикс будущего времени на =ар; **PRON** – местоименное наречие; **PROL** – продольно-направительный падеж; **POSS** – аффикс принадлежности; **POST** – послелог; **PL** – множественное число; **PTCL** – частица; **PFV** – совершенный вид.

Список литературы

- Абумова О. Д. Структурная типология тюркских причинно-следственных конструкций и ее семантическая реализация в хакасском языке. Абакан: Сервисный пункт, 2013. 186 с.
- Абумова О. Д. Средства выражения уступительных отношений в русском, хакасском и тувинском языках // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2014. № 2 (8). С. 5–7.
- Абумова О. Д. Бессоюзные сложные предложения с уступительными отношениями между частями в русском и хакасском языках / Мир науки, культуры, образования. 2015. № 3 (52). С. 284–285.
- Абумова О. Д. Структурные особенности предложений с союзами *аннаңар* и *аның үчүн* в хакасском языке / Вестник Тувинского государственного университета. Выпуск 1. Социальные и гуманитарные науки. 2020. № 2 (60). С. 31–41.
- Боргоякова Т. Н. Способы выражения временных отношений между двумя событиями. М.: Изд-во РУДН, 2002. 174 с.
- ГХЯ – Грамматика хакасского языка. Под ред. Н. А. Баскакова. М.: Изд-во «Наука», 1975. 417 с.
- Ефремов Н. Н. Полипредикативные конструкции с пространственным значением в якутском языке / Сибирский филологический журнал, 2015. № 2. С. 27–35.
- Предикативное склонение причастий в алтайских языках / Под ред. Е. И. Убрятовой, Ф. А. Литвина. Новосибирск: Наука, 1984. 192 с.

Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем / Отв. ред. Е. И. Убрятова, Ф. А. Литвин. Новосибирск: Наука, 1986. 320 с.

Султрекова Э.В. Сравнительные конструкции хакасского языка. Абакан: Хакас. книжн. изд-во, 2017. 325 с.

Шамина Л. А. Система бипредикативных конструкций с инфинитивными формами глагола в тюркских языках Южной Сибири. Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2004. 50 с.

Шамина Л. А. Бипредикативные конструкции с инфинитивными формами глагола в тюркских языках Южной Сибири / Сибирский филологический журнал. 2007. № 2. С. 91–103.

Шамина Л.А. Бипредикативные конструкции с зависимой предикативной единицей места в тувинском языке / Сибирский филологический журнал. 2019. № 3. С. 259–271.

Список источников

Айтматов Ч. Т. Джамия. Повести (на хакасском языке). Абакан: Хакас. издат., 1992. 240 с.

Инесай. Литературно-художественный и общественно-политический журнал писателей Хакасии. Абакан: Хакас. книжн. изд-во, 2014. № 14. 108 с.

Кирбижекова У. Н. Мудрое слово. Сборник хакасских народных пословиц, поговорок и загадок. Абакан: Хакас. отд-ние Красноярск. книжн. изд-ва. 1976. 99 с.

Тохтобин Ф.С., Кичеев Г.В. Вечерние узоры. Сборник стихов. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1993. 128 с.

Тюкпеев А.В., Майтакова А.К., Тиспиреков Я.А. В семье единой. Сборник стихов на хакасском языке. Абакан: Хакас. книжн. изд-во, 1992. 120 с.

References

Abumova O. D. Bessoyuznye slozhnye predlozheniya s ustupitel'nymi otnosheniyami mezhdu chastyami v russkom i khakasskom yazykakh [Asyndetic complex sentences with a concessive relationship between the parts in Russian and Khakass languages]. *The world of science, culture and education*. 2015. no. 3 (52), pp. 284–285. (In Russ.).

Abumova O. D. Sredstva vyrazheniya ustupitel'nykh otnosheniy v russkom, khakasskom i tuvinskom yazykakh [Means of expressing concessional relations in the Russian, Khakass and Tuvan languages]. *Sayan-Altai scientific review*. 2014, no. 2 (8), pp. 5–7. (In Russ.).

Abumova O. D. *Strukturnaya tipologiya tyurkskikh prichinno-sledstvennykh konstruktсий i ee semanticheskaya realizatsiya v khakasskom yazyke* [Structural typology of Turkic causal constructions and its semantic implementation in the Khakas language]. Абакан, Servisnyy punkt, 2013, 186 p. (In Russ.).

Abumova O. D. Strukturnye osobennosti predlozheniy s soyuzami *annaŋar* i *anij üčün* v khakasskom yazyke [Structural features of sentences with the unions *annaŋar* and *anij üčün* in the Khakas language]. *Bulletin of Tuva state University. Iss 1. Social and human Sciences*. 2020, no. 2 (60), pp. 31–41. (In Russ.).

Borgoyakova T. N. *Sposoby vyrazheniya vremennykh otnosheniy mezhdu dvumya sobytiyami*. [Ways to express the temporal relationship between two events]. Moscow, RUDN Publ., 2002, 174 p. (In Russ.).

Cheremisina M.I., Brodskaya L. M., Gorelova L. M. et al. *Predikativnoe sklonenie prichastiy v altayskikh yazykakh* [Predicative declension of participles in the Altaic languages]. Ubrjatova E. I., Litvin F. A. (Eds). Novosibirsk, Nauka, SB, 1984, 192 p. (In Russ.).

Grammatika khakasskogo yazyka [Khakass grammar]. Baskakov N. A. (Ed.). Moscow, Nauka, 1975, 417 p. (In Russ.).

Efremov N. N. Polipredikativnye konstruktсии s prostranstvennym znacheniem v yakutskom yazyke [Construction of complex sentences with spatial meaning in Yakut language]. *Siberian Journal of Philology*. 2015, no. 2, pp. 27–35. (In Russ.).

Shamina L. A. Bipredikativnye konstruktсии s infinitivnymi formami glagola v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoj Sibiri [Bipredictive construction with the infinitive forms of the verb in the Turkic languages of South Siberia]. *Siberian Journal of Philology*. 2007, no. 2, pp. 91–103. (In Russ.).

Shamina L. A. Bipredikativnye konstruksii s zavisimoy predikativnoy edinicey mesta v tuvinskom yazyke [Bipredictive design with the dependent predicate unit of space in the Tuvan language]. *Siberian Journal of Philology*. 2019, no. 3, pp. 259–271. (In Russ.).

Shamina L. A. *Sistema bipredikativnykh konstruksiy s infinitnymi formami glagola v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoj Sibiri* [System biprediction structures with infinite forms of the verb in the Turkic languages of southern Siberia]. Abstract of Dr. philol. sci. diss. Novosibirsk, 2004, 50 p. (In Russ.).

Strukturnye tipy sinteticheskikh polipredikativnykh konstruksiy v yazykakh raznykh system [Structural types of synthetic polypredicative constructions in languages of different systems]. Ubryatova E. I., Litvin F. A. (Eds in Ch.). Novosibirsk, Nauka, 1986, 320 p. (In Russ.).

Sultrekova E. V. *Sravnitel'nye konstruksii khakasskogo yazyka* [Comparative constructions of the Khakass language]. Abakan, Khakas. Publ. H., 2017, 325 p. (In Russ.).

List of sources

Aytmatov Ch. T. *Dzhamilya. Povesti (na khakasskom yazyke)* [Djamilya. In: Novels (in Khakass)]. Abakan, Khak. Publ. H., 1992, 240 p. (In Khak.)

Inesay. Literaturno-khudozhestvennyy i obshchestvenno-politicheskiy zhurnal pisateley Khakasii [Inesay. Literary and fiction and socio-political magazine of writers of Khakassia]. Abakan, Khakas. Publ. H., 2014, no. 14, 108 p. (In Khak.)

Kirbizhekova U. N. *Mudroe slovo* [The wise word]. Abakan, Khakas. branch of Krasnoyarsk. Publ. H., 1976, 99 p. (In Khak.)

Tokhtobin F. S., Kicheev G. V. *Vechernie uzory. Sbornik stikhov* [Evening ornaments. A collection of poems]. Abakan, Khakas. Publ. H., 1993, 128 p.

Tyukpeev A. V., Maytakova A. K., Tispirov Ya. A. *V sem'e edinoy. Sbornik stikhov na khakasskom yazyke* [In one family. A Collection of poems in Khakass language]. Abakan, Khakas. Publ. H., 1992, 120 p. (In Khak.)

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
31.05.2021*

Сведения об авторе

Чугунекова Алена Николаевна – доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (Абакан, Россия)

E-mail: chugunekowa@yandex.ru
ORCID 0000-0003-1046-5699
WoS Researcher ID: M-6869-2018

Information about the Author

Alena N. Chugunekova – Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher, Institute for Humanities Research and Sayano-Altay Turkology of the Katanov Khakass State University (Abakan, Russian Federation)

E-mail: chugunekowa@yandex.ru
ORCID 0000-0003-1046-5699
WoS Researcher ID: M-6869-2018

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР

УДК 398.21
DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-75-82

«Как я почту в войну носил...» (всегда ли условны сказочные пространство и время?)

Н. К. Козлова

Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия

Аннотация

В статье проведен сравнительный анализ двух бытовых сказок, имеющих однотипные сюжетные эпизоды. Обе зафиксированы в Прииртышье и рассказаны от первого лица. Показано, что в тексте, записанном в 1951 г., сохраняется условность пространства, времени, а сам герой типичен для бытовой сказки как плут, ловкий человек. В сказке же, записанной автором статьи в 2000 г. от сказочника-импровизатора, проявляется одна из черт, обусловленная живым бытованием произведения: сказочник отказывается от условности и помещает традиционные сюжеты в плоскость реального пространства и приурочивает события к реальному времени Великой Отечественной войны.

Ключевые слова

сказка, пространство, время, условность и реальность, война

Для цитирования

Козлова Н. К. «Как я почту в войну носил...» (всегда ли условны сказочные пространства и время?) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 2 (вып. 42). С. 75–82. DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-75-82

"How I carried the mail during the war..." (Are space and time in a fairy tale always unreal?)

N. K. Kozlova

Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation

Abstract

Folklore studies generally consider time and space in everyday tales, unlike fairy tales, as non-fantastic but close to reality. At the same time, they are unreal, just as the main character. A comparative analysis of two texts was undertaken: handwritten notes of Stepan Nikiforovich Zhirnovsky (1951) and a tape recording of Pavel Platonovich Plotnikov (2000), both having plots of the same type and registered in the Irtysh region. The story of 1951 is of a standard type, with a typical everyday tale main character: an agile person, a rogue, taking advantage of any situation. His

© Н. К. Козлова, 2021

ISSN 2312-6337
Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 2 (вып. 42)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2021. No. 2 (iss. 42)

action takes place in a unreal time and space, despite the narrative being in the first person as a “true story.” When telling the story of 2000, the storyteller calls it a “tale”, but the listener is immersed in real space and time (real Siberian villages during the Great Patriotic War). The credibility is confirmed by introducing the names of the people who lived at that time. The hero of the first-person narrative is not a pattern but a real man involved in complicated, absurd, and cruel life situations (although these are typical tale plot episodes). The listener realizes the hero’s terrible deeds as committed not out of malice but by accident, feels sympathy, and believes in his experiences as if it was a story of a real person from the not-so-distant wartime years. All the credit goes to the narrator, who masterfully adapts the traditional tale story to real-life circumstances.

Keywords

fairy tale, space, time, unreality and reality, war

For citation

Kozlova N. K. “Kak ya pochtu v voynu nosil...” (vsegda li uslovny skazochnye prostranstvo i vremya?) [“How I carried the mail during the war...” (Are space and time in a fairy tale always unreal?)]. *Yazyki i fol’klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2021, no. 2 (iss. 42), pp. 75–82. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-75-82

Всем фольклористам знакомо хрестоматийное положение, касающееся специфики бытовой и новеллистической сказок о том, что их пространство и время приближены к реальным (в отличие от волшебной сказки), но в то же время они лишь условны. Вспомним строки из известной монографии Н. М. Ведерниковой: «Характеризуя художественное пространство бытовой сказки, мы должны говорить не о его фантастичности, а об условности. И эта условность становится средством типизации тех событий, которые будут переданы рассказчиком. То же самое может быть отмечено и в передаче времени в бытовой сказке. По сравнению с волшебной сказкой, оно психологически воспринимается как время, более близкое к реальному, и тем не менее оно так же условно, как и пространство. Недаром, сообщая место и время сказочных событий, исполнители сказок нередко называют соседнюю деревню, отсылают слушателей в Москву или Петербург, а себя выставляют действующим лицом» [Ведерникова, 1975, с. 92].

Однако это положение верно отнюдь не для всех бытовых сказок и, скорее всего, вытекает из анализа уже опубликованных текстов. Процессы живого бытования вследствие текучести и импровизационности фольклорного произведения (даже полностью традиционного по своим сюжетам, образам и т. п.) были гораздо богаче и не всегда укладывались в приготовленный исследователями шаблон. К сожалению, время живого бытования сказки безвозвратно ушло. Вместе с этим ушла и возможность наблюдать и анализировать процессы этого времени. Тем ценнее подаренные судьбой встречи фольклориста с талантливыми носителями традиции. Такой подарок я получила в 2000 г. во время экспедиции Омской региональной общественной организации «Центр славянских традиций» в Большеуковский район Омской области. Члены экспедиции познакомились со своеобразным 75-летним сказочником Павлом Платоновичем Плотниковым. От него в общей сложности было зафиксировано 37 сказок, а также анекдоты, небылицы, былички, поверья и бытовые рассказы. Сказки у него в основном «с картинками» или, как принято их называть, «соромные». Та, которую он мне рассказал, еще одна из самых «приличных» (Личный архив (далее – ЛА) Н. Козловой; полные сведения см. в списке «Архивные источники»). Пространство и время в ней функционируют совершенно иным образом, нежели так, как в утверждении Н. М. Ведерниковой. Чтобы это показать, сравним сказку П. П. Плотникова «Как я почту в войну носил» (расшифровка магнитофонной фиксации) с текстом из фольклорного архива Омского педагогического университета (далее – ФА ОмГПУ; полные сведения см. в списке «Архивные источники»), зафиксированным в 1951 г. участниками первой фольклорной экспедиции пединститута. Текст был записан Г. Амвросимовой, М. Коневой в д. Поспелово Большеуковского района Омской области от 66-летнего Степана Никифоровича Жирновского (запись «на карандаш»). Обе сказки используют традиционные сюжетные эпизоды, однотипные с теми, которые в «Сравнительном указателе сюжетов» [СУС, 1979] помещены под индексом 1680 в разделе: «О дураках»: «Муж (дурень) ищет повитуху: по ошибке убивает собаку, топит повитуху и убивает ребенка».

В обеих сказках рассказчики делают себя героями повествований. Интересно, что бытовые реалии каждого повествования – и Плотникова, и Жирновского – соответствуют своему времени: у Плотникова – это жизнь колхозных деревень периода Отечественной войны, у Жирновского – актуальное в конце XIX – начале XX в. хождение на богомолье по данному обету.

Но уже с самого начала, с установки на достоверность, сказки отличаются по своему характеру.

С. Н. Жирновский назвал свое повествование «Быль». Вот его начало:

«Жил я тогда с отцом. И вот заболел, отнялись ноги. Болел целый год. Надо было Богу молиться. Дал оброк Богу молиться в пещерах Киева. Пошёл в Киев, а отец денег мало дал, пятнадцать рублёв. Известно, деньги дороги были. Я пошёл на богомолье, одежоночка ничо себе, да и сам был крутенький, не то, что теперь. Правдами, неправдами, пришёл. Помолился Богу и потом пошёл оттуда, потому денег надо, чтобы жить в Киеве...» (ФА ОмГПУ).

«Быль» Жирновского уже с самого начала полностью соответствует доктрине об условности пространства и времени: мы не знаем точно, в какой деревне герой повествования жил с отцом, как он из Сибири дошел до Киева (единственное реальное место) и как «потом пошел оттуда». И вообще на этом правдоподобие рассказа кончается, так как далее следуют два сюжетных эпизода совершенно сказочные, алогичные по своей сути: сначала о том, как наш герой пострадал от ревнивого мужа женщины, к которой попросился на ночлег, о том, как ревнивец сбросил его в лужу, посчитав, что он мертвый. Лужа оказывается винной, и герой повествования засыпает в ней вместе с грачами, предварительно привязав их, сонных, к себе. Грачи, выпавшись, взлетают и поднимают его в небо: «<...> Полетели птицы-то, и я с ними. Вижу – высоко, испугался. Но парень-то я был смышлёный, выхватил нож да обрезал ремень, они и улетели. А я упал на землю. Зашибсяшибко, но жив остался. Отлежался да дальше пошёл <...>» (см.: СУС: раздел «Небылицы»: 1881=AA 1876*В «Журавли на веревке: мужик ловит журавлей, поит водкой и связывает; протрезвившись, журавли улетают и уносят с собой мужика»).

Такое продолжение, вопреки утверждению рассказчика, окончательно убеждает слушателя в том, что он слушает не «быль», а сказку.

П. П. Плотников, наоборот, называет повествование «сказкой», но оно начинается как бытовой рассказ с целым рядом бытовых реалий и подробностей: *«Така сказка была хороша. Это во время войны, мне лет 14, наверно, было. Я почту возил на конях с Викулово до дому¹. Кому-то привезу извешиение, что мужик умер, кому спосбие привезу из Викулово-то. Бабы же меня ждуть. А потом, пока на конях-то ездил, кони не стали ходить. Я стал пешком ходить. Утром рано уйду, 25 километров в один край и обратно – полста километров выходило. Вот оттедова шёл, а меня пугали бабы молодые: “Тебя, гряд, карапиздица когда-нибудь задавит!” Я её никогда не видел – что за карапиздица? Вот чичас уже 75 лет, хоть бы поглядеть: каки у её там ноги, каки усы, каки глаза...»* (ЛАН. Козловой)².

Здесь и точное (а не условное) название деревни, уточнение, сколько километров почтальону приходилось преодолевать, и реальные (опять же, не условные) обстоятельства времени войны (ожидание почтальона, письма с фронта, извешиения). Даже упоминание некоей «карап...ы» не выбивает эту часть повествования из реалистического ключа: мало ли как могли пугать подростка молодые бабы!

Не выбиваются из этого же ключа и следующие традиционные сказочные эпизоды: *«Вот шёл, и маленько затемнялось. Деревня Иковской³ есть. Я в эту деревню Иковской и зашёл. А почта, тяжёлла сумка, извешиения таишу, да письма. Во время войны письма – трехугольнички таки были. Зашёл к одной, Марье. Марья здорова така. Зашёл к этой я Марье. Я грю: “Тётенька, пусти меня ночевать”. Она говорит: “Ой, сынок, ночевать-то, – грит, – ночуй. А вдруг ночью буду рожать, так ты за баушкой сбегашь – Дарья. Это переулоч такой, так в этом переулке Дарья-старуха живёт”. А это чё? В мае месяце, черёмуха-то цветёт, да так красиво, запах хороший... Я пришёл до этой Дарьи. Говрю: “Баушка, вот чё, вот чё – Марья рожает”. Она повитуха была. Раньше в больницу не возили – дома со старухами рожали. У меня старуха семерых родила. А дома – родит и всё».*

Ну, я пришёл. Она грит: “Знаешь, сыночек, я, – грит, – не могу: старая, болею – не могу идти пешком. Если ты меня понесёшь, я пойду”. А сам думаю: “Чё одному идти-то, карапиздицы боюся».

¹ Викулово – центр Викуловского района Тюменской области. Сам рассказчик – родом из д. Боково Березовского сельского совета Викуловского района. От Викулово до Боково – 20 км. (см.: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Боково_\(Тюменская_область\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Боково_(Тюменская_область)) (дата обращения: 28.10.20)).

² Далее при цитировании сказок Жирновского и Плотникова сноски повторяются не будут.

³ Иковское – деревня Березовского сельского совета Викуловского района Тюменской области. От Иковского до Боково – 6 км (см.: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Иковское_\(Тюменская_область\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Иковское_(Тюменская_область)) (дата обращения: 28.10.20)).

Она хоть на меня, думаю, сядет верхом, вот так ноги свешат”. Ага. Колодец был. Видали, может, журавель такой, воду берут. Колодец был. Я говорю: “Ну, садись, баушка”. Там сзади прыгала, прыгала на меня по земле-то – ну, не может запрыгнуть. Ну, тожса, может, лет восемьдесят. А я – лет 14, падсан-то швыдкой был. Она говорит: “Айда, – говорит, – сынок, вон в ограде колодец. Я на колодец встану так, рашиаперюсь. Ты, – grit, – ко мне подпятисся, я на тебя сяду верхом”. И вот я к ей пячусь. Как раз доши был. У колодца-то налипло, грязь. Лапти, в лаптях я ходил. Верёвка развязалась у лаптя-то. Ну, и наступил, видно, на эту верёвку. Запнулся да полетел и Дарью эту сишиб. Ну. За ногу, видно, где-то зацепил и сишиб её в колодец. Она только сбутькала. Ага. Я говорю: “Бабушка, держись”. Этот журавель-то спускаю с крючком – вёдра вешали. А она чё? Пока в воде – я её легко тяну. А из воды, она, старуха, може, килограмм восемьдесят весом, здорова старуха, ядрёна. И час мне бы её не вытянуть, чё – калека-то. А в колодце потаскал-потаскал её, нырял-нырял, и она так и захлебнулась. Когда пришёл к Марье-то. А Марья чё: “А чё бабушка-то не пришла?” А бабушка-то мне сказала: “Я, – grit, – знаю, Марья-то должна вот-вот родить”, – раз повитуха, раньше ходила же. “Ага, должна, – grit, – скоро родить, срок-то ведь, видишь”. Я говорю: “Знаешь, она заболела, не идёт”, – наврал...»

А теперь посмотрим, как в сказке С. Н. Жирновского поданы эти эпизоды: «Иду, вижу – село. А дело опять к вечеру идёт. Темно стало. Вижу, в крайней хате свет горит. Стучу. “Кто там такой?” – спрашивает меня женищина. “Я странник, тёшенька, пусти переночевать”. – “Не пуцу. Поздно, ба-тюшка мой, поздно”. – “Пусти, ведь я же русский человек”. – “Не могу. У меня детки малые, мужа нет, на службе царской, а сама-то я беременна. В эту ночь, чую, родить должна. Уж если не моргуе-те⁴, то пуцу”. Зашёл, изба ладная, печь топится, робятки спят уже. Она дала мне стакан чаю да кусочек хлеба. Выпил – и залез на печку. Тут её на муки стало брать. Известно, дело женское. Она и говорит: “Молодец, сослужите мне службу, сходите за баушкой, той, что за речкой живёт. Возьмите саночки, она больно старенька. Только постукайся, она и выйдет. Я с ней договорилась, что, кто ни придёт, она сразу же пойдёт ко мне”. А я пригрелся, итти неохота: “Тёшенька, да куда же я пойду?” А она просит: “Сходи. У меня договорённость с ней”. Взял я саночки да и пошёл. На горочке вижу: изба маленька стоит. Постучал, баушка вышла, горбатенька. Посадил я её на саночки. Да везти-та её боюсь. Древняя она больно. А на реке-то пролубь была – бабы бельё в ней полоскали. Баушка взялась за саночки, мы и поехали. Слышу, что-то сбутькнуло. Оглянулся я, а баушки на саночках-то нет. Втонула баушка. Я оробел. Думаю: “Что же я буду делать-то?” Постоял, да делать-то нечего. Захожу в избу, а ей Бог дал ребёночка. Я и говорю ей: “Не нашёл, тёшенька, я баушку”. А она уже всё сама сделала, убрала ребёночка, и надо в избе убрать. А я замёрз и полез на печь...»

Мы видим, что эти эпизоды сказок однотипны. Рассказчики по-своему расцвечивают и разрабатывают отдельные детали. У Жирновского опять же условно место действия: «иду, вижу – село», подробно разработан эпизод разговора героя сказки с хозяйкой, к которой он просится на ночлег. Интересна здесь и условность времени действия: муж хозяйки находится на царской службе.

У Плотникова действие происходит в соседней реальной деревне – Иковское. Так как почтальон – лицо известное, то у героя сказки не было особых проблем попроситься на ночлег. Время года в сказках разное: у Жирновского – зима, у Плотникова – весна, цветет черемуха. Эпизод потопления повитухи у Жирновского очень лаконичен: повез ее на саночках мимо проруби, она туда и «сбутькнула». А Плотников подробно разработал этот эпизод, он мотивирует свое поведение: из-за страха перед «карап...цей» соглашается понести бабушку на себе, а из-за весенней грязи наступает на завязку от лаптя и, поскользнувшись, сшибает бабушку в колодец, откуда безуспешно пытается ее выловить.

Жирновский лаконичен и в эпизоде случайного убийства ребенка:

«А ребёночка-то женищина положила в куток на подушку и велела смотреть от кота. А он большой-большой. Я пригрелся да задремал. Вдруг слышу: “Мяу, мяу”. Я схватил скалку (бабы ей сочни катают), бросил ею в кота, а попал в ребёночка, он только ахнул. И убил я его <...>».

Плотников же сначала подробно описывает процесс перекусывания им пуповины, что опять же подчеркивает реалистичность происходящего: «Она grit: “Знаешь, сынок. Я рожала, маялася”. Родила парнишка, килограмм, наверно, 6-7 был – здоровый! Вот у меня внук, у Юрки – 8 килограмм ро-

⁴ Морговать – брезговать.

дился. Ага. Она grit: “Я рожала да маялась, – говорит, – пуповину надо жа перевязать, пуповину”. Это вот пуп-та. Он жа длинный бывает, он жа питаётся, человек-та. Ага. Дала мне ниток шерстяных – вот чулки вяжут – шерстяны нитки. Ни ножик, ни ножницы не нашла. Я пуповину-то завязал парнишку-та. А ни ножницев, ничё нет – зубами отгрыз эту пуповину. Нитку-то, нитку, а это тело-то. Пуповину отгрыз. Ага...»

А свое случайное злодеяние мотивирует усталостью и тем, что задремал: «Она говорит: “Видишь, сынок, я рожала да маялась, пока ты бегал. Ты покарауль ребёнка, чтобы кот не съел”. Кот серай, здоро-о-вай! У меня тут кошки. А там кот серай. Здоро-о-вай, так и глядит на этого парнишку-та. Она мне дала пестик в руки – раньша соль в ступе толкли, такой железный. И ступа железна – бронзова, соль толкли. Опеленала его этой мешковиной – в колхозе ukrала, пелёнок-то не было. Это чичас пелёнки – приданое. Чтоб всё было у ребёнка. Ну, мешковину порвала, постирала, завернула этого ребёнка. “На, – говорит, – карауль, чтобы кот не съел”. Ну, на стол положила его, а сама залезла на печку спать-отдыхать. А я тоже на стол облокотился и тоже во сне-то вижу, будто кот ест ребенка. А парнишка тоже, может, исть захотел – губами чавкат – сосать ему надо. А мне показалось, что кот ребенка ест. Хлоп – вместо кота-то ребёнка убил!»

Интересна здесь еще одна реальная деталь – бедность людей в военное время: женщина вынуждена была украсть мешковину в колхозе (!), чтобы спеленать ребенка.

После этих нелепых, случайных, но жестоких по своей сути поступков герои обеих сказок бегут с места происшествия:

У Плотникова: «Чё мне делать? Надо бежать куды-нибудь. Ага. Побежал, сумку свою сгрёб почтову-то. А она спит, не знат, эта женищина, что ребёнка-то убил. Знат, что это я сказался, что боковский почтальон⁵. Зашёл к одним во хлев...»

У Жирновского: «Бросился я бежать-то. День бегу, второй бегу. Одну деревню пробежал, вторую, третью. Кода в третью-то прибежал, была ночь. Надо поись, поспать. На задах стояла баня, зашёл я в неё да и лёг спать. Утром-то зашёл к одной баушке да спросил, не слышно чего такого. Думаю, нет ли догона⁶, али чего ишишо. “Нет, – гварит, – не слышать ничо”.

Пошёл я в домашнюю сторону. Обносился, денег нет ни гроша. Скушно и горько на душе-то. Зашел в одно большое село. Там даже церковь своя и свяишеник был. Решил в работники пойти, потому что гроши надо. Посоветовали мне к свяишенику пойтить, дескать, ему работник нужен <...>».

Если у Плотникова герой сказки остается в пределах той же деревни Иковской, то у Жирновского, в соответствии с условностью места и времени, он пробегает несколько сел и устраивается в работники к попу, что традиционно для бытовых сказок типа «поп и работник». Далее сказочник очень органично включает в свое повествование традиционные сюжеты о «стельном» попе (СУС: раздел «О попах»: 1739 «Как поп (ксендз, раввин, купец) телился: больной поп посылает врачу мочу; работник подменяет ее мочой коровы; поп думает, что будет телиться; принимает чужого теленка за своего»); «отрубленные ноги» (СУС: раздел «О хитрых и ловких людях»: 1537*= AA *1537 I «отрубленные ноги»: солдат отрубает у найденного им мертвеца ноги, ночует у богатого мужика, утром потихоньку уходит, оставив ноги; товарищ солдата обвиняет хозяев в убийстве и получает с них отступное»).

Как и положено ловкому человеку бытовой сказки, герой повествования Жирновского извлекает выгоду их всех ситуаций. Получает он деньги и с любопытной «матушки» за то, что рассказал ей об их приключениях. В результате разживается большой суммой денег, на которые не только благополучно возвращается домой, но и покупает всем родным подарки: «Она дала мне ишишо триста рублёв да и отпустила с миром меня домой. Ишишо на дорогу всево дала. Приехал я домой, денег у меня много. Купил я всем обнов – сёстрам, братьям, отцу, матери. И жить стал хорошо, не то, что теперь. Вот и вся быль, не забудьте записать. Всё это была истинна правда».

Несмотря на очередное уверение рассказчика в истинности своего повествования, слушатели уже давно не сомневаются в его сказочности. Еще раз отметим условность места и времени, типичность самого героя и его поступков, традиционность сказочных сюжетов разных типов, которые рассказчик

⁵ См. сноску 1.

⁶ Догон – погоня.

контаминировал в единое повествование. Окончание также типично для бытовой сказки: ловкий человек, благодаря своим уму и сметливости, превращается из бедняка в обеспеченного человека.

А что же герой сказки П. П. Плотникова? Рассказчик вставляет новый виток его злоключений: спрятавшись в хлеву в той же деревне Иковской, он опять совершает нелепый, непреднамеренный, но жестокий поступок: «*Заиёл к одним во хлев. Хлевы есть здесь-таки вот. У меня вон хлев. В хлев заиёл. Вот слышу – коло колена кто-то вот так вот: “Пых, пых, пых”. Думаю: “Чё это? Наверно, меня карапиздица шишет, задавит, наверно”. Я взад пятки пяхусь, он всё ко мне ближе да ближе. Это корова, видно, отелилася и телёнок... Взад пятки пяхусь. Пяхусь... А раньше рубахи... это чичас утюгом гладят. А тогда рубчеватый такой утюг, палка кругла. Вот на палку наматают рубаху или штаны и катают: дрын-дрын, дрын-дрын. Назад стал пятиться, пятиться, нашишупал этот валец-то. А тот коло колена так: “Пых-пых, пых-пых”. Думаю: “Чичас меня карапиздица поймат и задавит”. Я тада разворачиваюсь и вальком-то хлоп его по лбу. Он только: “Мя!” И убил. А чё – телёнок только родился, два дня, может, чё ему, много надо, что ли... Поглядел – телёнка-то убил. Думаю: “О! И тут делов-то натворил: старуху утопил, ребёнка убил, телёнка убил”. И побежал в конец деревни...»*

И опять красной нитью через эпизод проходит та самая «карап...а», которую он боится и из-за страха перед которой убил ни в чем не повинного новорожденного теленка. Следующий эпизод грубо-анекдотического плана вообще переводит слушателя в реальную плоскость:

«Там Дударев такой жил, хромой, без ноги. У его закат такой был, дёрном крытый. А там у его оглобли были всяки, туды-сюды. Я на оглобли-то залез, а дырку в домашню сторону прогрыз, проделал, чтоб убежать утром, как засветает. Лёнька Федотов, он, поди, и счас ешио живой, ну, может быть, мои годы, Настю-то привёл туда и давай Настю обихаживать. Ну, вроде как насиловать. Она же не даётся: “Лёничка, да миленькой. Вот ведь война началась. Вдруг какой грех случится – я рожу от тебя, а кто будет кормить?” А он говорит: “А кто выше нас сидит, тот будет кормить”. Он откуда знал, что я там сижу-то. Я заматерился: “Ох, ... твою мать, вы будете и..., а я буду ребёнка вашего кормить!” Как загремел этими бастригами да оглоблями. Они как соскочат да бежать. Думали: правда, чёрт там сидел. А я скорей в дырочку, где выгребено было...»

Несмотря на анекдотический характер эпизода и его традиционность (см.: СУС: 1355С «Солдат на стогу сена вместо Бога»), он насквозь пронизан реалистическими деталями (совсем не условными). Здесь и настоящие деревенские жители: хромой Дударев, хозяин *заката* с бастригами да оглоблями, где прячется герой повествования, Лёнька Федотов (который «*поди, и счас ешио живой*») и его Настя. Реален и эпизод об отношениях между молодыми людьми: девушка опасается, что Лёньку могут забрать на войну, а она останется с ребенком.

В реальном ключе рассказан и заключительный эпизод «сказки», с точной датой – 1943 г., когда якобы произошли все эти события:

«Прииёл с почтой-то домой, раздал это всё дело – письма да газеты... Вот ему шашнадцать лет (о зашедшем в этот момент своем внуке. – Н. К.), такой я и был, видимо. Ага. Прииёл, а начальник-то почты меня ешио два раза ударил по шишаке: “А чё ты раньше, вчерась, не мог прийти? Бабы – кто извешение, кто письмо ждёт, кто чё ждёт”. А я говорю: “Знаешь чё, дядя Ваня. Поиёл ты к едрёне матери с этой почтой, носи ты её сам”. Взял и уиёл. В военкомат поиёл. Это в 43-м году было...»

А после этого к сказке привязан бытовой рассказ о совершенно реальных событиях времени Великой Отечественной войны: «*В военкомат поиёл. А уже я на призыве был. Вот-вот бы загремел. Я говорю: “Возьмите меня в армию” Они: “А чё? Вот скоро будем призывать и возьмём”.*

Вот в Омске-то знаете клуб Лобкова? Вот в этот клуб Лобкова собирали нас с Красноярского края, с Абакана собирали, с Иркутска собирали, из Тюмени собирали, с Новосибирска – ну, со всех краёв нас, пиздоболов, наберут со всех краёв. Там по списку. Мы комиссию прошли – здоровые. Вот ночью выстроят по списку, всех называют. Потом вызовут, выстроят всех, называют. Потом: “По вагонам!” – кричат. А мы всё остаёмся и остаёмся, вишивики таки. А чё, во мне было 50 кг весу, два сантиметра росту не хватало – это уж не брали в армию. И ноги, вот эти подошвы – плоскостопие, выемки нету. Ну, они меня тады забрали, увезли в Улан-Удэ. Вот внук ездил... в Монголии-то служил, в Японии, бурят охранял в 45-м году. Война была, японцы же зашли сюда, в Улан-Уде, вот я их охранял-то <...>». В середине этого бытового рассказа я, посчитав, что сказка-то закончилась, незаметно выключила магнитофон (место на кассетах тогда берегли). Рассказчик тут же заметил мое рассеянное

внимание и хитро спросил: «Что, неинтересно?». – «Что Вы, что Вы! Интересно», – постаралась реабилитироваться я и включила технику. И Павел Платонович после пространный рассказ о бурятах, особенностях их быта, о паровозоремонтном заводе и т. п., что я даже не стала после до конца расшифровывать, вернулся вдруг к сказочному содержанию: «Когда в 47-м году пришёл со службы, одна баба всё искала, как я ребёнка убил да бабу утопил». Вот такая получилась «кольцевая» композиция.

Итак, обе сказки рассказаны от первого лица. Но это «первое лицо» совершенно разное в анализируемых сказках. В сказке С. Н. Жирновского (1951) повествование от первого лица является своеобразным приемом, которым пользовались многие сказочники. Скорее всего, он применялся для достижения большей выразительности сказки, эффекта неожиданности, когда слушатель сначала воспринимает сказку как правдоподобное повествование, как быль, и только позже понимает, что сказочник смеется над ним и рассказывает небылицу. Герой Жирновского – сказочный плут. В тех сюжетных эпизодах, которые являются общими для обеих сказок, он действует по традиционной схеме и просто оказывается заложником создавшихся ситуаций. Бежит от ответственности за содеянное. Зато в дальнейшем разворачивании событий он становится типичным ловким человеком, который из всех положений извлекает выгоду для себя и достигает желаемого – разживается деньгами и уже богатым возвращается в родное селение. Типичный сказочный герой, как уже было сказано выше, действует здесь в условных времени и пространстве.

П. П. Плотников в своей сказке (2000) пользуется тем же приемом и с той же целью. Но его герой – совершенно иного типа. Перед нами не схематичный характер, а живой человек. Мы верим, что это подросток 14–16-ти лет – «падсан швыдкой». Для наглядности рассказчик сравнивает себя того времени с зашедшим во время исполнения сказки в дом внуком. Он мотивирует каждый поступок. Мы чувствуем, как ему физически тяжело носить почтовую сумку с письмами и извещениями, но он исправно и добросовестно делает свое дело, ведь женщины деревни очень ждут почтальона с его корреспонденцией с фронта. Даже убегая после совершенного нечаянно в доме Дарьи преступления, он не забывает утащить с собой тяжелую сумку с фронтовыми письмами и извещениями. Верим, что над мальчишкой могли подшутить молодые бабы, напугав его некоей «карап...й», потому он ночью и боится оставаться на улице. Вместе с героем переживаем, когда он пытается вытащить повитуху, упавшую в колодец, сочувствуем, когда он, уставший от всего пережитого, засыпает рядом с ребенком, за которым должен был следить. Слушатель не столько ужасается содеянному нашим героем, сколько сочувствует незадачливому подростку, попавшему в сложную ситуацию. Жаль слушателя и убитого теленочка, но мы соглашаемся с психологической оправданностью поступка: испугался, так как думал, что это та самая «карап...а». Прибежав утром в родную деревню, герой П. П. Плотникова опять же поступает как реальный человек в реальных обстоятельствах: у него и так на душе кошки скребут за то, что он непроизвольно натворил, а здесь еще получает нагоняй от начальника почты. Поэтому в сердцах отдает ему сумку и идет в военкомат. Таким образом, перед нами совсем иной тип героя, нежели ловкий человек (или незадачливый простака) бытовой сказки. Перед нами действительно живой человек не столь далекого от нас военного времени. И действует он не в условных, а в реальных пространстве и времени. И в этом – целиком заслуга рассказчика, так мастерски сумевшего адаптировать традиционный сказочный сюжет к реальным обстоятельствам, используя при этом прием сказывания от первого лица. Талантливый сказочник-балагур и импровизатор П. П. Плотников не себя поместил в условность сюжетных обстоятельств бытовой сказки, а, наоборот, перенес традиционные сказочные сюжеты в плоскость реальных пространства и времени.

Архивные источники

ЛА Н. Козловой – Личный архив Н. Козловой, СС-8.2000г, № 1, АК-1Б, № 34.

ФА ОмГПУ – Фольклорный архив Омского государственного педагогического университета, ЭК-5/51, № 1.

Список литературы

Ведерникова Н. М. Русская народная сказка. М.: Наука, 1975. 136 с. (Из истории мировой культуры).
СУС – Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / АН СССР, Отд-ние лит. и яз., Науч. совет по фольклору, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая; сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 437 с.

List of sources

Lichnyy arkhiv N. Kozlovoy [Personal archive of N. Kozlova]. SS-8.2000, no. 1, AK-1B, no. 34.
Fol'klornyy arkhiv Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Folklore archive of the Omsk State Pedagogical University]. EK-5/51, no. 1.

References

Sravnitel'nyy ukazatel' syuzhetov. Vostochnoslavvianskaya skazka [Comparative index of plots. East Slavic tale]. AN SSSR, Otd. lit. i yaz., Nauch. sovet po fol'kloru, In-t etnografii im. N. N. Miklukho-Maklaya; L. G. Barag, I. P. Berezovskiy, K. P. Kabashnikov, N. V. Novikov (Comps.). Leningrad, Nauka, 1979. 437 p.
Vedernikova N. M. Russkaya narodnaya skazka [Russian folk tale]. Moscow, Nauka, 1975. 136 p. (Iz istorii mirovoy kul'tury [From the history of world culture]).

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
18.08.2021

Сведения об авторе

Козлова Наталья Константиновна – доктор филологических наук, доцент, профессор Омского государственного педагогического университета (Омск, Россия)
E-mail: nkf@rambler.ru
ORCID 0000-0002-0395-5000

Information about the Author

Natalia K. Kozlova – Doctor of Philology, Docent, Professor, Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation)
E-mail: nkf@rambler.ru
ORCID 0000-0002-0395-5000

УДК 385.5 (=512.153)"1945/2000"
DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-83-93

**Несказочная проза хакасов в материалах Рукописного фонда
Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории
(1945–2000-е гг.)**

В. В. Миндибекова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются фольклорные коллекции по несказочной прозе хакасов Рукописного фонда Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Всего рассмотрено и проанализировано 60 единиц хранения. В данных коллекциях было обнаружено более 200 образцов несказочной прозы хакасов. Тексты были записаны начиная с середины XX по начало XXI в. Хронологические рамки исследования обусловлены становлением и развитием хакасской фольклористики. Автор поднимает вопросы дифференциации и систематизации жанра, а также сюжетно-тематического состава.

Работа восполняет ряд пробелов в изучении несказочной прозы хакасов, способствует дальнейшему развитию исследований в этом направлении. Статья подготовлена по результатам работы над томом серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока».

Ключевые слова

хакасский фольклор, рукописи, рукописный фонд, несказочная проза, история собирания, полевые исследования

Для цитирования

Миндибекова В. В. Несказочная проза хакасов в материалах Рукописного фонда Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (1945–2000-е гг.) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 2 (вып. 42). С. 83–93. DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-83-93

**Khakass non-fairytale prose in the materials of the Manuscript Fund
of the Khakass Research Institute of Language, Literature and History
(1945–2000s)**

V. V. Mindibekova

*Institute of Philology of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The paper is devoted to the folklore heritage housed in the Manuscript Fund of the Khakass Research Institute of Language, Literature and History (KhRILLH). Systematic scientific research in the field of Khakass folklore began at the beginning of the 20th century. The regular formation of the Manuscript Fund of KhRILLH began in 1945. Now, it contains the richest materials on folklore collected during folklore and ethnographic expeditions: the “living” existence of heroic epics, fairy tales, myths, legends, song genres of *yr* and *takhpah*, as well as ritual folklore. However, no sufficiently complete description of the manuscripts stored in the collection has been provided so far. The author

© В. В. Миндибекова, 2021

ISSN 2312-6337
Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 2 (вып. 42)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2021. No. 2 (iss. 42)

considers the issues of differentiation and systematization of non-fairytale prose, plot, and thematic composition and characterizes the scholars' collecting and research activities on Khakass non-fairytale prose from the middle of the 20th – beginning of the 21st centuries. The study dealt with the archival records of the Handwritten Fund of KhRILLH, including the texts in Sagai, Kachin, Kyzyl, and Shor dialects of the Khakass language. The analysis involved archival texts deciphered from the materials of folklore expeditions. The work fills a number of gaps in the study of non-fairytale prose of the Khakasses and contributes to the further development of research in this direction. The paper is written as a result of the work on the volume of the series “Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East”.

Keywords

Khakass folklore, manuscripts, manuscript repository, non-fairytale prose, history of collection, field research.

For citation

Mindibekova V. V. Neskazochnaya proza khakasov v materialakh Rukopisnogo fonda Khakasskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii (1945–2000-e gg.) [Khakass non-fairytale prose in the materials of the Manuscript Fund of the Khakass Research Institute of Language, Literature and History (1945–2000s)]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2021, no. 2 (iss. 42), pp. 83–93. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-83-93.

Хакасы – малочисленный тюркоязычный народ, проживающий на юге Сибири, который сумел сохранить свои устно-поэтические традиции несмотря на то, что с каждым годом всё меньше остается знатоков хакасского фольклора, уходят из жизни носители языка. В связи с этим имеют большое научное значение сохранившиеся фольклорные коллекции Рукописного фонда Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (далее – ХакНИИЯЛИ). Собранные в ходе экспедиций фольклорно-этнографические материалы послужили основанием для создания Рукописного фонда ХакНИИЯЛИ, который пополняется и по сей день, и является одним из богатейших в Сибири. Этот фонд в настоящее время служит фундаментальной базой для научно-исследовательских работ.

Всего нами было рассмотрено и проанализировано более 60 единиц хранения. В ряде коллекций было выявлено более 200 образцов несказочной прозы хакасов; в описаниях состава коллекций содержится информация о месте записи, собирателе и жанре (см. Приложение). В народной терминологии все устные рассказы несказочного характера называются *kip-choox*. «Устные рассказы, отражающие мифологические представления, называются *пурунги kip-chooxтар* (древние рассказы). Рассказы более позднего этапа (легенды и предания) именуется *полган нимеденер kip-chooxтар* ‘рассказы о том, что было’» [Миндибекова, 2014, с. 90].

В фонде образцов хакасской несказочной прозы значительное место занимают *пурунги kip-chooxтар*, среди которых выделяют мифы о животных и птицах (*аң-хустардаңар kip-chooxтар*), о духах-хозяевах стихий (*таг ээзінеңер, суг ээзінеңер, от ээзінеңер*), о происхождении человека, о небесных светилах. Эти тексты получили широкое бытование в народе и представляют художественную и историческую ценность. Фольклористами были записаны также многочисленные *полган нимеденер kip-chooxтар* – исторические и топонимические предания. В исторических преданиях описывается жизнь людей в прежние времена, а также события, сыгравшие значимую роль в жизни народа (предания «Абахай Пахта», «Ир Тохчын», «Тасха Матыр» и др.). Имеется несколько объемных рукописных текстов об Очен-пиге. Первый текст *kip-chooxa* (прозаический) записан от С. П. Кадышева (на 174 страницах). Второй текст (стихотворный) записан от С. Балахчина в 1941 г. (на 111 страницах). Третий текст записал Н. П. Адыгаев от М. К. Доброва. Топонимические предания повествуют о происхождении природных объектов и, как следствие, о производных от этого названиях («Чылан таг» и др.).

Тексты были записаны с середины XX по начало XXI в. (годы: 1941, 1945–1953, 1958–1959, 1965–1966, 1974, 1985, 1989, 1995–1998, 2000). Для сбора материала проводились целенаправленные фольклорные экспедиции. Собиратели в разные годы обследовали большинство районов Хакасской автономной области (с 1991 г. – Республика Хакасия). Более охваченными оказались Аскизский, Бейский, Орджоникидзевский, Таштыпский, Усть-Абаканский, Ширинский районы, а также г. Абакан. Экспедиционные материалы по несказочной прозе хакасов представлены в следующих коллекциях:

1. Материалы диалектологической экспедиции 1945 г. Хакасские народные легенды (кип-чоохтар). Рукопись на 121 стр. (д. 580, ед. хр. Х16).
2. Материалы по кызыльскому фольклору, собранные во время фольклорно-лингвистической экспедиции 1947 г. научным сотрудником ХакНИИЯЛИ В. И. Доможаковым.
3. Материалы по устному народному творчеству летней экспедиции 1951 г. научного сотрудника ХакНИИЯЛИ В. И. Доможакова (д. 158).
4. Сказки, легенды, предания, героические сказания. Зап. К. А. Шульбаева. Таштыпский р-н, 1953 г. Рукопись на 257 стр. (д. 291, ед. хр. С42).
5. Материалы фольклорной экспедиции 1959 г. Собиратель А. Р. Покачакова. Зап. от С. А. Доможакова (д. 522, ед. хр. М34).
6. Материалы фольклорной экспедиции 1963 г. Рукопись на 202 стр. (д. 55. 523, ед. хр. М34).
7. Материалы фольклорной экспедиции 1964 г. (д. 523).
8. Материалы фольклорной экспедиции 1965 г. Зап. от К. Л. Сукина. Ширинский р-н, зверосовхоз Чулымский. Рукопись на 128 с. (д. 362, ед. хр. М34).
9. Материалы фольклорной экспедиции 1966 г. (д. 501).
10. Материалы фольклорной экспедиции 1985 г. Зап. В. Е. Майногашева, О. В. Субракова (д. 844).

Работа по сбору и публикации образцов устного поэтического творчества началась в дореволюционный период. Исследователи обращались к образцам хакасского фольклора как к достоверному свидетельству этнической истории, жизни и быта народа. Большое количество ценных фольклорных материалов было зафиксировано на рубеже XIX–XX вв., в пору еще активного бытования фольклора. Сбором хакасского фольклора занимались начинающие писатели и работники Хакасского книжного издательства. Выросла национальная интеллигенция, выдвинувшая из своей среды неутомимых собирателей фольклора. Особенностью данного периода является издание в Хакасии памятников фольклора на литературном хакасском языке и участие хакасских ученых в исследовании устного народного творчества. Также в отдельных книгах и очерках появлялись тексты легенд и преданий в литературном переводе.

С открытием в 1944 г. в г. Абакане ХакНИИЯЛИ начинается новый этап в изучении хакасского фольклора. Возникший в суровое историческое время, институт за короткое время стал заметным явлением в научной и культурной жизни Хакасии. В его стенах сформировалась национальная интеллигенция, являющаяся преемницей лучших традиций дореволюционной и советской науки. В число своих первоочередных целей институт поставил собирание материалов по всем жанрам и видам хакасского фольклора, пропаганду среди населения задач собирания и сохранения устного творчества. В этот период происходит плановая и целенаправленная работа по сбору и изучению устно-поэтических произведений.

На протяжении XX в. устойчивость фольклорных традиций хакасов была обусловлена творческой активностью талантливых *хайджи*-сказителей, среди которых особо следует отметить М. К. Доброва, С. П. Кадышева, П. В. Курбижекова, П. Ф. Ульчугачева и многих других. Благодаря усилиям сотрудников института были выявлены талантливые сказители.

Большой вклад в собирание и изучение фольклорного материала сделали научные сотрудники Хакасского НИИЯЛИ М. И. Боргояков, В. И. Доможаков, У. Н. Кирбижекова, К. М. Патачаков, Т. Г. Тачеева, П. А. Трояков, Д. И. Чанков и другие. Большая заслуга в изучении хакасского фольклора принадлежит В. Е. Майногашевой. Она была активным организатором фольклорных экспедиций, пропагандистом и популяризатором народной поэзии, переводчиком памятников фольклора на русский язык. В начале 2000-х гг. научные сотрудники ХакНИИЯЛИ Л. К. Ачитаева и Л. К. Кулумаева собирали материал по хакасскому фольклору во время комплексных фольклорных экспедиций. Наряду с научными сотрудниками в работе по сбору хакасского фольклора приняли участие преподаватели, писатели, учителя, журналисты.

Архивные материалы Рукописного фонда ХакНИИЯЛИ стали основой тома «Несказочная проза хакасов» академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Для публикации нами были отобраны 80 текстов. В основной корпус включены 72 текста, 8 текстов вошли в Дополнения. Из этого количества 77 текстов опубликованы впервые. Тексты *кип-чоохов*, записанные от 30 исполнителей, наиболее полно отражают жанровое и тематическое многообразие несказочной

прозы. В томе представлены тексты четырех диалектных групп хакасов: *хаас* ‘качинцев’, *хызыл* ‘кызыльцев’, *сагай* ‘сагайцев’ и *шор* ‘шорцев’. При публикации сохранены специфика и диалектные особенности речи исполнителей. Например, в шорских диалектизмах отражаются фонетические особенности устной речи рассказчиков-шорцев, в частности, наличие шипящих звуков [ш], [ж] вместо [с], [з] [Миндибекова, 2019, с. 40].

В 1946 г. Н. Е. Домогашев записал от Н. В. Амзаракова уникальный текст на сагайском диалекте «Харачыхайтың хузурии нога азыртыр = Почему у ласточки раздвоенный хвост» [НПХ, 2016, текст 19]. Сюжет построен в форме ответа на поставленный вопрос. Этиологический миф начинается с того, что: *...чир үстүнде койчатхан от чох полтыр* ‘...на земле горящего огня не было’ [Там же, с. 130, 131]. Быстрокрылую ласточку *харачхай* посылают украсть огонь у старика Илхана. Когда она летела с угольком, Илхан выстрелил. Стрела в ласточку не попала, но разделила ее хвост надвое. С тех пор у ласточки хвост раздвоенный. Варианты этого распространенного сюжета существуют также у бурят, шорцев и монголов [Березкин, мотив D4A]. Следует отметить, что в мифологических представлениях хакасов ласточка спасает людей и выступает в качестве посредника между мирами.

В том же году Н. М. Ултургашев записал от А. Р. Ултургашева текст на сагайском диалекте «От ээлері = Духи-хозяева огня» [НПХ, 2016, текст 10]. В нем повествуется о том, как человек во сне слышит разговор двух хозяек огня. Одна говорит: «Мой хозяин очень хороший человек, он меня часто кормит...» Ей в ответ вторая пожаловалась на плохого хозяина: «Взгляни, моё лицо какое плохое...» [Там же, с. 97]. Наутро у соседа человека, который слышал этот разговор, сгорел дом. В тексте нашло отражение почитания стихии огня. Интерес представляет примечание исполнителя: *От ідедең, Суз ідедең асчаң ниме чоғыл. Полган на нимедең арачылапчем. Полган на оттың ээзі пар полче, аны чахсы азырирге кирек, агаа чалганарга кирек, анарда ол тарын парза, тың хомай поладыр* ‘Мать огня, Мать воды ничто не может превзойти. От каждой искры оберегаю. У каждого огня дух-хозяин есть, его хорошо кормить надо, его задабривают, если он рассердится, то очень плохо бывает’ [НПХ, 2016, с. 329].

В 1947 г. В. И. Доможаков записал от П. В. Курбижекова текст «Хызыл шонның сөөктерінеңер = О сеоках кызыльцев» [Там же, текст 28]. Курбижеков Пётр Васильевич родился в 1910 г., кызылец, из рода аргын, *хайджи*-сказитель. В тексте повествуется об одной из родоплеменных групп хакасов – кызыльцах, проживающих на территории Орджоникидзевского и Ширинского районов Хакаской АО. Опубликован впервые. В том же году В. И. Доможаков записал от известного сказителя С. П. Кадышева предание на кызыльском диалекте «Тадар шонынаңар = О хакасском народе» [Там же, текст 28]. С. П. Кадышев с большим уважением отзывается о человеке, от которого услышал это предание: *Мен еме алында, кері кизидең искем. Ол тың хыйга күлүк кизи поган. Алындагы оңдайны, алындагы эмелерні тың көп пілгең* ‘Я это ранее, от старого человека слышал. Он очень умным трудолюбивым человеком был. Как делали раньше, старинного много знал’ [Там же, с. 341].

В 1950–1960-е гг. значительный фольклорный материал был собран Т. Г. Тачеевой. В 1959 г. она записала от С. П. Кадышева два текста на кызыльском диалекте: «Боготолдаңар = О Боготоле» и «Тоғырғы аалынаңар = Об аале Тоғырғы» [Там же, тексты 53, 54]. Кадышев Семен Прокопьевич родился в 1855 г., кызылец, из рода пуга, проживал в аале Тарчи Ширинского района Хакаской АО. Эти повествования сказитель слышал от 85-летнего старика И. Ачисова: *Искен Ачисов Икиштең 1914 чыл тузында* ‘Слышал от Ачисова Икиша в 1914 г.’ [Там же, с. 357]. Собранные Т. Г. Тачеевой сказки, мифы, легенды и предания опубликованы в работе «Хакас чонның кип-чоохтары, нымахтары = Хакасские мифы и сказки» (1960). Основное внимание Т. Г. Тачеева уделяла эпическому творчеству хакасов. Ею записано героическое сказание «Алтын Арың» (1958).

В 1957 г. Н. Тенешев записал предание «Абахай Пахта» [Там же, текст 59]. В тексте встречаются слова из качинского и шорского диалектов. Впервые рассказчик услышал это повествование от алтайского сказителя П. Чумакаева в Майминском аймаке Горно-Алтайской АО в августе 1933 г. Второй раз слышал от сказителя П. В. Тоданова в 1955 г. в улусе Тамалык Матурского сельского совета Таштыпского района: «Красавица Абахай Пахта была просватана за юношу Каиргаса. Но ее похитили и силой выдали замуж за чужого хана. Она родила мужу троих детей, но жила с тоской по родине. Однажды она устроила пир, напоила мужа арагой, села на его бело-буланого коня и поскакала домой. Переправившись через Енисей, она крикнула мужу, что, если он хочет, чтобы она вернулась, пусть

бросит в реку всех детей. После этого Абахай Пахта сказала, что теперь в роду мужа не осталось её детей, и уехала. Вернувшись на свою землю, она вошла в дом одной вдовы, та узнала ее и рассказала, что родители заставляют Каиргаса жениться на другой девушке и свадьба уже идет. Вдова рассказала Каиргасу, что его невеста вернулась. Он готов был жениться на ней, но Абахай Пахта отказалась, опасаясь, что прежний муж отомстит новой семье» [НПХ, 2016, с. 192–199]. В тексте предания упоминается традиционное песенное состязание *айтыс* среди *тахпахчи* (исполнителей *тахпахов*).

В 1965 г. Д. П. Аёшин записал от К. Л. Сукина небольшое повествование на качинском диалекте «Абачах (кізі абадаң полганы) = Медвежонок (о происхождении человека от медведя)» [Там же, текст 24]. Сукин Кирсантий Леонтьевич родился в 1893 г., из рода ызыр, жил в аале Хозаннар (ныне дер. Конгарово) Орджоникидзевского района Хакасской АО. В предании утверждается: «С тех пор медведи от него пошли вроде бы» [Там же, с. 137]. Текст опубликован впервые. У хакасов, как и у сибирских народов, существуют мифологические представления о происхождении человека от медведя: «Представления русских о медведе-человеке находят свое яркое выражение в мифологических рассказах о *человеческом происхождении медведя*, которые имеют в Сибири довольно широкий ареал бытования» [Афанасьева-Медведева, 2010, с. 65]. В. Я. Бутанаев писал: «Среди хакасов медведь (аба), которого представляли далеким братом человека, был одним из самых почитаемых зверей» [2000, с. 65].

Интерес представляют повествования о шаманах. В 1959 г. М. В. Аскаракова записала от М. И. Сыргашева текст на шорском диалекте «Чалбрат теп хам кіжі = О шамане Чалбрате» [НПХ, 2016, текст 50]. Сыргашев Михаил Иванович (хакасское имя *Халдонаш Урсеевич*) родился в 1873 г., житель дер. Кызылсук Таштыпского района Хакасской АО. В тексте упоминается бубен шамана, необходимый при проведении обряда камлания: «*Анаң ол хамнап, төрімнең хада шых чөрібістер*» 'Потом он, камлая, вместе с бубном поднялся, оказывается' [Там же, с. 174–175]. Опубликован впервые.

В 1975 г. В. Е. Майногашева записала предание «Сығданаң Сыбы = Сыгда и Сыбы» [Там же, текст 65]. Это повествование исполнительница слышала в детстве от отца Николая Кинзенова: «На реке Улене жили муж и жена, и их два сына: Сыгда и Сыба. Моол-хан угоняет народ этой местности в рабство. Мать с сыновьями смогла бежать и спрятаться. Когда сыновья выросли, стали воинами, Моол-хан снова пошёл войной на их землю. Тогда они собрали войско и стали ждать его. Сыба убил стрелой шамана Паламона. Моол-хана испугался и повернул свое войско назад. Братья собрали вокруг себя людей из разоренных земель и стали править ими. Моол-хан отправил своих стрелков состязаться, но братья стрелами отрывали клювы летящим птицам, и стрелки Моол-хана отступили» [Там же, с. 242–249, с. 371].

В 1976 г. А. Г. Кызласова записала от А. П. Баиновой текст на качинском диалекте «Өчең пигнең Тағына пиг харындастар = Братья Очен-пиг и Тагына-пиг» [Там же, текст 35]. Баинова Анна Павловна (хакасское имя Анко Казан) родилась в 1909 г., качинка, из рода пурут, проживала в с. Белый Яр Алтайского района Хакасской АО. Текст опубликован в томе впервые.

В 1990 г. Г. В. Кунучаков записал от М. Миягашева текст «Хам, суғ ээзі, тағ ээзі = Шаман, дух-хозяин реки, дух-хозяин горы» [Там же, текст 6]. Текст опубликован впервые. Вариант данного сюжета (текст «Великий кам») встречается и у шорцев [Фольклор шорцев, 2010, с. 326–329].

В 2005 г. В. Е. Майногашева записала от Д. Ф. Шандаковой текст на качинском диалекте «Илек көл = Озеро Илек» [НПХ, 2016, текст 40]. В нем повествуется о том, как девушку повезли познакомиться к родным будущего мужа. Она отправилась в путь в сопровождении пятидесяти девушек. По дороге они остановились, чтобы искупаться в озере. Вдруг поднялся ветер, и все девушки утонули. С тех пор озеро назвали Илиг-кюль (букв. «пятьдесят озер»). Говорят, что девушек забрал к себе дух-хозяин воды, после этой жертвы никто больше не тонул в этом озере. Текст был опубликован впервые.

Д. П. Аёшин записал от И. Е. Доброва текст о первотворении «Худай кізее чурт пиргеніненер = О том, как Худай человеку жизнь дал» [Там же, текст 61]. Добров Иван (хакасское имя Кресен) Егорович родился в 1877 г., качинец, из рода ах хасха, проживал в аале Хурунар (ныне дер. Горюново) Орджоникидзевского района. В данном тексте представлены пять самостоятельных сюжетов о первотворении. Из них четыре встречаются в несказочной прозе других народов Южной Сибири. Обратимся к обзору данных сюжетов.

В первом сюжете повествуется о том, как Ирлик вдохнул в человека душу. Собака, оставленная охранять человека, получила от Ирлика шерсть. Этот сюжет встречается у алтайцев – «Быркан, Эрлик

и собака» [НПА, 2011, с. 84–87], «О том, как творцы разошлись» [Там же, с. 92–99, с. 407–411], у бурят – «Сотворение мира и человека (сотворение балаганских бурят)» [Хангалов, 2004, т. 3, с. 7], а также в несказочной прозе эвенков [Романова, Мыреева, 1971, с. 322–326]. Второй сюжет повествует о том, как Ирлик просил у Худая землю, а получил земли ровно столько, чтобы воткнуть посох / кол, потом из этого места вышли и распространились по всей земле различные гады. Подобный сюжет зафиксирован также у алтайцев «Сотворение земли и человека», «Как образовалась земля-мох» [НПА, с. 66–79, 405, с. 78–85, 409]. Третий сюжет текста о первотворении объясняет, почему человек не питается травой. Варианты этого сюжета бытуют у алтайцев – текст «Кобыла с жеребенком и женщина с ребенком» [Там же, с. 146–147, 437], у тувинцев – текст «Почему человек не ест траву» [МЛПТ, с. 50–51, 297]. Четвертый сюжет повествует о ласточке и комаре. Варианты данного сюжета известны у алтайцев, бурят и монголов [Березкин, мотивы В50 и В51], а также зафиксированы в русском фольклоре [Кузнецова, 2008, с. 5–13]. Персонажи мифов о первотворении являются типологическими для многих народов Сибири. Очень близки к хакасским мифам о первотворении космогонические представления алтайцев. Совпадают содержательные мотивы, имена первотворцов (Худай, Ирлик-хан). Схожи их роли в сотворении Земли, наблюдаются устойчивые мотивы. Г. У. Эргис писал по этому поводу следующее: «Космогонические сказания алтайцев также основаны на дуалистических представлениях о борьбе Ульгения, олицетворяющего доброе начало (свет, жизнь), с Эрликом — олицетворением злого начала, посылающим на людей и скот болезни и разные бедствия» [Эргис, 1974, с. 54].

Изучение архивных материалов, и в частности несказочной прозы, занимает важное место при проведении научных исследований, они являются базовым источником. Сопоставление архивных записей, сделанных в пору активного бытования фольклора, и современных фиксаций дает возможность проследить жизнь фольклорных сюжетов во времени. Богатейшие материалы Рукописного фонда ХакНИИЯЛИ будут полезны для сравнительного анализа современных фольклорных традиций тюркских народов, а также для составления сюжетно-мотивного указателя несказочной прозы тюрков Сибири. На основе материалов фонда ведутся наблюдения за изменением диалектных особенностей хакасского языка. Благодаря фиксации народных произведений, их публикации и изучению, образцы хакасского фольклора становятся достоянием мировой культуры, привлекают к себе внимание фольклористов, этнокультурологов, языковедов. Планомерная публикация обширных коллекций архивных материалов позволит сохранить для молодого поколения хакасов фольклорное наследие их предков.

Список сокращений

АО – автономная область
д. – дело
ед. хр. – единица хранения
зап. – записал, записала

л. – лист
оп. – описание
пер. – перевод
ф. – фонд

Список литературы

- Афанасьева-Медведева Г. В.* Образ медведя в русской народной прозе Восточной Сибири (по материалам фольклорных экспедиций 1980–2010 гг.) // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 6 (25). С. 65–68.
- Березкин Ю. Е.* Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам: Аналитический каталог. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/index.htm>
- Бутанаев В. Я.* Медведь по воззрениям хакасов // Народы Сибири: история и культура: медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск, 2000. С. 65–67.
- Кузнецова В. С.* Рябчик и мамонт в легендах русской фольклорной Библии // Сибирский филологический журнал. 2008. № 3. С. 5–13.
- Миндибекова В. В.* О жанре кип-чоох в фольклоре хакасов // Сибирский филологический журнал. 2014. № 4. С. 90–95.

Миндибекова В. В. Текстологические аспекты изучения сказочной прозы хакасов // Сибирский филологический журнал. 2019. № 3. С. 32–42.

Мифы, легенды, предания тувинцев / Сост. Н. А. Алексеев, Д. С. Куулар, З. Б. Самдан, Ж. М. Юша. Новосибирск: Наука, 2010, 373 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 28).

НПА – Несказочная проза алтайцев / Сост. Н. Р. Ойроткинова, И. Б. Шинжин, К. В. Яданова, С. Е. Ямаева. Новосибирск: Наука, 2011. 576 с.; ил., ноты + компакт-диск. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 30).

НПХ – Несказочная проза хакасов / Сост. В. В. Миндибекова, Г. Б. Сыченко. Новосибирск: Наука, 2016. 540 с.; ил., ноты + компакт-диск. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 34).

Романова А. В., Мыреева А. Н. Фольклор эвенков Якутии. Л.: Наука, 1971. 332 с.

Фольклор шорцев: В записях 1911, 1925–1930, 1959–1960, 1974, 1990–2007 годов / Сост. Л. Н. Арбачакова. Новосибирск: Наука, 2010. 608 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 29).

Хангалов М. Н. Собрание сочинений: в 3 т. / Под ред. Г. Н. Румянцева. Улан-Удэ: Республ. тип., 2004. Т. 3. 312 с., ил.

Эргис Г. У. Очерки по якутскому фольклору. М.: Наука, 1974. 403 с.

References

Afanas'eva-Medvedeva G. V. *Obraz medvedya v russkoy narodnoy proze Vostochnoy Sibiri (po materialam fol'klornykh ekspeditsiy 1980–2010 gg.)* [The image of the bear in the Russian folk prose of Eastern Siberia (based on the materials of folklore expeditions 1980–2010)]. *The world of science, culture and education*. 2010, no. 6 (25), pp. 65–68. (In Russ.).

Berezkin Yu. E. *Tematicheskaya klassifikatsiya i raspredelenie fol'klorno-mifologicheskikh motivov po arealam: Analiticheskiy katalog* [Thematic classification and areal distribution of the folklore and mythologic motives. Analytical catalogue]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/index.htm> (In Russ.).

Butanaev V. Ya. *Medved' po vozzreniyam khakasov* [The bear according to the views of the Khakasses]. In: *Narody Sibiri: istoriya i kul'tura: medved' v drevnikh i sovremennykh kul'turakh Sibiri* [Peoples of Siberia: History and Culture: the Bear in Ancient and Modern Cultures of Siberia]. Novosibirsk, 2000, pp. 65–67. (In Russ.).

Ergis G. U. *Ocherki po yakutskomu fol'kloru* [Essays on Yakut folklore]. Moscow, Nauka, 1974, 403 p. (In Russ.).

Fol'klor shortsev: V zapisyakh 1911, 1925–1930, 1959–1960, 1974, 1990–2007 godov [Folklore of Shors]. L. N. Arbachakova (Comp.). Novosibirsk, Nauka, 2010, 608 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East], vol. 29). (In Shor, in Russ.).

Khangalov M. N. *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected works: in 3 vols]. G. N. Rumyantsev (Ed.). Ulan-Ude, Respubl. tip., 2004, vol. 3, 312 p., ill. (In Russ.).

Kuznetsova V. S. *Ryabchik i mamont v legendakh russkoy fol'klornoy Biblii* [Grouse and mammoth in the legends of the Russian Folklore Bible]. *Siberian Journal of Philology*. 2008, no. 3, pp. 5–13. (In Russ.).

Mindibekova V. V. *O zhanre kip-chookh v fol'klоре khakasov* [On the genre of kip-choh in the folklore of Khakasses]. *Siberian Journal of Philology*. 2014, no. 4, pp. 90–95. (In Russ.).

Mindibekova V. V. *Tekstologicheskie aspekty izucheniya neskazochnoy prozy khakasov* [Textual aspects of the study of the non-fairy tale prose of the Khakasses]. *Siberian Journal of Philology*. 2019, no. 3, pp. 32–42. (In Russ.).

Mify, legendy, predaniya tuvintsev [Myths, Legends, Historical Stories of Tuvinians]. N. A. Alekseev, D. S. Kuular, Z. B. Samdan, Zh. M. Jusha (Comps). Novosibirsk, Nauka, 2010, 373 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East], vol. 28). (In Tuvan, in Russ.).

Neskazochnaya proza altaytsev [Non-fairy tale prose of Altaians]. N. R. Oynotkinova, I. B. Shinzhin, K. V. Yadanova, S. E. Yamaeva (Comps). Novosibirsk, Nauka, 2011, 576 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East], vol. 30). (In Altai, in Russ.).

Neskazochnaya proza khakasov [Non-fairy tale prose of Khakasses]. V. V. Mindibekova, G. B. Sychenko (Comps). Novosibirsk, Nauka, 2016, 540 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East], vol. 34). (In Khakass, in Russ.).

Romanova A. V., Myreeva A. N. *Fol'klor evenkov Yakutii* [Folklore of the Evenki of Yakutia]. Leningrad, Nauka, 1971, 332 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ
APPENDIX

Список архивных источников из Рукописного фонда ХакНИИЯЛИ
(несказочная проза хакасов)

List of archival sources from the Manuscript Fund of the
Khakass Research Institute of Language, Literature and History (non-fairy tale prose of Khakasses)

1. *Аарлар* (Пчёлы). Ф. 1, оп. 1, д. 717, л. 178–182. Зап. Н. В. Амзараков 28 января 1962 г. в аале Кызлас Аскизского р-на Хакасской АО. Пер. Л. К. Ачитаевой.
2. *Аат палазы Хубай хус* (Дитя турпана Хубай-Хус). Ф. 1, оп. 1, д. 363, л. 152–153. Зап. от М. Т. Аёшина. Пер. Л. К. Ачитаевой.
3. *Абахай Пахта* (Абахай-Пахта). Ф. 1, оп. 1, л. 3–12. Зап. Н. Тенешев 29 марта 1957 г. на ст. Сартак Аскизского р-на. Пер. В. В. Миндибековой.
4. *Абачах (кiзi абадаң полганы)* (Медвежонок (о происхождении человека от медведя)). Ф. 1, оп. 1, д. 362, л. 21. Зап. Д. П. Аёшин в 1965 г. от К. Л. Сукина в Ширинском р-не Хакасской АО. Пер. Л. К. Ачитаевой.
5. *Ай Мирген* (Ай-Мирген). Ф. 1, оп. 1, д. 149. Зап. Н. М. Ултургашев. Пер. С. К. Кулумаевой.
6. *Айран кӧлдеңер* (Об Айран-кӧле). Ф. 1, оп. 1, д. 21, л. 159. Зап. Т. Тачеева 25 декабря 1959 г. от С. П. Кадышева. Пер. Л. К. Ачитаевой.
7. *Алтын кӧл* (Алтынкуль). Ф. 1, оп. 1, д. 289, л. 1. Зап. А. П. Адыгаев 10 июня 1947 г. от И. И. Нербышева в улусе Малый Монок Бейского (ранее Аскизского) р-на Хакасской АО. Пер. Л. К. Ачитаевой.
8. *Алыптаңар* (Об алыпте). Ф. 1, оп. 1, л. 32–33. Зап. от К. Л. Сукина в 1965 г. Пер. Л. К. Ачитаевой.
9. *Амыр Сарыг* (Амыр-Сарыг). Ф. 1, оп. 1, д. 761, л. 74–78. Зап. А. Г. Кызласова 21–23 декабря 1976 г. от А. П. Баиновой в с. Белояр Усть-Абаканского р-на Хакасской АО. Пер. В. В. Миндибековой.
10. *Аңнап чӧрчeң кiзi* (Человек, ходивший охотиться). Ф. 1, оп. 1, л. 39–42. Зап. В. Ульчугачев от К. Л. Сукина. Пер. Л. К. Ачитаевой.
11. *Аң-хустар чыылиш* (Совет зверей-птиц). Ф. 1, оп. 1, д. 144, л. 55–61. Зап. А. М. Кокова 10 декабря 1953 г. от С. П. Кадышева в г. Абакане. Пер. В. В. Миндибековой.
12. *Апре сайзан* (Апре-сайзан). Ф. 1, оп. 1, д. 362, л. 90–99. Зап. от Н. Е. Чустеева в 1965 г. Пер. Л. К. Ачитаевой.
13. *Ах Асхыр кӧлдеңер* (Об озере Агаскыр). Ф. 1, оп. 1, д. 159, л. 179. Зап. В. И. Доможаков 10 июля 1947 г. от Е. Ф. Баскаулова в улусе Агаскыр Орджоникидзевского р-на Хакасской АО. Пер. Л. К. Ачитаевой.
14. *Баскауловтардаңар* (О Баскауловых). Ф. 1, оп. 1, д. 159, л. 179. Зап. В. И. Доможаков 10 июля 1947 г. от Е. Ф. Баскаулова в улусе Агаскыр Саралинского р-на Хакасской АО. Пер. Л. К. Ачитаевой.
15. *Боготолдаңар* (О Боготоле). Ф. 1, оп. 1, д. 21, л. 157. Зап. Т. Тачеева 25 декабря 1959 г. от С. П. Кадышева. Пер. Л. К. Ачитаевой.
16. *Илек кӧл* (Озеро Илек). Ф. 1, оп. 1, д. 1486, л. 6. Зап. В. Е. Майногашева 25 августа 2005 г. от Д. Ф. Шандаковой. Пер. Л. К. Ачитаевой.
17. *Иргi тӧл чох полганы, амдыгы тӧлдiң пасталганы* (Об уходе старого поколения, о начале появления нынешнего поколения). Ф. 1, оп. 1, д. 149, л. 5–6. Зап. Н. М. Ултургашев 3 июля 1946 г. от Г. Чаптыкова. Пер. С. К. Кулумаевой.
18. *Ир Сулаан* (Ир-Сулан). Ф. 1, оп. 1, д. 98, л. 195–208. Зап. А. Г. Кызласова в 1948 г. от С. Т. Боргоякова в г. Абакане. Пер. В. В. Миндибековой.
19. *Ир Тохчын* (Ир-Тохчын). Ф. 1, оп. 1, д. 718, л. 1–2. Зап. И. Ф. Спирин 27 июня 1960 г. от М. Н. Доброва в пос. Туим Ширинского р-на Хакасской АО. Пер. С. К. Кулумаевой.

20. *Ир Тохчын* (Ир-Тохчын). Ф. 1, оп. 1, д. 362, л. 142–145. Зап. М. Т. Аёшин от С. П. Кадышева в 1965 г. в Ширинском р-не Хакасской АО. Пер. Л. К. Ачитаевой.
21. *Ир Тохсын* (Ир-Тохсын). Ф. 1, оп. 1, д. 718, л. 34–39. Зап. Годышев (инициалы отсутствуют) от Е. П. Миягашева. Пер. С. К. Кулумаевой.
22. [*Кекүк*] ([Кукушка]). Ф. 1, оп. 1, д. 148, л. 121–122. Зап. Н. В. Амзараков 27 мая 1946 г. от М. О. Укачиновой в с. Кызлас Аскизского р-на Хакасской АО. Пер. В. В. Миндибековой.
23. [*Кёөктеңер*] ([О кукушке]). Ф. 1, оп. 1, д. 363, л. 11. Зап. М. В. Аскаракова от К. Т. Боргояковой в улусе Чахсы-Хоных Есинского совхоза Аскизского р-на. Пер. В. В. Миндибековой.
24. *Күргеннердеңер* (О курганах). Ф. 1, оп. 1, л. 55. Зап. от И. Е. Доброва в 1965 г. Пер. Л. К. Ачитаевой.
25. *Күске одынаңар паза таг яңыланынаңар* (Про осенний огонёк, мышиную траву и эхо гор). Ф. 1, оп. 1, д. 362, л. 53–54. Зап. от И. Е. Доброва. Пер. Л. К. Ачитаевой.
26. *Күтен Пулхнаң Ах Күмүк* (Кутен-Пулх и Ах-Кюмюк). Ф. 1, оп. 1, д. 289, л. 4. Зап. А. П. Адыгаев с 10 по 20 июня 1947 г. от Т. И. Нербышева в улусе Малый Монок Аскизского (ныне Бейского) р-на Хакасской АО. Пер. Л. К. Ачитаевой.
27. *Марыг* (Состязание). Ф. 1, оп. 1, д. 149. Зап. Н. М. Ултургашев. Пер. С. К. Кулумаевой.
28. *Миниң родымнаңар* (О моём роде). Ф. 1, оп. 1, д. 147. Зап. В. И. Доможаков 30 июля 1947 г. от С. П. Кадышева в аале Тарча Ширинского р-на Хакасской АО. Пер. В. В. Миндибековой.
29. *Муғулдай* (Мугулдай). Ф. 1, оп. 1, л. 146–147. Зап. от С. П. Кадышева. Пер. Л. К. Ачитаевой.
30. *Мусмаал* (Мусмал). Ф. 1, оп. 1, д. 149, л. 41–42. Зап. Н. М. Ултургашев 21 июня 1946 г. от А. Р. Ултургашева в с. Тёя Аскизского р-на Хакасской АО. Пер. В. В. Миндибековой.
31. *От ээлері* (Духи-хозяева огня). Ф. 1, оп. 1, д. 149, л. 13. Зап. Н. М. Ултургашев 20 июля 1946 г. от А. Р. Ултургашева в аале Кок хайа пары Нижне-Тёйского сельсовета Аскизского р-на Хакасской АО. Пер. С. К. Кулумаевой.
32. *Өчең пиг* (Очен-пиг). Ф. 1, оп. 1, д. 30. Зап. С. Балахчин в 1941 г. от М. К. Доброва. Пер. В. В. Миндибековой.
33. *Өчен пиг* (Очен-пиг). Ф. 1, оп. 1, д. 12, л. 151–174. Зап. Д. И. Чанков 1 марта 1949 г. от С. П. Кадышева в г. Абакане. Пер. Л. К. Ачитаевой.
34. *Өчең пиг* (Очен-пиг). Ф. 1, оп. 1, д. 89. Зап. Н. П. Адыгаев от М. К. Доброва. Пер. В. В. Миндибековой.
35. *Өчен пигнең Тагына пиг харындастар* (Братья Очен-пиг и Тагына-пиг). Ф. 1, оп. 1, д. 761, л. 79–83. Зап. А. Г. Кызласова 21–23 декабря 1976 г. от А. П. Баиновой в с. Белояр Усть-Абаканского р-на Хакасской АО. Пер. Л. К. Ачитаевой.
36. *Пастагы чуртачаң иблердеңер* (О первых жилых домах). Ф. 1, оп. 1, д. 363, л. 22–24. Зап. от К. Л. Сукина в 1965 г. Пер. Л. К. Ачитаевой.
37. *Пір айга аңнап парып, пір чыл пол салган кізі* (О том, как человек ушёл на охоту на месяц, а пробыл год). Ф. 1, оп. 1, д. 293. Зап. У. Н. Кирбижекова 21 марта 1952 г. от Е. П. Миягашева в г. Абакане. Пер. В. В. Миндибековой.
38. *Подраңның чоогы* (Рассказ Подрана). Ф. 1, оп. 1, д. 289, л. 1. Зап. А. П. Адыгаев с 10 по 20 июня 1947 г. от И. И. Нербышева в улусе Малый Монок Аскизского (ныне Бейского) р-на. Пер. В. В. Миндибековой.
39. *Потоптаңар* (О потопе). Ф. 1, оп. 1, д. 362, л. 56. Зап. Д. П. Аёшин в 1965 г. от И. Е. Доброва. Пер. Л. К. Ачитаевой.
40. *Пулан паза палых* (Лось и рыба). Ф. 1, оп. 1, д. 149, л. 12. Зап. Н. М. Ултургашев. Пер. В. В. Миндибековой.
41. *Саасхан хустаңар* (О сороке-птице). Ф. 1, оп. 1, д. 148, л. 100. Зап. Н. В. Амзараков 9 декабря 1946 г. от М. В. Амзаракова в улусе Кызласов Аскизского р-на Хакасской АО. Пер. Л. К. Ачитаевой.
42. *Сагай ташхыл* (Сагай-тасхыл). Ф. 1, оп. 1, д. 301, л. 8. Зап. Ф. Я. Иптышев от С. В. Качаева 21 июля 1947 г. в с. Ошколь Усть-Саралинского сельсовета Саралинского р-на Хакасской АО. Пер. В. В. Миндибековой.
43. *Самсон хайчыдаңар* (О хайджи Самсоне). Ф. 1, оп. 1, д. 21, л. 142–156. Зап. Т. Тачеева 4 декабря 1959 г. от С. П. Кадышева в г. Абакане. Пер. Л. К. Ачитаевой.

44. *Сараа адай көлдеңер* (Об озере Собачьем). Ф. 1, оп. 1, д. 542, л. 3. Зап. Т. Тачеева в ноябре 1959 г. от Х. Спирина в аале Малый Спирин (Азах Соот) Ширинского р-на Хакасской АО. Пер. В. В. Миндибековой.
45. *Сөөктердеңер* (О сеоках). Ф. 1, оп. 1, д. 844, л. 1–4. Зап. В. С. Чичинин в 1985 г. Пер. В. В. Миндибековой.
46. *Сыгданаң Сыбы* (Сыгда и Сыбы). Ф. 1, оп. 1, д. 730, л. 164–173. Зап. В. Е. Майногашева 11 сентября 1975 г. от Д. Н. Кинзеновой в с. Усть-Бюр Усть-Абаканского р-на Хакасской АО. Пер. В. В. Миндибековой.
47. [*Таарт паза турна*] ([Коростель и журавль]). Ф. 1, оп. 1, д. 844, л. 25. Зап. В. С. Чичинин в 1985 г. Пер. В. В. Миндибековой.
48. *Тағлар аттары* (Названия гор). Ф. 1, оп. 1, л. 29–31. Зап. от К. Л. Сукина в 1965 г. в Ширинском р-не. Пер. С. К. Кулумаевой.
49. *Тағ изініңері* (О духе-хозяине гор). Ф. 1, оп. 1, д. 289, л. 1. Зап. А. П. Адыгаев с 10 по 20 июня 1947 г. от И. И. Нербышева в улусе Малый Монок Аскизского (ныне Бейского) р-на. Пер. Л. К. Ачитаевой.
50. *Тағ ээзінең ойнағы кізінің хонарға чарабаанынаңар* (О том, что духу-хозяину горы с простым человеком не положено жить). Ф. 1, оп. 1, д. 149. Зап. Н. М. Ултургашев. Пер. С. К. Кулумаевой.
51. *Тадар шонынаңар* (О хакасском народе). Ф. 1, оп. 1, д. 159, л. 148. Зап. В. И. Доможаков 30 июля 1947 г. от С. П. Кадышева в аале Тарча Ширинского р-на Хакасской АО. Пер. В. В. Миндибековой.
52. *Тайызынаң чеенінің тайғазар аңнап парарға чоохтазып алганы* (О том, как дядя с племянником договорились идти в тайгу охотиться). Ф. 1, оп. 1, д. 293. Зап. У. Н. Кирбижекова в 1952 г. от Е. П. Миягашева. Пер. В. В. Миндибековой.
53. *Тар пиг* (Тар-пиг). Ф. 1, оп. 1, д. 363, л. 58–76. Зап. от Н. Е. Чустеева в 1965 г. Пер. В. В. Миндибековой.
54. *Тогырғы аалынаңар* (Об аале Тогырғы). Ф. 1, оп. 1, д. 21, л. 160. Зап. Т. Тачеева 25 декабря 1959 г. от С. П. Кадышева. Пер. Л. К. Ачитаевой.
55. *Торғайах хусчахтаңары* (О жаворонке-птичке). Ф. 1, оп. 1, д. 148, л. 99. Зап. Н. В. Амзараков в 1946 г. Пер. Л. К. Ачитаевой.
56. *Тулбар аттаңар* (О тулбаре). Ф. 1, оп. 1, д. 121, л. 1–2. Зап. В. Е. Майногашевой 9 января 1968 г. от Ф. И. Кокова. Пер. В. В. Миндибековой.
57. *Түк Тиин хаихы* (Беглец Тук-Тиин). Ф. 1, оп. 1, д. 159, л. 99–104. Зап. В. И. Доможаков 25 июля 1947 г. от П. В. Курбижекова в с. Черное Озеро Ширинского р-на Хакасской АО. Пер. Л. К. Ачитаевой.
58. *Халдама* (Халдама). Ф. 1, оп. 1, д. 362, л. 123–128. Зап. Д. П. Аёшин 1 августа 1947 г. от С. П. Кадышева в улусе Тарча Ширинского р-на Хакасской АО. Пер. Л. К. Ачитаевой.
59. *Хам, суг ээзі, тағ ээзі* (Шаман, дух-хозяин реки, дух-хозяин горы). Ф. 1, оп. 1, д. 860, л. 3. Зап. Г. В. Кунучакова в 1990 г. от М. Миягашева в аале Кызылсуг (*Хызылсуг*) Таштыпского р-на Хакасской АО. Пер. Л. К. Ачитаевой.
60. *Хара тал* (Чёрный тальник). Ф. 1, оп. 1, д. 149, л. 35. Зап. Н. М. Ултургашев 22 июня 1946 г. от А. Р. Ултургашева в с. Тёя Аскизского р-на Хакасской АО. Пер. С. К. Кулумаевой.
61. *Харачыхайтың хузуриш нога азыртыр* (Почему у ласточки раздвоенный хвост). Ф. 1, оп. 1, д. 148, л. 101. Зап. Н. Е. Домогашев в 1946 г. от Н. В. Амзаракова в г. Абакане. Перевод Л. К. Ачитаевой.
62. *Хобайлар* (Род Хобай). Ф. 1, оп. 1, д. 363, л. 33–34. Зап. В. П. Шульбаев в июле 1959 г. от Н. Е. Туртугешева в с. Верхние Сиры Таштыпского р-на. Пер. Л. К. Ачитаевой.
63. *Хобайларның историязы* (История рода Хобай). Ф. 1, оп. 1, д. 159, л. 9–11. Зап. Н. Е. Домогашев 9 июня 1946 г. от Н. Е. Туртугешева в с. Лырсы Усть-Чульского сельского совета Аскизского р-на. Пер. В. В. Миндибековой.
64. *Хубай хус* (Хубай-Хус). Ф. 1, оп. 1, д. 50, л. 347–348. Зап. В. И. Доможаков 3 апреля 1946 г. от В. А. Койлагашева в г. Абакане. Пер. В. В. Миндибековой.
65. *Худай кізее чурт пиргенінеңер* (О том, как Худай человеку жизнь дал). Ф. 1, оп. 1, д. 362, л. 45–52. Зап. Д. П. Аёшин в 1965 г. от И. Е. Доброва. Пер. Л. К. Ачитаевой.
66. *Хум Тайча* (Хум-Тайча). Ф. 1, оп. 1, д. 291, л. 95–96. Зап. 4 июля 1953 г. от Е. П. Миягашева в с. Кызылсуг Таштыпского р-на Хакасской АО. Пер. В. В. Миндибековой.

67. *Хустардаңар кип-чоох* (Кип-чоох о птицах). Ф. 1, оп. 1, д. 148, л. 98. Зап. от Н. В. Амзаракова в 1946 г. Пер. Л. К. Ачитаевой.
68. *Хустар чыылии (от тапханынаңар)* (Совет птиц (о добывании огня)). Ф. 1, оп. 1, д. 362, л. 34–35. Зап. Д. П. Аёшин от К. Л. Сукина. Пер. Л. К. Ачитаевой.
69. *Хызыл шонның сөөктерінеңер* (О сеоках кызыльцев). Ф. 1, оп. 1, д. 159, л. 181. Зап. В. И. Доможаков 26 августа 1947 г. от П. В. Курбижекова в аале Чёрное Озеро Ширинского р-на Хакасской АО. Пер. Л. К. Ачитаевой.
70. *Чалбрат теп хам кіжі* (О шамане Чалбрате). Ф. 1, оп. 1, д. 363, л. 85. Зап. М. В. Аскаракова в июле 1959 г. от М. И. Сыргашева в Таштыпском р-не Хакасской АО. Пер. В. В. Миндибековой.
71. *Чанар Хус* (Чанар-Хус). Ф. 1, оп. 1, д. 670, л. 26–28. Зап. В. Е. Майногашева 13 ноября 1970 г. от А. Е. Кожакковой в с. Кубайка Мало-Анзасского сельсовета Таштыпского р-на Хакасской АО. Пер. В. В. Миндибековой.
72. *Чанар Хус* (Чанар-Хус). Ф. 1, оп. 1, д. 362, л. 129–131. Зап. Д. П. Аёшин в 1965 г. от С. П. Кадышева в Ширинском р-не Хакасской АО. Пер. В. В. Миндибековой.
73. *Чете хыс таг* (Гора Читы-хыс). Ф. 1, оп. 1, д. 291, л. 254. Зап. К. А. Шулбаев 7 августа 1953 г. от П. В. Кужакова в с. Анчул Кызылсукского сельсовета Таштыпского р-на Хакасской АО. Пер. С. К. Кулумаевой.
74. *Чилбігеннеңер* (О Чилбеген). Ф. 1, оп. 1, д. 362, л. 19. Зап. Шурышева (инициалы отсутствуют) от К. Ф. Тортуковой в апреле 1965 г. в с. Ново-Марьясово Орджоникидзевского р-на Хакасской АО. Пер. Л. К. Ачитаевой.
75. *Чолдаң шыхпас Чолбанах* (Не сходящий с дороги Чолбанах). Ф. 1, оп. 1, д. 363, л. 106–107. Зап. В. П. Шулбаев 11–30 июля 1959 г. от А. Майтакова в с. Анчул Таштыпского р-на Хакасской АО. Пер. Л. К. Ачитаевой.
76. *Чылан таг* (Чылан-таг). Ф. 1, оп. 1, д. 580, л. 37. Зап. А. Т. Казанакоев в августе 1945 г. от У. Н. Шушеначева в аале Чебаки Ширинского р-на Хакасской АО. Пер. Л. К. Ачитаевой.
77. *Шулбай ханнаңар* (О Шулбай-хане). Ф. 1, оп. 1, д. 363, л. 66–67. Зап. от Н. Д. Шулбаева. Пер. В. В. Миндибековой.
78. *Ыстаан тасхл* (Стан-тасхыл). Ф. 1, оп. 1, д. 289, л. 5. Зап. А. П. Адыгаев 10–20 июня 1947 г. от И. И. Нербышева в улусе Малый Монок Бейского р-на Хакасской АО. Пер. Л. К. Ачитаевой.
79. *Эп ээзінеңер* (О духе-хозяине дома). Ф. 1, оп. 1, д. 159, л. 81. Зап. В. И. Доможаков 18 июля 1947 г. от П. К. Янгулова в улусе Ошколь Саралинского р-на Хакасской АО. Пер. Л. К. Ачитаевой.
80. *Эп ээзінеңерох* (Тоже о духе-хозяине дома). Ф. 1, оп. 1, д. 159, л. 81–82. Зап. В. И. Доможаков 19 июня 1947 г. от П. К. Янгулова в улусе Ошколь Саралинского р-на Хакасской АО. Пер. Л. К. Ачитаевой.

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
01.10.2021*

Сведения об авторе

Миндибекова Валентина Виссарионовна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)
E-mail: mindibekova@ngs.ru
ORCID 0000-0003-1093-3106

Information about the Author

Valentina V. Mindibekova – Candidate of Philology, Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
E-mail: mindibekova@ngs.ru
ORCID 0000-0003-1093-3106

ОБРЯДОВЫЙ ФОЛЬКЛОР

УДК 393.95

DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-94-101

Об одном эпизоде погребального обряда, связанного с собакой, в телеутском сказании «Кёзийке»: К проблеме тюркского (огузского) и индоиранского культурного наследия

Е. Е. Ямаева

Независимый исследователь, Горно-Алтайск, Россия

Аннотация

В традиционных представлениях народов Сибири собака занимает особое место. Мотив убийства собаки во время погребальной церемонии присутствует в эпосе телеутов «Кёзийке». Этот мотив можно расшифровать с помощью текста из Авесты, в котором говорится, что при погребении умершего к нему подвели собаку, чтобы душа благополучно добралась мира мертвых. Телеуты в историческом плане считаются потомками древних огузов – этнической группы народов тюркского происхождения. Сходные с индоиранскими мотивы и их этнографические истоки свидетельствуют о том, что предки ряда этнических групп алтайцев (теле/огузы) входили в древний ареал тюрко-иранской культурной общности.

Ключевые слова

собака, мифология, погребальный, обряд, телеуты, огузы, самодийцы, тюрко-иранский мир

Для цитирования

Ямаева Е. Е. Об одном эпизоде погребального обряда, связанного с собакой, в телеутском сказании «Кёзийке»: К проблеме тюркского (огузского) и индоиранского культурного наследия // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 2 (вып. 42). С. 94–101. DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-94-101

Благодарности

Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 18-09-40048 «Пазырыкская культура в XXI веке: Новые интерпретации и концепции» (руководитель Н. В. Полосьмак).

One episode of a funeral ritual associated with a dog in the Teleut epic “Keziyke”: To the problem of Turkic (Oghuz) and Indo-Iranian cultural heritage

E. E. Yamaeva

Independent Researcher, Gorno-Altai, Russian Federation

Abstract

A dog plays a significant role in many universal myths. The famous Teleut epic “Keziyke” presents the motif of a dog being killed during the funeral ceremony. Also, this motif can be seen in the text of “Avesta” telling about bringing a dog to the funeral ceremony to help the soul reach the world of the dead safely. Teleuts are considered

© Е. Е. Ямаева, 2021

ISSN 2312-6337

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 2 (вып. 42)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2021. No. 2 (iss. 42)

descendants of the ancient Oguz, an ethnic group of Turkic origin. The oral folklore provided us with the idea of a dog state and people born with a dog body and a human head. The analysis of the Chinese chronicle allows assuming that a habit of people's feeding the dogs from their plate was despised by representatives of the official religion of the Turkic Tengrism. This information can serve as a chronological marker, suggesting confidently that the dog was not a deity in the religious-mythological pantheon of the Turks around the sixth century. Nevertheless, the Turks had neighbors, perhaps even Turkish-speaking people, greatly respecting. In the Teleut epic, the traces of the dog cult appear in the context of afterlife representations. The presence of the dog cult in the epic of Oguz indicates their worship of this living creature. They were also close to the Siberian peoples with the most prominent dog cult. The motifs similar to the Iranian and their ethnographic sources indicate that the ancestors of several Altai ethnic groups (Tele / Oguzes) were part of the ancient Turkic-Iranian cultural community.

Keywords

dog, mythology, funeral, rite, Teleuts, Oghuz, Samoyeds, Turkic-Iranian world

For citation

Yamaeva E. E. Ob odnom epizode pogrebal'nogo obryada, svyazannogo s sobakoy, v teleutskom skazanii «Keziyke»: K probleme tyurkskogo (oguzskogo) i indoiranskogo kul'turnogo naslediya [One episode of a funeral ritual associated with a dog in the Teleut epic "Keziyke": To the problem of Turkic (Oghuz) and Indo-Iranian cultural heritage]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2021, no. 2 (iss. 42), pp. 94–101. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-94-101

Acknowledgements

The research was conducted with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, grant no. 18-09-40048 "Pazyryk Culture in the 21st Century: New Interpretations and Concepts" (supervisor N. V. Polosmak).

Образ собаки как одного из самых распространенных домашних животных на земле присутствует во всех видах художественного творчества. Собака является распространенным персонажем в древнейших мифах и ритуалах. Древний человек путем метафорического языка, сравнений и аналогий пытался упорядочить поток информации и передать его через знаки и символы. В течение многих тысячелетий появлялись и исчезали цивилизации, история превращалась в мифологию, подвергалась пересмотру и адаптации в новых условиях. Целью статьи является сравнительное изучение мотивов и ритуалов, связанных с собакой, в культурной традиции алтайцев и народов сопредельных территорий. Предметом исследования служит ныне утраченный элемент с участием собаки в погребальной обрядности алтайцев, бытование которого, очевидно, имело место в древности, поскольку этот эпизод с собакой во время похорон зафиксирован в эпическом тексте «Кёзийке» телеутов. Данный мотив предлагается расшифровать с привлечением источников по истории и фольклору народов Сибири, а также текста Авесты.

Фольклорные тексты о собаке, зафиксированные у народов Центральной Азии, весьма разнообразны. В космологической модели мира собака занимает важнейшее место. В мифах алтайцев (телеутов) повествуется о том, что творец сотворил собаку, чтобы сторожить первочеловека; когда он ушел искать вечную душу для первочеловека, Эрлик, соблазнив собаку, внедрил душу в первого человека. Таким образом, с собакой связывается мотив утраты вечной души [Радлов, 1989, с. 147–151]. Мотив утраты бессмертной души по вине собаки присутствует в мифах селькупов [Селькупская мифология, 1998]. Наиболее развернутые мифы про собак мы находим в фольклоре и ритуалах манси, селькупов [Мошинская, Лукина, 1982; Бауло, Кулемзин, 2005, с. 175–176], якутов и бурят [Дыренкова, 2012]. Мотивы, связанные с собакой, присутствуют и в астральных мифах сибирских народов. В селькупском мифе небесный бог Нум, рассердившись на сына, собаку Кана, спустил его на землю. Собака Кан гнался за солнцем на востоке и догнал его на западе, пытаясь проглотить [Селькупская мифология, 1998, с. 39–40]. В алтайской мифологии мотив связи собаки с луной и солнцем обнаруживается в невербальной форме, фиксируемой в структуре обряда, проводимого во время лунного затмения [Алтай кеп-куучындар, 1994, с. 35].

В книге Н. П. Дыренковой приводятся сведения о том, что собаку посвящали духам буряты и якуты. Якуты посвящали духам живую собаку. Хозяин кормил ее и следил за тем, чтобы ее не били. Когда такая собака умирала, ее труп вешали на дерево [Дыренкова, 2012, с. 190–191]. Таким образом, в мировоззрении этих народов собака считалась жертвенным, посвященным богам животным.

Представление о собаке устойчиво фиксируется в обрядах жизненного цикла у народов Саяно-Алтая. У теленгитов главное блюдо на роинах называли *ийт мун* ‘собачьим бульоном’. Сначала *ийт мун* из чашки немного отливали собаке, потом подавали роженице [Шатинова, 1981, с. 74]. В шуточной, игровой форме проводился еще один семейно-бытовой обряд: перед тем, как положить ребенка в колыбель, алтайцы укладывали в нее щенка (или заменяющую его куклу). Аналогичный обряд существовал у хакасов, близкородственных телеутам [Бутанаев, Монгуш, 2005]. Таким образом, в родильном обряде хакасов и алтайцев в завуалированном виде также сохранились следы архаических представлений о собаке как о жертвенном животном.

Представление об участии собаки в погребальной обрядности обнаруживается в телеутском сказании «Кёзийке» [Кёзийке, 1995]. Согласно материалу, мать спрашивает у сына, кто ее похоронит, если она умрет; герой отвечает, что если она (мать) умрет, то ее похоронит *шибедин* ‘щенок’. В сказании их диалог представлен в песенной форме:

*Кара пеенг кыл куйрук,
Кар куру чийзе, кем кезер?
Карган эненг мен ёлзём,
Меенг сёёгим кем тьуур?*
‘Если хвост черной кобылы будет волочиться по земле (по снегу),
Кто отрежет его?
Если старая мать твоя помрет,
Кто ее похоронит?’

*Кара пеенг кыл куйрук,
Кар куру чийзе, калыгынг кезер.
Карган энем сен ёлзёнг,
Кара шибединг тьуугай!*
‘Если хвост черной кобылы будет волочиться по земле (по снегу),
Народ твой отрежет его.
Если старая мать моя помрет,
То похоронит ее черный щенок’ (здесь и далее перевод наш. – Е. Я.)
[Кёзийке, 1995, с. 47].

Перед отъездом сына мать поет песню:

*Карган эненгинг эмчегин
Катап-катап тартып ал*
‘Прошу высосать грудь своей старой матери (так),
Чтобы она высохла’

[Там же].

Кёзийке сосет грудь своей матери так, что она умирает. Он «разрывает желудок черного щенка», «кладет [мать] в *кайырчак*» (‘ящик’), хоронит ее в горе (*алтын туунынг пуурына* – букв. «в печени золотой горы») [Там же, с. 48]. Далее в сказании мотив повторяется: героиня (Байан Сылу) саблей разрезает брюхо щенка, обмывает кровью щенка усопшего героя Кёзийке (*Байан Сылу кылыжын мынанг ала, шибедининг ичин тьара тартып, аанг каньмынанг Кёзийди тьун тьат*) [Там же, с. 53].

Связанный с собакой мотив, некогда включенный в сюжет, сегодня является непонятным для читателей, так как в современной погребальной обрядности алтайцев каких-либо ритуальных действий по отношению к собаке / щенку, не наблюдается. Однако, поскольку в эпосе данный мотив повторяется, следует сделать вывод, что он был устойчивым; и это, в свою очередь, служит сигналом об утраченном звене обрядовой традиции.

Существовали ли в древности этнографические обряды и какие-то мировоззренческие представления, послужившие основой для возникновения подобного мотива? Анализ доступной нам научной литературы по археологии Южной Сибири показал, что собачьи погребения фиксируются уже в эпоху энеолита на территории Томско-Тымского Приобья и Васюганья на севере и в степном Алтае [Кирюшин, 2002, 2004]. В это время на рассматриваемых территориях формируется комплексный тип хозяйства, включающий в себя охоту, рыболовство и собирательство. По мнению Ю. Ф. Кирюшина, нет оснований говорить о каких-то формах скотоводства, хотя факты использования собак в пищу несомненны [Кирюшин, 2002, с. 100]. Собачьи погребения в период развитой бронзы и раннего железа стали предметом исследований Н. А. Кузнецова и Ю. С. Худякова [1998]. Ими было проанализированы материалы 16 погребений, в которых собаки захоронены по человеческому обряду. Авторы высказали три возможных причины захоронений такого типа: 1) собака является заменителем человека в кенотафе, 2) собака умерла «вместо человека», 3) собака погребена хозяином таким способом в благодарность за верную службу.

Одной из наиболее ранних работ, посвященных этой теме, была статья А. К. Атебекова [1978]. Могильник Карагай-Булак в Чуйской долине представляет собой образец классического собачьего погребения. Несмотря на то, что в могильнике обнаружены погребения двух собак и двух человек, погребения относятся к разряду разновременных. На территории Горного Алтая кости собаки зафиксированы исследователями В. А. Могильниковым и А. С. Суразаковым при раскопках многослойного памятника Ябоган III, относящегося к концу I в. до н.э. – началу I в. н.э. [Могильников, Суразаков, 2003]. На остеологический материал, связанный с собаками, обратила внимание А. С. Давыдова при раскопках Иволгинского городища (Бурятия) гуннского времени. Из общего числа домашних животных 29 % принадлежали собаке, остальные по убывающей градации – крупному и мелкому рогатому скоту, свинье, лошади, верблюду и яку. Причем все собаки были крупного телосложения [Давыдова, 1985]. В эпоху средневековья на территории Горного Алтая кости собак отмечены в захоронениях на Курае и Балык-Соок [Кубарев, 2003].

Таким образом, археологических памятников с собачьими погребениями не так уж и много. По количеству погребений и костей собаки можно выделить только район Среднего Енисея и Забайкалья. В Горном Алтае отдельные кости собак обнаружены только в двух или трех могильниках. Чтобы понять причины наличия костей собаки в древних могильниках, очевидно, необходимо обратиться к письменным и устным источникам.

Особая роль собаки отмечена в погребальных обрядах предков монгол – у племен ухуань и сяньби (конец I тыс. до н. э. и I в. н. э.). Именно собака была у них проводником души покойного в загробный мир, она приобщала душу умершего к его ранее ушедшим в тот мир, за гору Чишань, духам предков [Викторова, 1974]. Более многочисленны устные рассказы о том, что у ряда народов собака считалась тотемным животным. Существуют сведения о происхождении древних жунов от *бай-цюаня* ‘белой собаки’, т. е. белая собака в качестве тотема фигурировала уже примерно во II тыс. до н. э. [Там же].

Устный рассказ о собачьем государстве, в котором люди рождаются собаками (что косвенно указывает на собаку как тотемное животное), зафиксирован М. М. Хангаловым: «По словам унгинских бурят, на северо-восточной стороне есть *нохой ханы урам* ‘собачье царство’». «В этом собачьем царстве, по словам бурят, все мужчины рождаются собаками, которые такие же, как обыкновенные собаки, но только большие; женщины же рождаются людьми, как обыкновенные женщины. Все женщины в собачьем царстве постоянно делают *хурулха* ‘шаманский обряд’, желая, чтобы у них родились дети мужского пола не собаками, а людьми» [Хангалов, 1959, с. 220].

Первые письменные сведения о «собачьем государстве» зафиксированы в китайских источниках. В летописи рассказывается о том, что некий тюркский царевич поехал в гости в соседнее государство. Переступив его границы, он зашел в одну юрту и увидел, что хозяева после еды дают свою тарелку вылизывать собакам. Царевич сказал: «Не пойду я в гости в это собачье государство!». И повернул обратно [Бичурин, 1950, с. 176]. В данном тексте важны, на наш взгляд, два момента: фиксация обычая, связанного с собакой в некоем собачьем государстве и отсутствие у самих тюрков (тугю) подобных привычек и представлений. Отсутствие почтительного отношения к собаке у тюрков-тугю не означает, что у других тюркских этнических групп этого не было. К настоящему времени представления о собаке у ряда тюркских

народов дошли в виде пережитка тотемизма. Так, в сознании киргизов тотемистические представления, связанные с собакой, уцелели лишь в виде отдельных, сильно трансформированных пережитков [Абрамзон, 1971]. В алтайских текстах говорится, что предок майманов (фонетическая передача этнонима найман на алтайском языке) в голодное время зарезал и съел свою собаку и благодаря этому выжил¹. Найманы, как известно, сегодня признаются потомками огузов (теле). Местом их первоначального обитания является Тува, в частности район, где живут таежные охотники тоджинцы [Потапов, 1969, с. 145].

Таким образом, роль собаки в культурно-исторической традиции народов Сибири прослеживается с древнейших времен до наших дней. Упоминание об эпизоде с участием собаки (ныне утраченном) в погребальном обряде сохранилось лишь в алтайском сказании «Кёзийке». Безусловно, этот эпизод можно интерпретировать как сопровождение собакой умершего. Археологические материалы могут стать подтверждением мнения А. К. Атебекова о том, что в различные периоды истории народов Центральной Азии имело место культовое погребение собаки, а культ собаки и обычай ее захоронения связаны с ритуалами зороастризма [1971]. Действительно, этнографические факты захоронения собак имеют мифологическую основу. Образы собак затрагивались в исследованиях Б. А. Литвинского по индоиранской мифологии [1972]. Так, он отмечает, что в Авесте рассказывается, как душа умершего добирается до Чинватского моста, где происходит ее допрос, а затем прекрасная девушка в сопровождении двух собак ведет душу верующего через мост к «стене», образующей границу небесного мира. Отсюда душа направляется к Ахура-Мазде. В связи с культом собаки как «волшебного существа» интересно описание церемоний «сагдид» в Видевдате: к умершему человеку подводят собаку для того, чтобы она поглядела на труп. Эта церемония связана с зороастрийскими представлениями о друждах — порождениях Ангро-Манью, злобных существах женского пола. Одно из них — Насу — вселяется в тело человека сразу же после того как душа его покинет. На любого, приблизившегося к мертвому, Насу способна наслать болезнь или даже смерть. С целью изгнания Насу и производилась церемония «сагдид». Б. А. Литвинский обращает внимание на специальные захоронения собак, иногда волков и козлов, на памятниках древней Индии. Исследователи пришли к выводу, что такого рода верования восходят еще ко времени индоиранской общности. В литературе уже отмечалось, что «у древних персов собаки окружались величайшим почетом, ибо считалось, что в них помещаются человеческие души после смерти. Поэтому труп человека отдавался на съедение собакам, бродившим повсюду в большом количестве» [Там же, с. 118]. В Авесте встречается ряд указаний на то, что религия Ахура-Мазды берет под свою защиту собаку как животное, созданное самим богом [Авеста, 1956, с. 36].

Таким образом, в телеутском сказании «Кёзийке» сохранились следы древнейшего погребального обряда. Архаический ритуал, послуживший основой эпического сюжетообразования, к моменту записи сказания стал уже непонятным даже для носителей традиционных знаний. Мотив намазывания собачьей кровью тела усопшего (или хотя бы какого-либо предмета из сопроводительного инвентаря) можно понять только из текста Авесты, в котором говорится, что перед погребением умершего к его телу подвели собаку с целью обеспечить душе благополучный путь в мир мертвых. Далее, представления, мотивы и обряды, связанные с собакой, до настоящего времени в целом, системном виде сохранились у тюрков Саяно-Алтая и народов сопредельных территорий. Нет сомнения, что их далекие предки контактировали с индоиранцами, и, возможно, сходные фольклорные мотивы и их этнографические истоки свидетельствуют о том, что предки ряда этнических групп алтайцев (теле / огузов) входили в древний ареал тюрко-иранской культурной общности.

¹ Текст «Кара-майман ла кегел-майман = Кара-майманы и кёгёл-майманы», записан Е. Е. Ямаевой в 1977 г. от А. Анатова, рода кара-майман, жителя с. Кулада Онгудайского района Горно-Алтайской автономной области (ныне Республики Алтай); умер в конце 1970-х гг. Текст с таким же названием был опубликован в газете «Алтайдын Чолмоны» в 1975 г., самозапись Д. Шалтаева, из рода кёгёл-майман, жителя с. Кулада Онгудайского района Горно-Алтайской автономной области, умер в конце 1980-х гг. Хотя в тексте Д. Шалтаева: «После жестокой войны два брата из племени майман бежали на Алтай. Чтобы выжить, убили свою собаку. Так дошли до Алтая. Один стал главой родового подразделения кара-майман, другой – кёгёл-майман» (перевод наш. – Е. Я.), – не говорится напрямую, что собаку съели, это очевидно. Майманы считают собаку своим тотемом.

Список источников

- Алтай кеп-куучындар* / Сост. Е. Е. Ямаева, И. Б. Шинжин. Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1994. 415 с. (На алт. яз.).
- Авеста* / Пер. Е. Э. Бертельса // Брагинский И. С. Из истории таджикской народной поэзии. Элементы народно-поэтического творчества в памятниках древней и средневековой письменности. М.: Изд. Академии наук СССР, 1956. 496 с.
- Кёзийке* // Алтай фольклор. К. И. Максимовтынг телеут диалектле тьууган фольклор бичимелдериненг / Сост. Т. М. Садалова. Горно-Алтайск, 1995. С. 31–53. (На алт. яз.).

Список литературы

- Абрамзон С. М.* Киргизы и их этнические и историко-культурные связи. Л.: Наука, 1971. 403 с.
- Атебеков А. К.* О погребении собаки в усуньском кургане в Чуйской долине // Краткие сообщения. Ранние кочевники. М.: Наука, 1978. № 154. С. 59–71.
- Бауло А. В., Кулемзин В. М.* Ханты. Мировоззрение и культовая практика // Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энци. Нганасаны. Кеты. М.: Наука, 2005. С. 166–183.
- Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. Ч. 1. 471 с.
- Бутанаев В. Я., Монгуш Ч. В.* Архаические обычаи и обряды саянских тюрков. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2005. 200 с.
- Викторова Л. Л.* Ранние формы религии киданей // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск: Наука, 1974. С. 261–265.
- Давыдова А. В.* Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 111 с.
- Дыренкова Н. П.* Тюрки Саяно-Алтая. Статьи и этнографические материалы. СПб.: МАЭ РАН, 2012. 408 с. (Кунсткамера – Архив. Т. VI).
- Кирюшин Ю. В.* Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. 292 с.
- Кирюшин Ю. В.* Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. 293 с.
- Кубарев Г. В.* Культура древних тюрков Алтая. По материалам погребальных памятников. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. 400 с.
- Кузнецов Н. А., Худяков С. Ю.* О захоронениях собак на Среднем Енисее по человеческому обряду // Сибирь в панораме тысячелетий (Материалы междунар. симпозиума). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. Т. 1. С. 308–316.
- Литвинский Б. А.* Древние кочевники «крыши мира». М., 1972.
- Могильников В. А., Суразаков А. С.* Раскопки памятников Ябоган-III // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск: Тип. Горно-Алт. гос. ун-та, 2003. Вып. 1. С. 26–63.
- Мошинская В. И., Лукина Н. В.* О некоторых особенностях в отношении к собаке у обских угров // Археология и этнография Приобья. Томск, 1982. С. 46–60.
- Пелих Г. И.* Селькупская мифология. Томск, 1998. 79 с.
- Потапов Л. П.* Этнический состав и происхождение алтайцев. Л.: Наука, 1969. 196 с.
- Радлов В. В.* Из Сибири. М.: Гл. ред. вост. лит., 1989. 749 с.
- Хангалов М. Н.* Собрание сочинений. Улан-Удэ, 1959. Т. 2. 444 с.
- Шатинова Н. И.* Семья у алтайцев. Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во. Горно-Алт. отд-ние, 1981. 184 с.

List of sources

Altay kep-kuuchyndar. E. E. Yamaeva, I. B. Shinzhin (Comps.). Gorno-Altaysk, Ak-Chechek, 1994, 415 p. (In Altai).

Avesta. Trans. by Ye. E. Bertels. In: Braginsky I. S. *Iz istorii tadzhikskoy narodnoy poezii* [From the history of Tajik folk poetry]. Moscow, 1956, p. 36. (In Altai).

Keziyke. In: *Altay fol'klor. K. I. Maximovtyng telut dialectle Tougan folklore bichimeldereng*. T. M. Sadalova (Comp.). Gorno-Altaysk, 1995, pp. 31–53. (In Altai).

References

Abramzon S. M. *Kirgizy i ikh etnicheskie i istoriko-kul'turnye svyazi* [Kirgiz and their ethnic, historical and cultural ties]. Leningrad, Nauka, 1971, 403 p. (In Russ.).

Atebekov A. K. O pogrebenii sobaki v usun'skom kurgane v Chuyskoy doline [On the burial of a dog in the Usun barrow in the Chui Valley]. In: *Kratkie soobshcheniya. Rannie kochevniki* [Brief Communications. Early nomads]. Moscow, Nauka, 1978, no. 154, pp. 59–71. (In Russ.).

Baulo A. V., Kulemsin V. M. Khanty. Mirovozzrenie i kul'tovaya praktika [Khanty Worldview and religious practice]. In: *Narody Zapadnoy Sibiri. Khanty. Mansi. Sel'kupy. Nentsy. Entsy. Nganasany. Kety* [Peoples of Western Siberia. Khanty. Muncie. Selkups. Nenets. Enets. Nganasans. Chum salmon]. Moscow, Nauka, 2005, pp.166–183. (In Russ.).

Bichurin N. Ya. *Sobranie svedeniy o narodakh, obitavshikh v Sredney Azii v drevnie vremena* [Collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times]. Moscow, Leningrad, Nauka, 1950, pt. 1, 471 p. (In Russ.).

Butanaev V. Ya., Mongush Ch. V. *Arkhaicheskie obryady i obychai Sayanskikh tyurkov* [Archaic rites and customs of the Sayan Turks]. Abakan, Katanov Khakass State University Publ. House, 2005, 200 p. (In Russ.).

Davydova A. V. *Ivolginskiy kompleks (gorodishche i mogil'nik) – pamyatnik khunnu v Zabaykal'e* [Ivolginsky complex (ancient settlement and burial ground) – monument to the Huns in Transbaikalia]. Leningrad, Leningrad State University Publ. House, 1985, 111 p. (In Russ.).

Dyrenkova N. P. *Tyurki Sayano-Altaya. Stat'i i etnograficheskie materialy* [Turks of Sayano-Altai. Articles and ethnographic materials]. St. Petersburg, MAE RAN, 2012, 408 p. (Kunstkamera – Arkhiv. T. VI [Kunstkamera – Archive. Vol. VI]). (In Russ.).

Khangelov M. M. *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Ulan-Ude, 1959, vol. 2, 444 p. (In Russ.).

Kiryushin Yu. V. *Eneolit i rannyya bronza yuga Zapadnoy Sibiri* [Aeneolithic and early bronze of the south of Western Siberia]. Barnaul, Altai University Publ. House, 2002, 292 p. (In Russ.).

Kiryushin Yu. V. *Eneolit i bronzovyy vek yuzhno-taizhnoy zony Zapadnoy Sibiri* [Aeneolithic and Bronze Age of the South-Taiga zone of the Western Siberia]. Barnaul, Altai State University Publ. House, 2004, 293 p. (In Russ.).

Kubarev G. V. *Kul'tura drevnikh tyurok Altaya. Po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov* [Culture of the ancient Altai Turks. According to the materials of funerary monuments]. Novosibirsk, Publ. House of the Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS, 2003, 400 p. (In Russ.).

Kuznetsov N. A., Khudyakov S. Yu. O zakhoroneniya sobak na Srednem Enisee po chelovecheskomu obryadu [On the graves of dogs on the Middle Yenisei on the human rite]. In: *Sibir' v panorame tysyachetiy (Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma)* [Siberia in the panorama of millennia (Materials of the international symposium)]. Novosibirsk, Publ. House of the Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS, 1998, vol. 1, pp. 308–316. (In Russ.).

Litvinskiy B. A. *Drevnie kochevniki "kryshi mira"* [Ancient nomads of the “roof of the world.”]. Moscow, 1972. (In Russ.).

Mogil'nikov V. A., Surazakov A. S. Raskopki pamyatnikov Yabogan-III [Excavations of the monuments of Yabogan-III]. In: *Arkheologiya i etnografiya Altaya* [Archeology and Ethnography of Altai]. Gorno-Altaysk, Printing house of Gorno-Altai State University, 2003, iss. 1, pp. 26–63. (In Russ.).

Moshinskaya V. I., Lukina N. V. O nekotorykh osobennostyakh v otnoshenii k sobake u obskikh ugrov [On some features in relation to the dog in the Ob Ugrians]. In: *Arkheologiya i etnografiya Priob'ya* [Archeology and ethnography of Priobye]. Tomsk, 1982, p. 46–60. (In Russ.).

Potapov L. P. *Etnicheskiy sostav i proiskhozhdenie altaytsev* [Ethnic composition and origin of the Altaians]. Leningrad, Nauka, 1969, 196 p. (In Russ.).

Radlov V. V. *Iz Sibiri* [From Siberia]. Moscow, Glavnaya redaktsiya vost. lit., 1989, 749 p. (In Russ.).

Sel'kupskaya mifologiya [Selkup mythology]. G. E. Pelyh (Comp.). Tomsk, 1998. (In Russ.).

Shatinova N. I. *Sem'ya u altaytsev* [Family of the Altai people]. Gorno-Altaysk, Altayskoye knizhn. izd. Gorno-Altayskoe otd., 1974, 240 p. (In Russ.).

Viktorova L. L. Rannie formy religii kidaney [Early forms of the Khitan religion]. In: *Bronzovyy i zheleznyy vek Sibiri* [Bronze and Iron Age of Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 1974, p. 261–265. (In Russ.).

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on

11.05.2021

Сведения об авторе

Ямаева Елизавета Еркиновна – доктор исторических наук, независимый исследователь (Горно-Алтайск, Россия)

E-mail: Erkinovnay@mail.ru

ORCID 0000-0003-1771-0861

Information about the Author

Elizaveta E. Yamaeva – Doctor of History, independent researcher (Gorno-Altaysk, Russian Federation)

E-mail: Erkinovnay@mail.ru

ORCID 0000-0003-1771-0861

ЭПОСОВЕДЕНИЕ

УДК 398.22 (=512.157)

DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-102-110

Об эпической модели мира олонхо в якутской культуре

М. Т. Сатанар

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия

Аннотация

Статья посвящается актуализации роли эпической модели мира якутского эпоса олонхо в культуре народа саха. Необходимость обращения к данной теме обуславливается всё возрастающим интересом к древнейшим структурам человеческого сознания, понимание и осмысление которых в современных условиях информационного общества востребовано как никогда. В статье представлены верификации модели мира якутского олонхо как культурной универсалии в различных знаковых системах материальной и духовной культуры народа саха. Распознавание, а далее междисциплинарное рассмотрение формы и содержания данной архетипической модели могут служить подспорьем для изучения возможностей механизмов текстопо-рождения национальной традиции, что и обозначает перспективы исследования.

Ключевые слова

эпос олонхо, мифология, пирамида, модель, структура, семантика, символический язык

Благодарности

Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта СВФУ «Эпический памятник нематериальной культуры якутов: текстологический, типологический, когнитивный и историко-сравнительный аспекты».

Для цитирования

Сатанар М. Т. Об эпической модели мира олонхо в якутской культуре // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 2 (вып. 42). С. 102–110. DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-102-110

On the epic model of the Olonkho world in the Yakut culture

M. T. Satanar

North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov, Yakutsk, Russian Federation

Abstract

In modern conditions of an information civilization, myth and epic are attracting much attention due to the desire to understand and comprehend the constant values of mythological knowledge of the cultural origins. This work focuses on actualizing the role of the epic world model of the Yakut epic Olonkho in the culture of the Sakha people. The purpose was to verify the epic model of the Yakut Olonkho world and to describe how this model is manifested as a cultural universal in various sign systems of the material and spiritual cultures of the Sakha people. The study involved an interdisciplinary approach, modeling methods, structural and semiotic analysis, extrapolation, deduction. It was found that the representation of the geometric scheme of the epic model of the world in the form of a pyramidal structure in a static position and a cone-shaped model in dynamics has a fundamental role in modeling various iconic systems of the Yakut national culture as a universal archetype scheme. The subconscious tendency to symbol-

© М. Т. Сатанар, 2021

ISSN 2312-6337

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 2 (вып. 42)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2021. No. 2 (iss. 42)

ize the world model appears in the schemes of “mythological scenarios,” in geometric and semantic embodiments of the Sakha material culture artifacts, in postulated numerical principles, and in the ways of narrating the oral folk texts. Verifying the scheme-archetype as a central symbol of the Yakut culture is of great value, containing as it does the germs of new cultural ideas developing in the modern globalizing society in the continuous movement of time, making it possible to outline the possibilities of national tradition text-forming mechanisms.

Keywords

epic Olonkho, mythology, pyramid, model, structure, semantics, symbolic language.

Acknowledgements

The study was carried out as part of the NEFU research project “Epic monument of the Yakut intangible culture: textological, typological, cognitive and historical-comparative aspects”.

For citation

Satanar M. T. Ob epicheskoy modeli mira olonkho v yakutskoy kul'ture [On the epic model of the Olonkho world in the Yakut culture]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2021, no. 2 (iss. 42), pp. 102–110. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-102-110

Введение. Яркий пример применения точных описаний явлений духовной культуры дан В. Н. Топоровым в фундаментальном труде «Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы» [2010]. С применением геометрических схем исследователем был раскрыт универсальный символ, который присутствует и в поздних культурах «осевого времени». Существенным является его тезис: «Реконструкция универсального образа не только возможна, но и предпочтительна в силу следующих соображений, подтверждаемых более или менее надежно и просто эмпирическим путем: чем древнее знаковая система, тем более она прагматична (т. е. тем более тесная связь существует между нею и ситуацией, которую она моделирует)» [Топоров, 2010, с. 14]. С этих позиций большой интерес представляет древний эпос олонхо, которому присущ синкретический метафорический, живой и красочный язык, являющийся мощным способом формирования культурных кодов. Заметим, на сегодня семиотическое и прагматическое направления исследований эпоса олонхо продолжают оставаться недостаточно разработанными. С 1980-х гг. начался новый этап развития науки о якутской мифологии, связанный с трудами Г. У. Эргиса, А. Г. Лукиной, Л. Л. Габышевой, А. С. Поповой, Л. Н. Семеновы и других ученых, сыгравших важную роль в закладке прочного фундамента семиотических исследований якутского эпоса олонхо.

Автор настоящего исследования исходит из положения Е. М. Мелетинского о том, что «словесное искусство восходит к мифу, а миф неотделим от обряда, и они являются первоначальным источником всей духовной культуры» [Мелетинский, 2000, с. 5]. Цель работы заключается в верификации эпической модели мира якутского олонхо, а далее – в описании отражения данной модели в различных видах якутской культуры.

К реконструкции пирамидальной модели мира олонхо. Известно, что древнее сознание признает акт творения. Так, в олонхо говорится: *Абыс иилээх-сабаллаах, атааннаах-мөнгүүннээх, айгыр силик аан ийэ дойдукабыт... Сол курдук үөһээ Үрүҥ Айыы Тойон оноруутунан олохтоммут эбит...*» [Ионова-Андросова, 1998, с. 235] ‘Вот так, по волеизъявлению Юрюнг Айыы Тойона, была устроена эта восьмибодная-восьмикрайняя, с волнениями-беспокойствами, изначальная наша мать-земля’ (здесь и далее, если не указано иное, перевод наш. – М. С.). Идея акта творения отмечается Я. И. Линденау [Эргис, 2008, с. 115], Э. К. Пекарским [1959, стб. 3179], А. Е. Кулаковским [1979, с. 17], Г. У. Эргисом [2008, с. 132] и многими другими исследователями. Между тем о природе, имеющей свое разумное начало, К. Хюбнер пишет следующим образом: «Если природа имеет разумное устройство, то она определенно должна описываться языком математики. В математическом понимании она состоит из тела и пространства, которые непосредственно сливаются друг с другом в геометрии» [1996, с. 22]. Следовательно, можно предположить, что, согласно концепции Пифагора, Юрюнг Айыы Тойон предстает «божеством-единицей», т. е. тем «первым существом», откуда берут свое начало все остальные числа. С этой точки зрения примечательно, что в текстах олонхо указывается наличие у верховного владыки многочисленного потомства: *Үрүҥ Айыы Тойон Адьына Сизр диэн ойохтообо, тобус субан туруйа курдук уолаттардааба үһү, абыс тыһы кыталык курдук кыргыттардааба үһү. Уолаттарын ааттара: улахана – Чынгыс Хаан диэн, ол уол утаата уолун аата Дьөһөгөй Айыы диэн, ол утаата – Кытай Бахсыыла, ол утаата – Сээркээн Сэһэн, ол утаата –*

Ухун Дьурантаайы, ол утаата – Түөнэ Моңол Тойон, ол утаата – Баай Барыылаах, ол утаата – Тойон Кулут, ол утаата – Игии-Тогуу диэн. Кыргызтарын ааттара: улахан кыыһын аата Эйэн Иэйэхсит Хаам Айыыһыт, ол утаата – Манган Мангалыын, ол утаата – Уот Кындыалана, ол утаата – Сэбдыгирэй Манган. ол утаата – Үрүң Молчой, ол утаата – Кус Хангыл, ол утаата – Этирикээн диэн, ол утаата – Хаачылаан Куо үһү [Ионова-Андросова, 1998, С. 184–186] ‘Юрюнг Айыы Тойон с супругой Аджынга Сер породили девять подобных журавлям сыновей, породили восемь подобных стерхам дочерей. Сыновей звали: старшего – Чынгыс Хаан, следующего за ним сына звали Джёсёгёй Айыы, за ним – Кытай Бахсыыла, за ним – Сээркээн Сэсэн, за ним – Усун Джурантаайы, за ним – Тюенэ Монгол Тойон, за ним – Баай Барыылаах, за ним – Тойон Кулут, за ним – Игии Тогуу. Дочерей звали: первую, самую старшую – Эйэн Ейехсит Хаам Айыысыт, за ней – Манган Мангалыын, за ней – Уот Кындыалана, за ней – Сэбигирэй Манган, за ней – Юрюнг Молчой, за ней – Кус Хангыл, за ней – Эппитинэн Этэрикээн, за ней – Хаачылаан Куо’.

Важно, что в мифопоэтическом мышлении космическое первоначало, являющееся небожителем самого верхнего девятого неба, расселяет своих детей по различным местам мифологического пространства: *Бу кэннэ Үрүң Айыы Тойон кинилэри ханна олохтуобун иннигэр дьүүлээбитэ, дьүүлээн ыталаабыта тус-тусна сирдэргэ... Улахан уолун Чынгыс Хааны: «Үс хаттыгастаах үрдүк манган халлаан үрдүгэр тойонунан буол!» – диэн. Дьөһөгөй Айыыны: – «Тус илин диэки бардахха бу халлаан баранан, таннары намылыйытыгар, үс хатын төрдүгэр дойдулан!» диэн ыйан түһэрбит. Кытай Бахсыылааны: – «Тус арбаа диэки бардахха бу халлаан баранан, таннары намылыйытыгар, Уот Кындыаланы кытта Уус төрдө буолун!» – диэн. Сээркээн Сэһэни маннык ыйбыт: – «Орто туой борон дойдуга отут биис ууһугар харахтарын дьүккэтэ буол!», уонна Сэбдыгирэй Манганныын уот байбал хоту ойоһоһугар, түн ойуур иһигэр олорорго ыйан ыппыт. Ухун Дьурантаайыны: – «Үс хаттыгастаах күөх халлаан үрдүгэр суруксутунан буол!» – диэн... [Там же, с. 186–188] ‘После, Юрюнг Айыы Тойон поселил потомков своих по разным местам... Старшему Чынгыс Хаану: «На вершине трехслойных высоких светлых небес будь верховным властителем на вечные времена!» – сказал. Сыну Джёсёгёй Айыы повелел: «Отсюда прямо на восток иди, на границе неба и земли у трех белых берез поселись!». Сыну Кытай Бахсыыла вместе с Уот Кындыалана: «Отсюда прямо на запад отправьтесь, на самый край, где кончается это небо, станьте родоначальниками грозных кузнецов!» – сказал. Сыну Сээркээн Сэсэн с Сэбигирэй Манган: «На глинисто-серой срединной земле тридцати племенам станьте всевидящей зеницей ока!» – приказал. Сыну Усун Джурантаайы: «На все трехслойные голубые небеса писарем стань!» – сказал...’ Очевидно, речь идет о локализациях по вертикальной оси координат (актуализируемой именно нечетными числами три и девять), что в плоскостной статической проекции в геометрии форм позволяет начертить форму эпического Верхнего мира в виде правильного треугольника. В трехмерной же проекции, с вычерчиванием горизонтальной оси координат, получаем четырехгранную пирамиду.*

Что касается формы эпического Среднего мира, то вопрос достаточно проработан [Габышева, 1988; Семенова, 2006, с. 45–46 и др.]. В горизонтальном развертывании пространства в текстах олонхо устойчиво наблюдается отождествление этой формы с домом-балаганом – жилищем героя-богатыря, где четыре пространственных направления (север, восток, юг, запад) соответствуют четырем сторонам этого жилища: *Собуруу ойоһоһуттан / Тобус уон уолах тиитинэн / Тулааһыннаабыттар, / Айгырыа диэннэр / Арбаа энэринэн / Абыс уон чаллах тиитинэн / Ангаабыллаабыттар, / Хоту өттүнэн / Үгүс үөмэх тиитинэн / Үрэллибэт гына / Өйөөбүллээбиттэр, / Илин эркининэн / Сэттэ уон чиргэл тиитинэн / Тирээбиллээбиттэр... ‘С южной стороны / Из девяноста лиственниц / Подпорку поставили, / С западной стороны / Из восьмидесяти лиственниц / Опору прочную соорудили, / С северной стороны / Множеством лиственниц / Крепко-накрепко подперли, / С восточной стороны / Семьюдесятью столбами / Глухо-наглухо склотили...’ [Ядрихинский, 2011, с. 56–57]. При этом отмечается возведение эпического жилища самими небожителями: *Чахчы бааччы / Баай Барыылаах бэйэтинэн түһэн / Мағаналаан онгорбут эбит. / Илэ бодо Эйэн Иэйэхсит / Истиэнэлээн онгорбут эбит, / Үрүң Айыыһыт үрүттээн саппыт* [Бурнашев, 2013, с. 30] ‘Похоже, сам Баай Барыылаах / Собственной персоной / Спустился с высот, / Дал столбы опорные; / Эжен Иэйиэхсит наяву / Поставила дома стены, / Светлые духи свысока / Положили стены’ [Там же,*

с. 204–205]. Так в ракурсе трехмерной системы координат выстраивается форма эпического Среднего мира – усеченная четырехгранная пирамида, неразрывно связанная с эпическими числительными «четыре» и «восемь», где последние выступают главными репрезентантами горизонтального членения эпического мироздания.

Относительно геометрической формы Нижнего мира существенным представляется замечание А. Е. Кулаковского: «Нижний мир расположен внизу под землей... В сказках об его формах говорится так: “верх его суживающийся, середина расширяющаяся книзу, низ более широкий” (*Үрдэ үмүрүк, ортоото кудумньулаах, түгэбэ дэлбиһэх*). Из этих слов в уме якута создается представление о полостной конуса или “урасы” (конусообразный шалаш)» [1979, с. 8]. А. Е. Кулаковским также подчеркивается выраженный признак преисподней во многих олонхо – *кэтит үтүгэн* ‘широкая преисподняя’ [Там же], следовательно, можно предположить, что речь идет о пространстве более широком, чем Средний мир. Все три мира олонхо связывает мифологический образ мирового дерева, которое описывается в олонхо как: *Өрө көрдөххө – / Өрөбөтө көбөрөн көстөр / Өндөл манган халлаан / Үрүт өттүгэр үөскээбит / Үлүскэннээх үс биһин ууһа обургулар / Олороллор эбит ээ* [Бурнашев, 2013, с. 21] ‘Охватил взглядом острым / Верхнюю теменную ветвь. / Если вверх взглянуть, видно: / Над видным глазу небом голубым / Живут три рода верхних / Духов роковых’ [Там же, с. 195], а также: *Аллараа өттүн / Адаар силиһин сээрээтэххэ;... / Тобус дьубулаах, / Сэттэ биттэхтээх, / Кэйбэлдьийбэт кэй бараанна / Түгэбэр дьөлө үүнэн түһэн...* [Там же, с. 24–26] ‘Нижняя часть / Корявого его корня... / Бурно прорастает / Через девять трясин / Нижнего мира, до этого / Семь его прочных слоев / Пронзает до самого дна’ [Там же, с. 198–200]. Дерево является осью вращения всех трех эпических миров [Сатанар, 2020а, с. 1139]. Так, соединяя геометрические представления Верхнего, Среднего, Нижнего миров, получаем единую пирамидальную конструкцию.

Таким образом, в текстах древнего олонхо хранится закодированная информация о строении Вселенной. Поэтапный структурно-семантический анализ трех миров мифологического пространства (Верхний, Средний, Нижний) в геометрическом представлении приводит к выявлению семантического инварианта текстов олонхо в виде пирамиды [Сатанар, Илларионов, 2018]. Следует дополнить, что пирамидальная схема адекватна для статического положения модели, в динамическом же положении схема приобретает иной вид – собственно конический. В контексте последнего заметим, что в некоторых архаических текстах олонхо сохранены прямые соотношения эпического мироздания с формой конуса. К примеру, приведем отрывок из описания схватки богатырей: *Аан ийэ дойдударын / Үөһээ курдуутунан / Үрүн күдэни өрүкүттүлэр, / Хара күдэни көтүттүлэр* [Бурнашев, 2013, с. 128] ‘И подняли они столбом белый туман, / И подняли они столбом черный туман / До самого верхнего обода (опояски) Вселенной’ (перевод наш. – М. С.). В толковом словаре якутского языка словосочетание *үөһээ курдуу* означает «верхний круг – опояска деревянного остова древней берестяной юрты якутов» [БТСЯЯ, 2007, с. 527].

Выражения эпической модели мира в якутской культуре. Дальнейшие исследования полученной модели привлекают интерес с точки зрения ее «семантической перспективы», т. е. принятия ее как архетипа, способного порождать и другие тексты культуры [Неклюдов, 2011, с. 11].

Якутский традиционный костюм, состоящий из трех частей – шапки, пальто, обуви, в комплексе сочетающий в себе различные цветовые, орнаментальные, декоративные композиции, по сути, воплощает собой конусообразную модель мира, имеющую богатое семиотическое содержание. Примечательно, что в самом начале олонхо – мотиве первоначального времени обнаруживается прямое указание на эту форму: *Урукку дьылым / Охсуһуулаах уорбатын / Оттой анараа өттүгэр... / Ураанхай сахам, / Ураһа соннообум, / Уу ньамаан тыллаабым,...* / *Ол-бу дии илигинэ* [Якутский героический эпос..., 1996, с. 76] ‘Далеко по ту сторону / Хребта бранных / Давних моих лет... / Многогочивые, / В шубах, словно ураса, – / Ураангхай саха мои... / О том, о сем не толковали еще’ [Там же, с. 77]. В примечаниях к якутскому тексту *ураһа сон* ‘пальто-ураса’ комментируется самим сказителем В. О. Каратаевым как «шуба (доха), имеющая широкие полы, что придает ей вид урасы» [Якутский героический эпос..., с. 381]. В формуле наличествует геометрический код, выражающий универсальный образ эпической модели мира в динамике. Пристального внимания требует семиотический анализ отдельных частей комплекса одежды (шапки, шубы, обуви в их цветовом, орнаментальном, конструктивном исполнении), каж-

дая из которых последовательно воспроизводит соответствие с тремя частями мироздания (Верхний, Средний, Нижний миры). Впрочем, эта тема отдельных исследований.

Из примера видно, что данная геометрическая схема отражается и в национальной архитектуре, причем в двух вариациях. Так, если традиционное летнее жилище якутов *ураһа* 'ураса' являет собой конусообразную модель мира (пирамидальная модель в динамике), то зимнее жилище якутов *балаҕан* 'балаган' в точности воспроизводит фрагмент пирамидальной модели, а именно усеченную пирамидальную схему мифопоэтического мироздания, где средняя часть пирамиды предстает в качестве «Срединного мира – метафорической копии мироздания» [Габышева, 1991, с. 63].

Культурный артефакт *чороон* 'чорон' – главный ритуальный сосуд национального праздника ысыах, изготовленный из дерева, предназначен для питья кумыса. Чорон является предметом дискуссий, многих семиотических трактовок, что вызвано эволюцией данного артефакта. В фокусе нашего исследования значимы данные, зафиксированные в наиболее ранних источниках: «чороны – конусообразные деревянные сосуды без ножек» (трактровка датируется 1741–1745 гг.) [Линденау, 1983, с. 30]. Совершенно справедливо отмечают прямую связь с моделью мира не только геометрической формы сосуда чорон, но и орнаментов на его стенках исследователи Л. Л. Габышева [1991], Р. С. Гаврильева [1991], А. Г. Петрова [2013]. Приведем развернутое толкование А. Г. Петровой формы архаичного чорона: «Рукоять соответствует Нижнему миру. Средняя расширяющаяся часть, перевернутый конус, опирающийся на коническую ножку – Среднему миру, и верхняя часть тулова, представляющая собой усеченный конус – ассоциируется с Верхним миром» [2013, с. 41]. Устойчивое сочетание числовых констант модели мира – чисел «три», «семь», «девять» находит соответствие с ритмичной орнаментальной декорации, а именно с расположением трехкратного, семикратного, девятикратного горизонтальных поясов чорона [Сатанар, 2020б, с. 113–114].

Культурное сооружение *сэргэ* 'коновязь' является воплощением мифологического образа мирового дерева. В олонхо священное дерево *Аал Луук мас* в качестве «основы Вселенной – опорной оси кружащихся трех миров» [Ойунский, 1975, с. 33] представляет собой фрагмент эпической модели мира в геометрическом представлении – перпендикуляра пирамидальной конструкции. Примечательно, что описываемые в олонхо широкие листья мирового дерева, похожие на «конские чепраки из шкур молодых кобылиц» [Там же, с. 49], в геометрии форм предстают усеченной пирамидой, олицетворяющей в культуре саха благодатную жизнь Среднего мира. По сегодняшний день в культуре народа сохраняется традиция к празднику ысыах украшать якутскую лошадь убранством «чепрак».

Принимая во внимание внутреннее трехмерное семиотическое пространство эпической модели мира, нельзя не заметить знаки композиции, откуда, на наш взгляд, берет свое начало национальное орнаментальное искусство. Согласно тезису В. Н. Топорова, именно семантические оппозиции, выступающие «первоначальными кирпичиками символических классификаций» (Е. М. Мелетинский), эволюционируют далее в различные виды орнаментов (к примеру, мотивы узоров «ураса» (те же зигзаги) – символы небосвода, квадраты – земли, ромбы – плодородия, спирали – символы движения и т. д.). Принято считать, что геометрические элементы в национальной орнаментике представляют собой наиболее древний пласт орнаментальной культуры. Символ креста, признанный такими исследователями, как У. Йохансен [2012], А. И. Гоголев [1980, с. 105–106] очень древним, по В. Н. Топорову, выводится из «символически самых значимых частей (мест) относительно сакрального центра модели» [Топоров, 2010, с. 84]. При этом центр креста совпадает с центром священного дерева.

«Культура вырабатывает особые механизмы, и загадка – один из таких механизмов, и в таком контексте загадка корнями своими связывается с самой ситуацией первотворения», – пишет В. Н. Топоров [1994, с. 19]. Можно предположить, что и в различных жанрах фольклора, якутском мифоритуальном комплексе, народных играх, гаданиях и т. д. имплицитно могут проследиваться форма и содержание эпической модели мира. При этом вертикальная структура пирамидальной конструкции мироздания, как правило, реконструирует космологическую схему, горизонтальная же – восстанавливает схему ритуала. Текстостроительная роль схемы-архетипа прежде всего угадывается в вопросно-ответной структуре загадок. Такая универсальность проследивается и в эпосе олонхо, а именно в вопросно-ответной форме повествования, которая проявляется в виде «формулы достоверности» [Семенова, 2006, с. 40]. Например: *Манньык утүө сирдээх-дойдулаах килһи / Барҕа баайа, торҕо*

тото / Ханныгый эбит диэн / Одуулаан-дьүүллээх көрдөххө – ... [Тимофеев-Теплоухов, 1985, с. 12] ‘Если, присмотревшись и поразмыслив, спросить себя: / Каково же должно быть изобилие, / Сколь велико богатство человека, / Владеющего такой прекрасной землей-страной?’ [Там же, с. 290], или: *Манна кэргэн билэтэ / Кимий диэн көрдөххө – ...* [Там же, с. 15], ‘Если присмотреться / И задать себе вопрос: / Есть ли у него семья, родня?’ [Там же, с. 293] и т. д.; за такими формулами логично следует ответ.

Отражение схемы-архетипа эпической модели мира как центрального символа «мифологической первоситуации» (М. Элиаде) фиксируется и в якутском мифоритуальном комплексе. В свое время Г. В. Ксенофонов назвал якутский праздник ысыах ритуалом первотворения¹. Заметим, что достаточно проработан вопрос связи сакральной сферы «порядка сотворения мира» не только с праздником ысыах, но и с обрядами, запретами, национальной хореографией, некоторыми жанрами фольклора, которые были полем научных интересов ряда современных исследователей (Е. Н. Романова, Л. И. Новгородова, Н. А. Стручкова, А. Г. Лукина, В. В. Филиппова и др.). Так, структура и семантика традиционного кругового танца осуохай, являющегося главным ритуальным действием праздника ысыах, также восстанавливает фрагменты генетической связи с моделью мира в вращательном движении. А. Г. Лукиной установлено, что композиционный рисунок танца – круг является символом непрекращающегося круговорота жизни, вечно продолжающегося возрождения [2006, с. 69]. На наш взгляд, архаичные элементы осуохая: трехкратные и девятикратные исполнения поклонов в начале, направление движения с востока на запад, а также вся его композиционная структура в целом (поклоны, шаги, «полет»), раскрывающие суть танца – поклонение божеству Юрюнг Айыы Тойону, олицетворяющему почитаемое якутами светило – Солнце [Сатанар, 2021, с. 266–285], логично вписываются в целостный пространственно-композиционный рисунок пирамидальной конструкции мироздания (в динамике – конусообразной), при котором верховное божество локализуется в высшей точке пирамиды (конуса), т. е. вершине геометрической модели. Интересно, что композиционный рисунок не менее важной обрядово-церемониальной части праздника ысыах – произнесения алгыс – обряда благословения, сопровождаемого ритуальным танцем *битии* ‘притоптываниями на одном месте’, также отражает соответствие геометрической модели мира в вертикальной проекции – в виде клина. Во главе клина располагался *Айыы ойууна* ‘Белый жрец’, произносящий алгыс. С правой и левой сторон от него располагались *битииситы*, которые выполняли функции крыльев шамана, олицетворявших путь вознесения, т. е. полета к высшим божествам Айыы. В ритуальном действии классический набор *битииситов* – восемь девушек и девять юношей представляет собой реализацию главных числовых констант эпической модели мира, репрезентирующих ориентировку на структурирование как горизонтального, так и вертикального пространства.

В заключении отметим, что, возможно, и в других культурных памятниках, будь то материальный артефакт, словесный текст или обрядовое действие и т. п., можно верифицировать соотнесение с эпической моделью мира олонхо – в структурном и семантическом аспектах, что экспликация архетипической схемы этим не исчерпывается. Важно осмыслить универсальный характер обозначенной модели, его роль в появлении новых, современных текстов национальной традиции, что и обозначает перспективы дальнейших исследований.

Список литературы

Большой толковый словарь якутского языка: в 13 т. / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2007. Т. IV: Буква К. 672 с.

Бурнашев И. И. Сын лошади Богатырь Дыырай. Якутск: Изд. дом СВФУ, 2013. 376 с.

Габышева Л. Л. Функции числительных в мифопоэтическом тексте (на материалах олонхо) // Язык, миф, культура народов Сибири. Якутск: Изд-во Якут. гос. ун-та, 1988. С. 78–92.

Габышева Л. Л. Семантика и структура текстов олонхо // Язык – миф – культура народов Сибири. Якутск, 1991. С. 61–78.

¹ Ксенофонов Г. В. Вопросы мифологии и религии. Рукопись. (Якутск, 1928) // Архив ЯНЦ, ф. 4, оп. 1, ед. хр. 63 (534 л.). Л. 86.

- Гаврильева Р. С. Кумысный чорон, миф и обрядовая поэзия якутов // Язык – миф – культура народов Сибири. Якутск, 1991. С. 79–91.
- Гоголев А. И. Историческая этнография якутов: Учебное пособие. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1980. 108 с.
- Ионова-Андросова М. Н. Олонхо, песни, этнографические заметки, статьи. Якутск: Кудук, 1998. 733 с.
- Йохансен У. Орнаментальное искусство якутов: историко-этнографическое исследование. Якутск: Дани-Алмаз, 2012. 184 с.
- Кулаковский А. Е. Научные труды. Якутск: Кн. изд-во, 1979. 484 с.
- Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века) // Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан: Кн. изд-во, 1983. 176 с.
- Лукина А. Г. Круговой танец осуохай: идеи, образы, символы // Вестник ЯГУ. 2006. № 4. С. 69–72.
- Мелетинский Е. М. От мифа к литературе: Учеб. пособие по курсу «Теория мифа и историческая поэтика повествовательных жанров». М.: РГГУ, 2000. 169 с.
- Неклюдов С. Ю. Мифологическая традиция и мифологические модели // Вестник РГГУ. 2011. № 4. С. 11–33.
- Ойунский П. А. Нюргун Боотур Стремительный: якутский героический эпос олонхо. Якутск: Кн. изд-во, 1975. 431 с.
- Петрова А. Г. Чорон. К проблеме семантико-функциональных особенностей ритуальных сосудов в традиционной культуре // Система ценностей современного общества. 2013. №32. С. 36–42.
- Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: в 3 т. Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 3. 3858 стлб.
- Сатанар М. Т., Илларионов В. В. Модель мира саха: семантика в ракурсе геометрии форм (на материале якутского эпоса) // Российский гуманитарный журнал. 2018. № 6. С. 471–481.
- Сатанар М. Т. К семиотической интерпретации мифологического образа древа Аал Луук мас в эпосе олонхо // Oriental Studies. 2020а. Т. 13. № 4. С. 1135–1154.
- Сатанар М. Т. Эпическая модель мира в якутском олонхо: структура и семантика: Дис. ... канд. филол. наук. Рукопись. (Якутск, 2020б). 192 с.
- Сатанар М. Т. Семантика мифологического образа Юрюнг Айыы Тойона в его первооснове (на материалах архаических текстов олонхо) // Научный диалог. 2021. № 7. С. 266–285.
- Семенова Л. Н. Эпический мир олонхо: пространственная организация и сюжетики. СПб.: Петербург. востоковедение, 2006. 232 с.
- Тимофеев-Теплоухов И. Г. Строптивный Кулун Куллустуур: олонхо. М.: Гл. ред. вост. лит., 1985. 608 с.
- Топоров В. Н. Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. М.: Индрик, 1994. 270 с.
- Топоров В. Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. Т. 1. 448 с.
- Хюбнер К. Истина мифа. М.: Республика, 1996. 448 с.
- Эргис Г. У. Очерки по якутскому фольклору. Якутск: Бичик, 2008. 400 с.
- Ядрихинский П. П. Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта. Олонхо. Якутск: Сайдам, 2011. 448 с.
- Якутский героический эпос. «Могучий Эр Соботох» / Сказитель В. О. Каратаев. Отв. ред. Н. А. Алексеев, Н. В. Емельянов. Новосибирск: Наука, 1996. 440 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

References

- Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka: v 13 t.* [A large explanatory dictionary of the Yakut language: in 13 vols.]. P. A. Sleptsov (Ed.). Novosibirsk, Nauka, 2007, vol. 4: Bukva K [Letter K], 672 p. (In Yakut, in Russ.).
- Burnashev I. I. *Syn loshadi Bogatyr' Dyyray* [Son of the horse Bogatyr Dyyray]. Yakutsk, Izd. dom SVFU, 2013, 376 p. (In Yakut, in Russ.).
- Ergis G. U. *Ocherki po yakutskomu fol'kloru* [Essays on Yakut folklore]. Yakutsk, Bichik, 2008, 400 p. (In Russ.).
- Gabysheva L. L. Funktsii chislitel'nykh v mifopoeticheskom tekste (na materialakh olonkho) [Functions of numerals in the mythopoetic text (based on olonkho materials)]. In: *Yazyk, mif, kul'tura narodov Sibiri* [Language, myth, culture of the peoples of Siberia]. Yakutsk, Yakutsk State University Publ. House, 1988, pp. 78–92. (In Russ.).
- Gabysheva L. L. Semantika i struktura tekstov olonkho [Semantics and structure of olonkho texts]. In: *Yazyk – mif – kul'tura narodov Sibiri* [Language, myth, culture of the peoples of Siberia]. Yakutsk, 1991, pp. 61–78. (In Russ.).
- Gavril'eva R. S. Kumysnyy choron, mif i obryadovaya poeziya yakutov [The koumiss choron, myth and ritual poetry of the Yakuts]. In: *Yazyk – mif – kul'tura narodov Sibiri* [Language, myth, culture of the peoples of Siberia]. Yakutsk, 1991, pp. 79–91. (In Russ.).
- Gogolev A. I. *Istoricheskaya etnografiya yakutov: Uchebnoe posobie* [Historic ethnography of Yakut: Tutorial]. Yakutsk, Izd-vo YaGU, 1980, 108 p. (In Russ.).
- Ionova-Androsova M. N. *Olonkho, pesni, etnograficheskie zametki, stat'i* [Olonkho, songs, ethnographic notes, articles.]. Yakutsk, Kuduk, 1998, 733 p. (In Yakut).
- Khyubner K. *Istina mifa* [Hübner K. Die Wahrheit des Mythos]. Moscow, Respublika, 1996, 448 p. (In Russ.).
- Kulakovskiy A. E. *Nauchnye trudy* [Scientific works]. Yakutsk, Kn. izd., 1979, 484 p. (In Russ.).
- Lindenau Ya. I. *Opisanie narodov Sibiri (pervaya pol. 18 veka)* [Description of the peoples of Siberia (the first half of the 18th century)]. In: *Istoriko-etnograficheskie materialy o narodakh Sibiri i Severo-Vostoka* [Historical and ethnographic materials on the peoples of Siberia and the Northeast]. Magadan, Magadanskoe kn. izd., 1983, 176 p. (In Russ.).
- Lukina A. G. Krugovoy tanets osuokhay: idei, obrazy, simvoly [Osuohai circular dance: ideas, images, symbols]. *Vestnik of YaSU*. 2006, no. 4, pp. 69–72. (In Russ.).
- Meletinskiy E. M. *Ot mifa k literature: Uchebnoe pos. po kursu "Teoriya mifa i istoricheskaya poetika povestvovatel'nykh zhanrov"* [From myth to literature: A textbook on the course "Theory of myth and historical poetics of narrative genres"]. Moscow, RSUH, 2000, 169 p. (In Russ.).
- Neklyudov S. Yu. Mifologicheskaya traditsiya i mifologicheskie modeli [Mythological tradition and mythological models]. *RSUH Bulletin*. 2011, no. 4, pp. 11–33. (In Russ.).
- Oyunskiy P. A. *Nyurgun Bootur Stremitel'nyy: yakutskiy geroicheskiy epos olonkho* [Nyurgun Bootur the Swift: Yakut heroic epic olonkho]. Yakutsk, Kn. izd., 1975, 431 p. (In Russ.).
- Petrova A. G. Choron. K probleme semantiko-funktsional'nykh osobennostey ritual'nykh sosudov v traditsionnoy kul'ture [Choron. On the problem of semantic and functional features of ritual vessels in traditional culture]. *Sistema tsennostey sovremennogo obshchestva*. 2013, no. 32, pp. 36–42. (In Russ.).
- Pekarskiy E. K. *Slovar' akutskogo yazyka: v 3 t.* [Dictionary of the Yakut language: in 3 vols.]. Leningrad, AN SSSR, 1959, vol. 3, 3858 p. (In Russ.).
- Satanar M. T. *Epicheskaya model' mira v yakutskom olonkho: struktura i semantika* [Epic model of the world in Yakut Olonkho: structure and semantics]. Cand. philol. sci. diss. Yakutsk, 2020b, 192 p. (In Russ.).
- Satanar M. T. K semioticheskoy interpretatsii mifologicheskogo obraza dreva Aal Luuk mas v epose olonkho [Towards a semiotic interpretation of the mythological image of the Aal Luuk mas tree in the Olonkho epic]. *Oriental Studies*. 2020a, vol. 13, no. 4, pp. 1135–1154. (In Russ.).
- Satanar M. T. Semantika mifologicheskogo obraza Yuryung Ayyy Toyona v ego pervoosnove (na materialakh arkhaiskikh tekstov olonkho) [Semantics of the mythological image of Yuryung Ayyy Toyon

in its primary basis (based on the materials of archaic texts of olonkho)]. *Nauchnyi dialog (Scientific Dialogue)*. 2021, no. 7, pp. 266–285. (In Russ.).

Satanar M. T., Illarionov V. V. Model' mira sakha: semantika v rakurse geometrii form (na materiale yakutskogo eposa) [The Sakha world model: semantics in the perspective of the geometry of forms (based on the material of the Yakut epic)]. *The Liberal Arts in Russia*. 2018, no. 6, pp. 471–481. (In Russ.).

Semenova L. N. *Epicheskiy mir olonkho: prostranstvennaya organizatsiya i syuzhetika* [The epic world of Olonkho: spatial organization and plot]. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie, 2006, 232 p. (In Russ.).

Timofeev-Teploukhov I. G. *Stroptivyy Kulun Kullustuur: olonkho* [Kulun Kullustuur The Obstinate: olonkho]. Moscow, Gl. red. vost. lit., 1985, 608 p. (In Yakut, in Russ.).

Toporov V. N. *Issledovaniya v oblasti balto-slavyanskoy dukhovnoy kul'tury: Zagadka kak tekst* [Research in the field of Balto-Slavic spiritual culture: A riddle as a text]. Moscow, Indrik, 1994, 270 p. (In Russ.).

Toporov V. N. *Mirovoe derevo: Universal'nye znakovye komplekсы* [The World Tree: Universal sign complexes]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi, 2010, vol. 1, 448 p. (In Russ.).

Yadrikhinskiy P. P. *Devushka-bogatyr' Dzhirybyna Dzhirylyatta. Olonkho* [The girl-hero Jyrybina Jyrylyatta. Olonkho]. Yakutsk, Saydam, 2011, 448 p. (In Yakut, Russ.).

Yakutskiy geroicheskiy epos "Moguchiy Er Sojotokh" [Yakut heroic epic "Mighty Er Sooth"]. V. O. Karataev (Narrator). N. A. Alekseev, N. V. Emel'yanov (Eds). Novosibirsk, Nauka, 1996, 440 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East]). (In Yakut, in Russ.).

Yokhansen U. *Ornamental'noe iskusstvo yakutov: istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [Ornamental art of Yakuts: a historical and ethnographic study]. Yakutsk, Dani-Almaz, 2012, 184 p. (In Russ.).

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
01.10.2021*

Сведения об авторе

Сатанар Марианна Тимофеевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Научно-исследовательского института Олонхо Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова (Якутск, Россия)

E-mail: satanar68@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3546-7343

Information about the Author

Marianna T. Satanar – Candidate of Philology, Researcher, Olonkho Research Institute, Ammosov North-Eastern Federal University (Yakutsk, Russian Federation)

E-mail: satanar68@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3546-7343

УДК 398.224(=1.571–81)
DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-111-118

Военная культура в героических сказаниях народов Сибири и Дальнего Востока

С. А. Унру

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация

Автор статьи анализирует героические сказания народов Сибири и Дальнего Востока, в которых нашли отражение исторические факты межэтнических контактов, носивших как мирный, так и конфликтный характер. В устном народном творчестве разных северных этносов, при всех обусловленных этнокультурными и историческими факторами отличиях сюжета, обнаруживается сходство, поднимающее этническое содержание на уровень общечеловеческих ценностей. Это сходство касается военной культуры, которая рассмотрена автором на примере фольклора тунгусо-маньчжурских, обско-угорских и палеоазиатских народов. Эпические произведения транслируют осознание этносом вреда, приносимого войной. Высокие по статусу персонажи призывают к миру и прекращению войн. Через описание этики ведения военных действий, формулы призыва к миру фольклор формирует культуру межэтнического взаимодействия.

Ключевые слова

коренные народы Сибири и Дальнего Востока, героические сказания, межэтнические контакты, военная культура, традиционная этика

Для цитирования

Унру С. А. Военная культура в героических сказаниях народов Сибири и Дальнего Востока // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 2 (вып. 42). С. 111–118. DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-111-118

Military culture in the heroic epics of the peoples of Siberia and the Far East

S. A. Unru

The Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract

The paper studies the military culture of indigenous peoples in heroic epos of the Tungus-Manchurian, Ob-Ugric, and Paleo-Asiatic peoples. The Evenki folklore reflects the period of wars with Changites and Deptygirs. The descriptions of the bogatyr's battles with enemies show a special formula condemning the confrontation. High-status characters warn the warriors of their responsibility to the spirits for the destruction. In Chukchi and Koryak folklore, some peoples unite to fight against others for land and deer herds. The heroes protect the community and family honor by following the custom of blood feuds. There are still legends about wars and ancestors' attempts to make a truce. The main Khanty and Mansi heroic tales are about the military campaigns for matchmaking or blood feuds, fights for deer, and territorial claims, the plots often ending with a peace agreement. Also, the battle could be for deer herds, grazing, prisoners, often resulting in bloodshed. One enemy would be left alive to inform tribesmen about the end of the war. The legends describe peace agreements confirmed by a joint meal. Folklore translates the peaceful life value and condemns war. The relations of Siberian and Far Eastern ethnic groups have been developing for centuries. They share the history of struggle for territories and resources, marriage and trade relations, heroic competitions. Northern ethnic

© С. А. Унру, 2021

ISSN 2312-6337
Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 2 (вып. 42)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2021. No. 2 (iss. 42)

legends tell about the contacts and wars with the nearest neighbors and the importance of peaceful coexistence. The folklore descriptions of military ethics and formulas calling for peace form a culture of inter-ethnic interaction.

Keywords

indigenous peoples of Siberia and the Far East, heroic epos, interethnic contacts, military culture, traditional ethics

For citation

Unru S. A. Voennaya cultura v geroicheskikh skazaniyah narodov Sibiri i Dalnego Vostoka [Military culture in the heroic epics of the peoples of Siberia and the Far East]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2021, no. 2 (iss. 42), pp. 111–118. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-111-118

Фольклор является ценным источником изучения военной культуры народов Сибири и Дальнего Востока. В устном народном творчестве нашли отражение исторические факты межэтнических контактов, которые носили как мирный, так и конфликтный характер. Изучая героические сказания разных по происхождению северных этносов, при всех обусловленных этнокультурными и историческими факторами отличиях сюжета можно обнаружить сходство, поднимающее этническое содержание на уровень общечеловеческих гуманистических ценностей. Это сходство касается военной культуры, которую мы рассмотрим на примере фольклора тунгусо-маньчжурских, обско-угорских и палеоазиатских народов.

В эвенкийском фольклоре отражен период войн с конкретными историческими племенами – чангитами и дептыгирами [Воскобойников, 1965, с. 22]. Представления о враге связаны с исчезнувшими народами, которые когда-то были противниками эвенков. Иноплеменники проявляют коварство, нападая во сне, опоив героя или соблазнив его сестру. Фольклорные произведения транслируют осознание этносом вреда, приносимого войной. В описаниях битв богатырей с врагами присутствует особая формула, порицающая противостояние. В сказании «Иркисмондя – богатырь» описываются разрушительные последствия битвы: разбегаются дикие звери, не размножается домашний скот, не растут деревья, вянет трава, не выдерживают больные и слабые, не рождаются дети. К прекращению битвы призывает царь эвенков: «Услышав о таком разрушении, пришел родившийся на верхней земле глава далекой страны, князь великого города, царь эвенков и ласковыми словами начал их уговаривать, прося: <...> “Вы произвели в этих местах неисчислимые разрушения, поэтому и послушайте мои слова. Если не послушаетесь, не выдержит дух-хозяин этой глинистой страны. Если он рассердится, наверняка будет худо. Вы сами не сможете искупить свою вину за разрушения! Поэтому, несмотря ни на что, кончайте [битву]”, – говорит» [Романова, Мыреева, 1971, с. 233]. Увещевают богатырей закончить сражение высокие по статусу персонажи, которые предупреждают об ответственности перед духом-хозяином за произведенные разрушения. Старшая дочь солнца Симэксин-старуха сказала: «...Какими бы вы ни были сильными богатырями, не завидуйте силе друг друга. Если кто из вас и одолеет [другого], все равно не возместит тот ущерб, который вы причинили... Не переоценивайте себя, пожалейте растительность, малых детей и бесчисленный скот всех трех Сибирь-земель! <...> Если же не прислушаетесь к моей просьбе, [то] мы вместе с разрушенной вами землей обвиним [вас] так, что вы пожалеете!» [Там же, с. 234].

В преданиях эвенков транслируется запрет на убийство: побежденный Ирэглинде говорит, что победитель опорочит свое безвинное имя, убив человека. «Хуркокчон верхней земли, подожди, послушай! Мои страстные слова пойми разумом, прочувствуй нутром, раскрой уши! За какую вину ты так расправился со мной? Я никогда плохого тебе не делал. Ведь человек-аи не должен убивать человека-аи! Говорят, большой грех, если он убьет. Поэтому не лишай меня жизни. Теперь я с тобой не буду спорить. Меня не убивай» [Там же, с. 257].

Чукотские предания о военных столкновениях («времен раздоров вести») дают представление о военной культуре целого ряда народов. Многовековое соседство чукчей, эскимосов, коряков, ительменов, кереков, чавчуменов обусловило их постоянные контакты. Это не только взаимобластные отношения и торговый обмен, но и конфликтные ситуации, где одни народы объединяются в борьбе против других за уголья и стада оленей. Герои преданий защищают честь общины или семьи, соблюдая обычай кровной мести, что приводит к нескончаемому кровопролитию.

А. К. Нефедкин выделяет «два стереотипа ведения войны: 1) против хорошо знакомых соседних народов, с которыми старались воевать “цивилизованными” средствами: войну объявляли заранее, давали время на подготовку к бою, иногда отпускали пленных; 2) против постоянных врагов, к которым испытывали закоренелую ненависть; с ними вели войну на поражение: предпочитали нападать неожиданно, убивали пленных мужчин, а женщин и детей уводили в рабство» [2003, с. 216]. В большинстве чукотских героических сказаний, посвященных столкновениям с коряками, преобладает первый стереотип ведения войны. Например, в одном из рассказов, когда Элленут с отрядом подъезжает к селению таньгов (врагов, иноплеменников), его радушно встречают и угощают едой перед боем.

Фольклор свидетельствует о сложных взаимоотношениях чукчей и коряков. В сказаниях о Кунлелю, записанных В. В. Лебедевым, содержится информация о мирном сосуществовании двух народов: «Кунлелю был старший из братьев. Кочевали они тогда в низовьях реки Великой на южном берегу Анадырского лимана. Там были их земли, все остальное считалось таньгитское. Однако некоторые чукчи кочевали с таньгит. После первой войны, когда Кыты был, все помирились. Хорошо жили» [Лебедев, Симченко, 1983, с. 98]. Хрупкий мир нарушается провокатором, который планировал получить выгоду от столкновения чукчей и коряков. В сборнике О. Е. Бабозиной «Сказки Чукотки» опубликовано сказание «Три друга», в котором описывается борьба Кунлелю с коварным таньгитом, который спровоцировал столкновения между чукчами и таньгитами после установившихся мирных отношений, за что и был наказан. Найдя виновного, отряд Кунлелю расправляется с ним и его людьми, наступает мир: «Пришли они в селение, связали Мотлынто. <...> Заставили его стадо гнать с завязанными руками. <...> Так они мстили человеку, который всех обманул, большое зло сделал <...> Гонит Мотлынто свое же стадо. Потому что очень на него чукчи рассердились. Мстят ему за предательство, за обман. Из-за него столько невинных людей погибло! Прибыли наконец домой. Там убили Мотлынто. И с тех пор стали жить без войн. Совсем перестали воевать» [Сказки Чукотки, 1958, с. 145].

В другом варианте сказания о Кунлелю, опубликованном в сборнике «Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки», герою и его братьям приходится несколько раз отбивать нападение врагов, но храбрость и превосходство сил чукотских воинов приводит к миру: «Видят враги, не справиться им с Кунлелю. Примирились они с этим. Перестали приходить, не стало больше войн. Стали все мирно жить» [Сказки и мифы народов Чукотки..., 1974, с. 301].

Таким образом, Кунлелю – предок чукчей – является поборником справедливости, мстителем за невинно убитых людей и миротворцем. Кунлелю и его братья защищают обездоленных, уничтожают провокатора и кровожадных воинов, которые разрушают все на своем пути. Причем порок наказывается независимо от того, кем он представлен – чукчей-соплеменником или коряком.

Часто последнего оставшегося в живых врага отправляют домой с целью извещения остальных, чтобы больше не вели войн с чукчами. Так заканчивается сказание об охотнике Кэчгынтававе: «Утром, как рассвело, нагрузил охотник своего пленника мясом и повел к себе домой. Привел, жена-старуха не велит пленника убивать, говорит: – Нельзя его убивать. Отпусти его лучше и накажи ему, чтобы передавал всем своим людям – пусть перестанут грабить и убивать чавчувенов. Охотились бы лучше, рыбу ловили, травы и коренья собирали. Многих наших людей танги ограбили, на голодную смерть обрекли. <...> Отпустил пленника через три дня. С тех пор танги стали реже нападать. Многие таких врагов отпускали. А потом танги и совсем перестали разбойничать» [Там же, с. 490].

В трудах В. Г. Богораза зафиксированы тексты о сражениях с отрядами русских казаков [Антропова, 1957, с. 186]. Герой одного из сказаний, изданных в сборнике «Сказки и мифы народов Чукотки», оленевод Лявтылевал, благородно отпускает побежденного в единоборстве соперника. Причиной войны стало стадо оленей, угнанное врагами. Нападавшие проучены и в следующий раз обходят ярангу стороной [Сказки и мифы народов Чукотки..., 1974, с. 310–312]. Отпускают последнего выжившего и в корякском сказании «Ымка», в финале враги решают прекратить войны [Там же, с. 470].

Несмотря на воинственный характер персонажей, в героических сказаниях палеоазиатских народов так же, как и в эвенкийских сказаниях, звучат слова о вреде войн и сражений и призыв прекратить их: «Вельвынэлевый очень ловок был, храбрый мужчина. <...> Вельвынэлевый был очень богатый оленевод. <...> И вот была в старину война. Потому что эти три брата на всех страх наводили. Всех мужчин бивал Вельвынэлевый. Но бедного, безоленного, не имеющего одежды он не трогал. Наоборот, давал ему шкур, мяса, оленины и говорил: – Это ведь товарищ! Когда придут враги, будет нам помогать.

<...> И действительно, пришли враги. И действительно, помогли Вельвынэлевиту товарищи. Очень ловок Вельвынэлевит. И братья его очень ловки. Победил Вельвынэлевит, всех врагов убил [Сказки и мифы народов Чукотки..., 1974, с. 307–308]. Вот с этих пор и не стало войн. Вельвынэлевит говорит: – Если будем еще воевать, совсем не станет мужчин. Хватит, перестаньте воевать! В войне ничего хорошего нет. Одно только плохое. Пусть с этих пор все мужчины будут друзьями! А то жены, дети, девочки, мальчики от голода умирают, когда воюют отцы. Так прекратились войны» [Там же, с. 310].

Героическое сказание о борьбе оленевода Лявтылевала против пришельцев-захватчиков «с противоположного берега Колымы» также закончится призывом людей к миру, к прекращению войн: «С этих пор перестал воевать Лявтылевал. Говорит: – Хватит нам воевать! Со всеми этими мужчинами будем дружно жить. Если долго воевать, то оставшимся в живых и детям нашим плохо будет после войны: ни друзей, ни земли, ни мужчин у них не будет. Послушайте меня, перестаньте воевать! Пусть будет с этих пор всем хорошо! Вот с тех пор войны прекратились» [Сказки и мифы народов Чукотки..., с. 312].

Гуманитарную миссию несет Кытгы – сестра героя чукотских сказаний Кунлелю, призывая к прекращению войн всех людей, в стойбища которых приходит: «Поверили кереки. Вырыли ей возле полога яму, приготовили место, где прятаться. Так она и жила. Женился на ней один керек. Она там и родила в яме. Родила девочку. А когда стали враги приближаться, убежала. Куда ни придет, везде ее прячут. Опять на ней кто-нибудь женится. И опять она родит. Как только родит, говорит тамошним: – Никогда вам не победить Кунлелю. Давайте-ка лучше перестанем воевать! Хватит! Пусть все люди живут в мире! Ведь Кунлелю и его товарищи ловкие, ничего вы с ними не сделаете. Пусть люди дружат! Когда обошла она всю землю, только тогда наступил мир. Куда бы она ни приходила, женились на ней, а она рожала. Обошла всю землю. И прекратилась война. Прославилась Кытгы, сестра Кунлелю. Стали ее называть “Кытгы-создающая”. Кытгы не любила войны. Всё» [Сказки и мифы народов Чукотки..., с. 312–313]. Жизнь и созидание символически противопоставлены здесь смерти и разрушению, а женщина, объединившая враждующих кровными узами, является аллегорией мира.

Сказания о войнах и попытках предков заключить перемирие бытуют среди чукчей до сих пор. Студентке института народов Севера РГПУ им. А. И. Герцена С. Асадовой удалось записать ряд таких сказаний и издать их. В одном из них говорится о неудачной попытке враждебных племен заключить перемирие: «... в давние времена родовые племена вели между собой войны за пастбища. Много людей погибло. Племена беспощадно убивали друг друга. Вожди племен решили прекратить эти бессмысленные войны и договорились собраться на свободной земле, чтобы провести переговоры. Для этого они выбрали маленькую сопочку в долине возле Ушканского хребта. В назначенный день вожди собрались в условленном месте. Они уселись на землю в круг, положив руки на колени, чтобы все видели, что оружия ни у кого нет. В самый разгар переговоров, когда вроде бы уже договорились о мире, один из вождей позволил себе с насмешкой, непочтительно отозваться о вожде другого племени. Оскорбленный сын вождя метнул в обидчика копьё. Тут же все забыли, для чего собрались. Началась страшная резня. Мало кто остался тогда живым. Очевидцы рассказывали, что вся земля на этой маленькой сопке была залита кровью» [Асадова, 2010, с. 54]. В сказании отражено осознание бессмысленности войны, необходимости прекратить кровопролитие.

В фольклоре палеоазиатских народов герои часто проявляют хитрость в войнах с другими народами, сказания подробно описывают вооружение противоборствующих сторон, тренировки воинов, заключение союзов с теми или иными племенами, предательства и провокации, нарушающие мир. Причиной столкновений являлись олени стада, пастбища, захват пленных, кровная месть. Герои, как и в эвенкийском эпосе, призывают к миру.

Военная культура обских угров, имеющая свою историческую специфику, также хорошо представлена в фольклоре. Не всегда мирные контакты хантов и манси с ненцами, селькупам, русскими, коми-ижемцами отражены в героических сказаниях и сказках. Основные темы героических сказаний – это военные походы богатырей с целью сватовства либо кровной мести, столкновения из-за оленей, а также на почве территориальных претензий. Обычно в фольклоре обских угров зачинщиками войны выступают именно ненцы. В сказании «Нападение ненцев» война заканчивается перемирием, но все ненецкое стойбище «в сто чумов» вымирает от неизвестной болезни. В первой части сказания предугадывающая невестка, заметив ненцев, предупреждает мужа и готовит лодку к отступлению, осталь-

ные ханты погибли в схватке с ненцами: «Давно люди между собой воевали. Люди ездили на Обь ловить рыбу. На Казыме решили ночевать. Вечером невесту взяли с Оби, она говорит свекрови: – Когда разводили костер, двоих с кольчугами видела. Свекровь ругаться стала: – Зачем народ пугать, чего болтаешь. А когда спать легли, мужу сказала: – Не спи, сходи лодку приготовь. ... Не спят, смотрят, с яра стали люди спускаться. С мужем побежали в лодку, перешли реку и на гриве скрылись. Всех оставшихся убили. После этого казымские ханты и северные ненцы поклялись (имеется в виду клятва не воевать друг с другом)» [Земля Кошачьего Локотка, 2001, с. 118].

В предании «Чипэн-ку» о набеге народа Ахыс-ях на хантов мирный исход объясняется могуществом хантыйского шамана, напугавшего врагов своими шаманскими фокусами. «Ахыс-ях приехали. Один мужик с женой жил, он Чипэн-ку, колдун. Ахыс-ях зашли, их семеро. <...> Раз смотрят – глаза из пола. Они боятся:

– Убирай змей!

Чипэн-ку говорит:

– Вы же воевать пришли.

– Мы по-доброму пришли, не воевать.

Всё исчезло».

Затем шаман наслал на пришельцев лебедя и двух медведей, после чего испуганные ахыс-ях предлагают откуп: «Главный среди Ахыс-ях говорит:

– Поезжай ко мне на нарте, двух быков, шкуру, кумыш, малицу и кисы — всю одежду сделаем, поезжай к нам».

Шаман требует прекратить нападения: «Если вам жить хочется, уезжайте назад. Дальше еще один колдун сильнее меня есть». Сказание заканчивается тем, что испуганные Ахыс-ях возвращаются назад [Мифы, предания, сказки хантов и манси, 1990, с. 174–175].

Как отмечает Н. В. Лукина, ссылаясь на «Материалы по фольклору хантов», в преданиях обских угров «присутствует и мотив замирения», а в некоторых рассказах даже подчеркивается, что «остяки с Ермаком не воевали» [Лукина, 1990, с. 50]. Вообще современному населению присуще понимание необходимости жить мирно. Один из рассказчиков так заканчивает повествование о прошлых военных столкновениях: «Сейчас ненцы, ханты — все вместе живут» [Там же].

По данным фольклора, нападая на манси, ненцы отбирали оленей, а детей и женщин уводили в плен. Известно, что для прекращения войны между остяками и самоедами была заключена «клятва вечного мира», скрепленная человеческой кровью и совместной трапезой у священной лиственницы [Манси махум..., 2015, с. 173] После этого военные конфликты стали утихать и постепенно сошли на нет. Как отмечает Т. Д. Слинкина, «манси, на основе исторической памяти, недружелюбно относились к ненцам, но теперь живут рядом, создают семьи» [Там же].

Мировым соглашением заканчивается сказание «Богатырь и связной», которое повествует о столкновении с селькупамы богатыря-предка хантов р. Васюган. Пришельцы захватили жену героя: «Обские Ас-ях пришли, у него жена красивая была, ее захватили. Он нырнул, на той стороне Нюрольки вынырнул» [Мифы, предания, сказки хантов и манси, 1990, с. 169] Похищенная женщина показывает мужу дорогу метками и хитростью вынуждает похитителя снять шапку, чтобы в голову попала стрела: «Обской богатырь говорит жене этого богатыря:

– В голове ищи!

Голову ей на колени положил, она говорит:

– Шапкуними! <...> Он снял шапку, тот его из самострела убил. Одного богатыря оставил, говорит:

– Не ходите больше сюда» [Там же].

Как и в чукотском героическом эпосе, в хантыйском отражена традиция оставлять одного воина противоборствующей стороны в живых, чтобы он сообщил остальным о прекращении набегов. Противостояние заканчивается мировым соглашением: «Опять Ас-ях пришли. Говорят:

– Попался!

– Обождите! <...>

Под чувалом у него выход был, он вылез и убежал. Позвал богатырей. <...> Эти сидят в избе, ждут. Мировую сделали. Вина тогда не было, мухоморы съели, а Анкаля не ест. Те все уснули. Он каждому кинжал к горлу приставляет:

– Всех бы зарезал, если бы не мировая. Всех я обхитрил!» [Там же].

Война хантов с русскими, завершающаяся миром по приказу Белого царя, описывается в сказании «Золотоволосый Царь». Сюжет сказания основан на вероломстве жены остяцкого царя, предавшей мужа ради богатыря из войска, пришедшего с далекого моря. Не имея возможности победить предводителя хантов в открытом бою, богатырь вражеского войска подговаривает жену богатыря надрезать его лук и нападает ночью. Беззащитного предводителя хантов легко убивают: «Тогда войска отрезали ему голову с золотыми волосами и увезли ее далеко, за большие воды, на край моря, к другому белому царю – “Наги-кан”» [Шатилов, 1931, с. 25]. Белый царь недоволен убийством остяцкого царя и прекращает войны: «Увидал “Наги-кан” голову с золотыми волосами и разгневался, загремел оружием и говорит: “войска мои, зачем вы убили его, лучше бы живым взяли и привезли ко мне, а то остяцкого царя убили, золотоволосого остяцкого царя “–Сарнянг-автав-кантах-кан” убили!»

И велел царь казнить те войска, и поклялся больше не воевать в тех местах» (сохранено оформление текста источника. – С. У.) [Там же].

По материалам обско-угорского фольклора, конфликты хантов и манси с народами, проживающими на соседних территориях, основывались на похищении женщин, спорах из-за оленей и территорий. Герои хантыйского эпоса постоянно проявляют различные хитрости в военных действиях: разведка, захват врага врасплох, убийство во сне, поджог, заманивание в ловушку, побег через потайной выход, выдача себя за другого человека. Хитрость у хантов приравнивается к мудрости [Сказки, предания и былички..., 2012, с. 27]. Богатыри оставляют в живых последнего врага, чтобы он сообщил своим о прекращении войны. В преданиях описываются мирные соглашения на основе «клятвы вечного мира», скрепленной кровью и совместной трапезой.

Таким образом, в сказаниях народов Сибири и Дальнего Востока транслируется ценность мирной жизни, порицается война. Отношения множества народов, проживавших на территории Сибири и Дальнего Востока, складывались столетиями; этносы связывает история борьбы за территории, брачных и торговых отношений, богатырских состязаний. Фольклор северных народов сохранил не только память об истории контактов с ближайшими соседями и войнах с ними, но и представления о важности мирного сосуществования. Через описание этики ведения военных действий, формулы призыва к миру фольклор формирует культуру межэтнического взаимодействия. В результате каждый этнос находит свое место в мире и те способы адаптации, которые позволяют ему успешно существовать в полиэтничной среде и творить свою историю на протяжении столетий.

Список литературы

Антропова В. В. Вопросы военной организации и военного дела у народов Крайнего Северо-востока Сибири // Сибирский этнографический сборник. М.; Л., 1957. Т. 2. 245 с.

Асадова С. Сказки бабушки Тымнеквыной. М.: Детство. Отрочество. Юность, 2010. 63 с. (На рус. и чукот. яз.).

Баландин А. Н. Язык маньсийской сказки / Под ред. А. И. Емельянова; Главсевморпуть при СНК СССР, Науч.-исслед. ассоциация Ин-та народов Севера им. П. Г. Смидовича. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939. 80 с.

Воскобойников М. Г. Бытовые предания эвенков // Языки и фольклор народов Крайнего Севера: Сб. статей / Отв. ред. М. Г. Воскобойников. Л.: Б. и., 1965. С. 63–108. (Ученые записки Ленинград. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена; Т. 269).

Земля Кошачьего Локотка = Кань Куни Олду / Сост. Тимофей Молданов. Томск: Изд-во ТГУ, 2001. Вып. 2. 244 с. (На хант. и рус. яз.).

Лебедев В. В., Симченко Ю. Б. Ачайваямская весна. М.: Мысль, 1983. 143 с.

Лукина Н. В. Предисловие // Мифы, предания, сказки хантов и манси: Пер. с хантыйского, маньсийского, немецкого языков / Сост., предисл. и примеч. Н. В. Лукиной, под общ. ред. Е. С. Новик. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит., 1990. С. 5–58. (Сказки и мифы народов Востока).

Маньси махум пёс йис эргыт = Старинные песни народа манси. В записи Берната Мункачи, 1888–1889 гг.: Науч. издание / Авт.-сост. Т. Д. Слинкина, отв. ред. Е. И. Ромбандеева. Ханты-Мансийск: Югорский формат, 2015. 232 с. (На манс. и рус. яз.).

Мифы, предания, сказки хантов и манси: Пер. с хантыйского, мансийского, немецкого языков / Сост., предисл. и примеч. Н. В. Лукиной, под общ. ред. Е. С. Новик. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит., 1990. 568 с. (Сказки и мифы народов Востока).

Нефедкин А. К. Военное дело чукчей (середина VII – начало XX в.). СПб.: Петербург. востоковедение, 2003. 93 с.

Романова А. В., Мыреева А. Н. Фольклор эвенков Якутии / Под ред. Г. М. Василевич. Л.: Наука, 1971. 334 с.

Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки (азиатские эскимосы, чукчи, кереки, коряки и ительмены) / Сост., предисл. и примеч. Г. А. Мелетинского. М.: Наука, 1974. 645 с.

Сказки, предания и былички верхнесосьвинских манси / Авт.-сост. М. В. Кумаева. Ханты-Мансийск: Юграфика, 2012. 176 с.

Сказки Чукотки / Записала О. Е. Бабошина; под ред. и с предисл. Д. Нагишкина. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1958. 263 с.

Шатилов М. Б. Ваховские остяки: (Этнографические очерки). Томск: Издание Томского Краевого Музея, 1931. 285 с. (Труды Томского Краевого Музея; Том IV).

References

Antropova V. V. Voprosy voennoy organizatsii i voennogo dela u narodov Kraynego Severo-vostoka Sibiri [Questions of military organization and military affairs among the peoples of the Far North-East of Siberia]. *Sibirskiy etnograficheskiy sbornik* [Siberian ethnographic collection]. Moscow, Leningrad, 1957, vol. 2, 245 p. (In Russ.).

Asadova S. *Skazki babushki Tymnekvynoy* [Tales of granny Tymnekvyna]. Moscow, Childhood, Adolescence, Youth, 2010, 63 p. (In Russ., in Chukchi).

Balandin A. I. *Yazyk mansiyskoy skazki* [The language of the Mansi tale]. A. I. Emel'yanov (Ed.). Moscow, 1939, 78 p. (In Russ.).

Lebedev V. V., Simchenko Yu. B. *Achayvayamskaya vesna* [Achaivayam spring]. Moscow, 1983. 143 p. (In Russ.).

Lukina N. V. Predislovie [Introduction]. In: *Mify, predaniya, skazki khantov i mansi* [Myths, legends, tales of the Khanty and Mansi]. Per. s khantyyskogo, mansiyskogo, nemetskogo yazykov. Compilation, preface and notes by N. V. Lukina, general edition by E. S. Novik. Moscow, Nauka, 1990, 568 p. (Skazki i mify narodov Vostoka [Tales and myths of the peoples of the East]). (In Russ.).

Mansi mahum pes yis ergyt = Starinnye pesni naroda mansi. V zapisi Bernata Munkachi, 1888–1889 gg. [Ancient songs of the Mansi people. In the notes of Bernat Munkachi, 1888–1889]: scientific edition. Auth.-comp. T. D. Slinkina; ed. by E. I. Rombandeeva. Khanty-Mansiysk, Yugra format, 2015, 231 p. (In Mansi, in Russ.).

Mify, predaniya, skazki khantov i mansi [Myths, legends, tales of Khanty and Mansi]. Per. s khantyyskogo, mansiyskogo, nemetskogo yazykov. Compilation, preface and notes by N. V. Lukina, general edition by E. S. Novik. Moscow, Nauka, 1990, 568 p. (Skazki i mify narodov Vostoka [Tales and myths of the peoples of the East]). (In Russ.).

Нефедкин А. К. *Voennoe delo chukchey (seredina VII – nachalo XX v.)* [Warfare of the Chukchi (mid XVII – early XX centuries)]. St. Petersburg, 2003, 93 p. (In Russ.).

Romanova A. V., Myreeva A. N. *Fol'klor evenkov Yakutii* [Folklore of Evenki of Yakutia]. Leningrad, Nauka, 1971, 330 p. (In Russ.).

Шатилов М. Г. *Vakhovskie ostyaki: (Etnograficheskie ocherki)* [Vakhovsky ostyaks (Ethnographic essays)]. S. Parkhimovicha (Ed.). Tomsk, Izdanie Tomskogo Kraevogo Muzeya, 1931, 285 p. (Trudy Tomskogo Kraevogo Muzeya; T. 4 [Works of the Tomsk Regional Museum, vol. IV]). (In Russ.).

Skazki Chukotki [Tales of Chukotka]. Collect. by O. E. Baboshina; ed. by D. Nagishkina. Moscow, Gos. izd-vo khud. lit-ry, 1958, 262 p. (In Russ.).

Skazki i mify narodov Chukotki i Kamchatki (aziatskie eskimosy, chukchi, kereki, koryaki i itel'meny) [Tales and myths of the peoples of Chukotka and Kamchatka (Asian Eskimos, Chukchi, Kereks, Koryaks and Itelmen)]. Moscow, Nauka, 1974, 645 p. (In Russ.).

Skazki, predaniya i bylichki verkhnesos'vinskikh mansi [Fairy tales, legends and stories of Upper Sosva Mansi]. M. V. Kumaeva (Author-comp.). Khanty-Mansiysk, Yugrafika, 2012, 176 p. (In Russ.).

Voskoboynikov M. G. Bytovye predaniya evenkov [Household legends of the Evenki]. In: *Yazyki i fol'klor narodov Kraynego Severa* [Languages and folklore of the peoples of the Far North]. M. G. Voskoboynikov (Ed.). Leningrad, 1969. 266 p. (In Russ.).

Zemlya Koshach'ego Lokotka = Kan' Kunsh Oläj [The Land of the Cat's Elbow]. Timofey Moldanov (Comp.). Tomsk, 2001, iss. 2, 244 p. (In Khanty, in Russ.).

Сведения об авторе

Унру Софья Александровна – кандидат культурологии, доцент, Институт народов Севера Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: nkult@yandex.ru

ORCID 0000-0002-4567-8910

Information about the Author

Sofya A. Unru – Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Institute of the Peoples of the North, The Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russian Federation)

E-mail: nkult@yandex.ru

ORCID 0000-0002-4567-8910

ЭТНОМУЗЫКОВЕДЕНИЕ

УДК 398.21(=512.142)
DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-119-130

Сказка о жадном мышонке в фольклоре северных хантов

Г. Е. Солдатова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

Статья посвящена исследованию образцов хантыйского фольклора, объединенных сюжетом о жадном мышонке. Материал, отобранный в основном из открытых интернет-источников, включает 16 образцов, 13 из которых снабжены не только расшифровками текста и переводами, но и аудиозаписями; 11 образцов поются. Автором проанализированы сюжеты, уточнена жанровая атрибуция, выполнена схематичная нотация напевов, сравнение напевов друг с другом, сопоставление напевов и сюжетов. Выявлено два употребительных сюжета, один из которых («Лопнувший живот») устойчиво сочетается с напевом 1. Мелодии сказок и песен о мышонке отличаются однострочной структурой (две изотемпоральные полустроки), наличие ритмоформул, преобладание пятиступенной диатоники. Ритмо-мелодические клише из сказок о жадном мышонке используются и в мифопоэтических песнях медвежьего праздника. К единственному сказочному напеву, отличающемуся от остальных, найдена аналогия в фонографических записях А. Каннисто (начало XX в.): песня мыши из сценки медвежьего праздника вогулов.

Ключевые слова

ханты, сюжеты сказок, сюжет о жадном мышонке, электронные ресурсы по фольклору, фольклор обских угров, этномузыковедение

Для цитирования

Солдатова Г. Е. Сказка о жадном мышонке в фольклоре северных хантов // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 2 (вып. 42). С. 119–130. DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-119-130

The tale about a greedy mouse in the folklore of the Northern Khanty

G. E. Soldatova

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the study of samples of Khanty folklore, united by a plot about a greedy mouse. The material was found in open sources of the Internet and in publications. The study included 16 samples, 13 of them were provided with audio recording, 11 were performed with singing. The author has completed a description and comparison of plots, clarified the genre of the texts, described and schematically notated the melodies, compared the melodies with each other, compared the melodies and plots. As a result, two main plots were identified: «The Swallowed Mouse» and «Bursting Belly». Of the 16 samples, four relate to song genres, 12 – to fairy tales that are told or sung. Comparison of the lyrics and melodies showed that the plot “Bursting Belly” is constantly combined with melody number 1. Melodies of fairy tales and songs about the mouse have a number of features in common. They are distinguished by a one-line structure (two isotemporal half-lines), the presence of rhythmic formulas, the predominance of a five-step diatonic. Rhythmic-melodic clichés from the tales of the greedy mouse are also character-

© Г. Е. Солдатова, 2021

ISSN 2312-6337
Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 2 (вып. 42)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2021. No. 2 (iss. 42)

istic of the mythoepic songs (stories about the bear) of the Bear-Feast. A historical analogy is found for the only fairytale melody that differs from the others. This is a close version of the mouse song melody from the performance at the Vogul Bear-Feast. The melody was recorded by A. Kannisto on a phonograph at the beginning of the 20th century, the score was made and published by A. Väisänen in 1937.

Keywords

Khanty, plots of tales, a plot about a greedy mouse, electronic resources on folklore, folklore of the Ob Ugrians, ethnomusicology

For citation

Soldatova G. E. Skazka o zhadnom myshonke v fol'klore severnyh hantov [The tale about a greedy mouse in the folklore of the Northern Khanty]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2021, no. 2 (iss. 42), pp. 119–130. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-119-130

Настоящая статья продолжает исследование взаимодействия слова и музыки в хантыйской сказке [Солдатова, 2020]. Она посвящена рассмотрению группы текстов, объединенных популярным у обских угров сюжетом о жадном мышонке. **Цель** данной работы – характеристика сказочного сюжета, существующего в разных формах исполнения (речевой и вокальной), с точки зрения этномузыковедения, а также проверка гипотезы автора о миграции сюжета и напева из одного жанра в другой, о межжанровой диффузии и бивалентном бытовании сюжета и напева в нарративе и в обряде.

Сказки, исполняемые напевно или содержащие поющие эпизоды, – а к ним как раз и относится круг рассматриваемых текстов – определяются в хантыйской культуре словом *мо́нц*¹ (оно охватывает сказки, мифы, предания, мифологические рассказы) с дополнением, переводимым как «песня» или «поющий»: *арау мо́нц* ‘поющая сказка’, *ар-мо́нц* ‘песня-сказка’, *мо́нц-ар* ‘сказка-песня’ в зависимости от местной традиции и представлений информанта [Шмидт, Пятникова, 2006; Солдатова, 2020].

Хантыйские песни-сказки с фольклористической и лингвистической точек зрения исследованы в пионерской работе Е. Шмидт и Т. Р. Пятниковой [2006]. Основываясь на единичных хантыйских аудиозаписях, привлекая для сопоставления опубликованный Б. Мункачи мансийский материал, авторы выявили шесть сюжетных типов песен-сказок: мифологический, героический, бытовой, бытовой о набегах, сказочный и «прочие сюжеты бытового типа». Среди сюжетов сказочного типа выделен подтип 5.3 «Жадный мышонок»: «Мышонок едет на лодке, три тети по матери зовут его кушать. От приглашения старшей и средней тети отказывается, а у младшей наедается настолько, что желудок лопаются. Ему зашивают желудок, и он отправляется дальше. (Хитростью убивает лося или дикого оленя)» [Там же, с. 22]. Тексты этого сюжета в сборнике не приводятся, но в сноске есть данные (исполнитель, собиратель, время и место записи) о четырех вариантах сказки, записанных в 1990-е гг. в сёлах Казым (два), Теги и Катравож (низовья Оби). В сведениях о четвертом варианте, зафиксированном И. А. Николаевой от А. П. Серасховой из с. Катравож, содержится важная для нас ремарка: «1-й ход: добывание оленя, 2-й ход: пир у тети, мышшь погибает». Двухсоставность сюжета о мышонке будет показана и на материале статьи.

Материал. Поскольку приоритетом для данного исследования является изучение взаимосвязи текста (сюжета) и напева, то задачи найти *все* сказки о жадном мышонке не ставилось. Основным критерием при отборе материала было наличие аудиозаписи и расшифрованных текстов – этим обусловлен выбор источников. Первый из них – интернет-ресурс Обско-угорского института прикладных исследований и разработок «Электронный депозитарий по фольклору обских угров и самодийцев» [Депозитарий]. На сайте выполнен поиск по учетным записям (аудиофайлам, персоналиям), связанным с жанром сказки, и по ключевым словам «мышшь», «мышонок». Обнаружено 13 текстов северо-хантыйской традиции, записанных на шурышкарском (сынский говор) и казымском диалектах хантыйского языка. Второй источник – материалы автора, опубликованные в коллективной монографии «Сынские ханты» [2005]. Эти тексты расшифрованы и переведены носителями сынского говора Е. Л. Галигиной, П. И. Тыликовым и С. С. Тыликовой, нотная запись выполнена Г. Е. Солдатовой. Два образца из трех с

¹ В публикациях встречается разное написание: *мош*, *мось*, *моньч*, *монть* и др. При цитировании сохраняется орфография источника. В статье применяется действующая орфография: «Диалектологический атлас уральских языков» (<https://www.philology.nsc.ru/resources/atlas.php>), справочник «Правила хантыйской орфографии» [Немысова, Кошкарева, Соловар, 2014].

добавлением аудио размещены на портале «Фольклор народов Сибири» (<https://folk.philology.nsc.ru/#texts>) [Фольклор народов Сибири]. В таблице 1 приведены сведения о текстах, рассматриваемых в статье. В перечне образцов, взятых из «Электронного депозитария...», названия файлов с информацией о записи и файлов с аудио приведены так, как они даны на сайте, поскольку встречаются расхождения.

Таблица 1
Table 1

Список текстов о жадном мышонке, используемых в статье
List of greedy mouse texts used in the article

Источники текстов: № 1–8, 12–16 – [Депозитарий], № 9–11 – [Сынские ханты, 2005], [Фольклор народов Сибири].

№	Название файла, учетный номер в Депозитарии / Сведения о тексте	Наличие текста	Наличие перевода	Наличие аудио (название файла). Время звучания	Поется ли образец
1	Аудиофайл. Песенка Мыша - Ай вой икэн ар. 2013. Шульгина У.Н. Уч. № А-1031/2	+	+	Шульгина У.Н. Песня Ай вой ики. 06:33	+
2	Аудиофайл. Песня-сказка про мышонка - Ай вой икийэн ар. 1990. Молданова Е.В. Уч. № А-222/1/5ВХ	+	+	Молданова Е.В. Ай ланки икийэ. 03:56	+
3	Аудиофайл. Сказка-песня для детей «Маленький мышонок» 29.03.2006. Вандымова Т.К. ² Уч. № А-269/5	+	+	Вандымова Т.К. Ай вой икийэ (редактор). 03:13	+
4	Аудиофайл. Песня мышонка - Ай вой ики ар. 22.03.2005. Лозямова Е.М., Тарлина П.И. Уч. № А-836/2-19	+	+	Тарлина П.И., Лозямова Е.М. Песня мышонка (Ай вой ар). 02:55	+
5	Аудиофайл. Песенка Ай вой ики ар. 2013. Салахова Е.Д. Уч. № А-1200/12	+	+	Салахова Е.Д. Ай вой ики ар. 01:57	+
6	Аудиофайл. Песня-сказка «Ай вой икийэ» - «Мышонок». 25.11.1996. Инырева Е.Г. Уч. № А-92/1ВХ	Не совп.	Не совп.	Инырева Е.Г. Ай вой икийэ (песня-сказка). 03:28	+
7	Аудиофайл. Песенка мышонка. 2009. Тоголмазова Е.К. Уч. № А-907/1-16	+	+	Песенка мышонка. 01:49	+
8	Аудиофайл. Песня мышонка - ай вой ики ар. 17.03.1993. Тоголмазова Е.К. Уч. № А-854/3/1ВХ	–	–	2. Тоголмазова Е.К. Личная песня Ай вой ики о медведе. 04:03	+
9	Песня мыши – Нампар вой ар. Л'оңул'туп ар (песня-представление медвежьего праздника). 2003. д. Оволингорт Шурьшкарского р-на ЯНАО. Лонгоров М. В. [Сынские ханты, с. 289–290].	+	+	02:54 [Фольклор народов Сибири]	+
10	Нампар вой ар – Песня мыши. Л'оңул'туп ар (песня-представление медвежьего праздника). 2003. д. Оволингорт Шурьшкарского р-на ЯНАО. Лонгоров П. Н. [Сынские ханты, с. 287–288].	+	+	0:38 [Фольклор народов Сибири]	+
11	Нампар вой ар (Ай войие ар).	+	+	04:15 неопубл.	+

² От Т. К. Вандымовой записана также сказка «Барсук», опубликованная без аудио и нот [Слепенкова, 2010, № 33, перевод на с. 214]. Судя по тексту, в сказке должна быть песенка лягушки, занявшей дом барсука.

	2000 г. д. Ямгорт Шурышкарского р-на Ямало-Ненецкого автономного округа. Пырысева Т. П. [Сынские ханты, 2005, с. 268–270]				
12	Аудиофайл. Сказка о мышке - Ай вой оланган мош. 05.03.2003. Лельхова У.Н. Уч. № А-696/5	+	+	Лельхова У.Н. Сказка о мышонке. 03:41	–
13	Аудиофайл. Сказка «Мышонок - Ай войле» 1979. Себурова Т.С. (казымский) Уч. № А-193/8	+	+	Сказка. Мышонок. 01:58	–
14	Аудиофайл. Детская сказка «Маленький мышонок - Ай войле». 2020. Соловар В.Н. Уч. № А-1764/61	+	+	–	+
15	Аудиофайл. Сказка Олень и Мышь. 2013. Шульгина У.Н. Уч. № А-1031/6	+	+	–	–
16	Аудиофайл. Сказка «Ай вой икийэ - Мышонок». 2012. Вожакова Е.Н. Уч. № А-1217/4	+	+	–	–

В нашем распоряжении оказалось 16 образцов, 13 из них снабжены аудиозаписями (№ 1–13), 11 – поются (№ 1–11). Максимально полно, с расшифровкой текста, переводом и звукозаписью, представлены № 1–5, 9–11, 12–13 (рассказаны без пения); к № 6 помещен не соответствующий звучанию хантыйский текст; № 8 дан в аудиозаписи, но без расшифровки (есть аннотация). Три текста без аудиозаписи (№ 14–16) выбраны ради возможности сравнения сюжетов.

Задачи. Исследование избранных текстов, характеристика сюжетов и напевов предусматривает решение нескольких прикладных задач: описание и сопоставление сюжетов в рассматриваемых образцах; уточнение жанровой атрибуции текстов; выявление напевов в звучащих текстах, их схематичная нотная запись и сопоставление друг с другом; соотнесение напевов с сюжетами.

Сюжеты. Ради лаконичности изложения не станем приводить подробные описания сюжета в каждом из отобранных образцов. Сказочный текст складывается из ряда сюжетных ходов – многочисленных или всего лишь нескольких, обогащенных разными подробностями. Чтобы уяснить, какие из них имеют самое важное значение в «конструировании» сказки, автором был осуществлен анализ содержания каждого текста, выписаны основные повороты сюжета, а затем подсчитано количество употребления каждого хода в изучаемых образцах. Все это отражено в таблице 2. Сюжетные ходы, встречающиеся чаще других, выделены жирным шрифтом.

Таблица 2
Table 2

Основные сюжетные ходы, встречающиеся в текстах от мышонка
The main plot moves of the mouse texts

Учтены тексты: № 1–5, 9–11 (с пением), 12, 13 (без пения), 14–16 (без аудио). Текст 14 включает объемную поэтическую часть – песню жены мышонка. Песня содержит сюжет о похождениях мышки, поэтому рассмотрена отдельно (14п).

<i>Сюжетный ход</i>	<i>Номера текстов</i>	<i>Количество текстов</i>
Мышонок отправляется охотиться на крупное животное / поймать большую рыбу	1 3 14 16	4
Живет с женой, собирается к тетям в гости	12	1
Хочет перебраться на другой берег – там есть пища: лабаз (его предков – 4, собственный лабаз с мясом – 2, 13, чей-то лабаз – 12), чьи-то жерди с рыбой (9), дом тетушки (5),	2 4 5 9 10 14п	6

какая-то пища (14п)		
Перебирается по льду на другой берег: плывет на лодке по замерзающей реке (9), прыгает по льдинам (12, 13)	9 12 13	3
Мышонок плывет на лодочке (и поет) / без лодочки (гребет рукой-ногой-хвостиком – 5, 14п)	1 2 3 4 5 9 10 12 13 14 14п 16	12
В том числе поющееся звукоподражание плеску воды при гребле (<i>халь-халь, поль-поль, тул-тул, пул-пул</i>)	ПЗП: 1 2 3 4 9 10 14 16	8
Затекает игру в прятки с оленем / лосем Просто прячется в траве (3, 14) Лось предлагает играть (12)	2 3 12 13 14 15 16	7
Олень / лось / чайка проглатывает мышонка (чайка – 14п)	2 3 11 12 13 14 14п 15 16	9
Мышонок в животе угрожает оленю / лосю	2 3 11 12 13 14 15 16	8
Олень предлагает мышонку разные отверстия в своем теле для выхода (называние частей тела)	3 11 12 13 14 15 16	7
Мышонок разрезает / прогрызает живот / горло (12, 13) оленю / лосю / чайке и выходит наружу	2 3 11 12 13 14 14п 15 16	9
Добытое мясо складывает: в лабаз / отдельные лабазы для каждой части тела (12, 13), в лодку и увозит (3, 12, 14, 15, 16)	3 12 13 14 15 16	6
Ест мясо («никогда не насытятся мне»)	11	1
Тетя зовет мышонка на берег, предлагая угощение: старшая, средняя, младшая (1, 5, 12), тетя (3, 14), младшая, средняя / вторая (2, 13), младшая, старшая двоюродная сестра (16)	1 2 ³ 3 4 12 13 14 16	8
Мышонок соглашается съесть самое вкусное (икру, осетрину, варенье из морошки) / останавливается у младшей тети	1 4 5 12 13 16	6
Ест и обедается (просто наелся – 3, 16)	1 3 4 5 12 13 14	7
Дети зовут на берег – лодку унесло (тетя зовет – 12)	1 4 12 13 16	5
Идет на берег и падает в яму, вырытую собаками	1 2 3 4 12 13 14 16	8
Живот лопается (живот раздавлен льдиной – 9) (лопается у каждой тети – 2)	1 2 3 4 5 9 12 13 14 16	10
Зовет тетю зашить живот	1 2 4 5 16	5
Дети / тетя / сестра (16) зашивает / лечит-мажет (все тети – 12) (лечит живой водой и травой – 3, 14)	1 2 3 4 5 12 13 14 16	9
Забирается в лабаз: в свой (2, 4), мужчины-ханта (14п), угол дома женщины (10)	2 4 10 14п	4
Плывет дальше (ход используется для связки эпизодов, если с мясом оленя едет домой / к тете)	1 2 4 12 16	5
Мышонок пляшет («Если плясать – плясать пойду!»)	5	1
Просит сыграть танцевальную мелодию на празднике	14п	1
Женится на тете (увозит с собой) (тетя с узким лицом – 3, 14)	3 4 14	3
Мышонок раздавлен льдиной / уходит под лед	9 12 13	3
Попадает в капкан	14п	1
Жена мышонка плачет (жалеет лабазы и мужа – 12)	12 13	2
Обещает не жадничать	1	1
Становится горбатым из-за того, что живот стянут нитками	16	1

³ В тексте 2 младшая тетя зовет мышонка на обед, он ест, падает, живот лопается, он зовет тетю зашить, тетя зашивает. Потом все повторяется со средней тетей.

Данные, приведенные в таблице 2, показывают, что в сказках и песнях о мышонке, плывущем на лодочке, сюжет развивается двумя путями.

1. Мышонок на лодке пристает к берегу. Олень или лось (в тексте 14п – чайка) во время игры в прятки проглатывает его. Мышонок, сидя внутри, угрожает разрезать живот или горло животному. Олень / лось предлагает мышонку выйти через разные отверстия своего тела (глаза, нос, рот, уши, зад, пенис) – тот отказывается: везде грязно. После этого мышонок разрезает ножичком или прогрызает живот / горло животному и выходит наружу.

2. Мышонка приглашает на угощение тетя (старшая, средняя, младшая). Он соглашается не сразу, а только на самое вкусное для него блюдо (икряной суп, осетрина), которое обычно предлагает младшая тетя. Он ест и объедается. Дети / тетя зовут мышонка на берег – его лодку унесло. Бежит на берег, падает в яму, вырытую собаками. Живот лопаётся. Мышонок зовет на помощь тетю, та зашивает живот иглой с жильной ниткой (или лечит живой водой и травой).

Описанным сюжетам соответствуют фольклорно-мифологические мотивы, включенные в тематическую классификацию Ю. Е. Березкина и Е. Н. Дувакина [Березкин, Дувакин]: «I87с1. Мышка в лодке» («Мышь делает себе лодку из небольшого предмета»), «K8с2. Проглоченная мышь» («Мышь проглочена крупным наземным животным и выходит, разрезав его изнутри»). Последний мотив распространен довольно широко: кроме северных хантов и их ближайших соседей – манси, он зафиксирован в фольклоре финнов, восточных саамов, ненцев, коми, монголов, энцев, кетов, югов, нисенан, западных шошони, саудийцев. Сюжеты, наиболее близкие хантыйским, обнаруживаются у ненцев, манси, кетов, югов и американских индейцев (Калифорния, Большой Бассейн).

Из двух сюжетов, выделенных выше, первый соответствует мотиву «Проглоченная мышь», на нем построены тексты № 1, 4, 5. Второй – более специфичен, в нем сделан акцент на выборе мышонком вкусной еды, ожорстве и лопнувшем животе (назовем его «лопнувший живот»). С ним связаны тексты № 11, 15, 16. Остальные образцы (№ 2, 3, 12–14) представляют собой контаминацию первого и второго сюжетов.

Атрибуция. В условиях не устоявшейся для поющей сказки терминологии и неоднозначно атрибутированного материала важной задачей становится жанровая идентификация текста. Определить, сказка это или песня, можно с учетом разных факторов: исполнительских комментариев, специфики вербального текста, степени его развернутости. Образцы, помещенные в «Электронном депозитарии...», атрибутированы собирателями как песня, песенка, сказка, песня-сказка, детская сказка, хотя в их хантыйских названиях есть лишь слово *ар* 'песня'. Комментируя текст № 1, исполнительница сказала, что в детстве «мама рассказывала эту с к а з к у...» (разрядка моя. – Г. С.) [Депозитарий, уч. № А-1031/2, перевод]. Балансирование между определениями «сказка» и «песня» не случайно: способы интонирования текста – пропевания, проговаривания, чередования вокальных и речевых эпизодов – тоже различны.

Установить жанровую принадлежность текста в какой-то мере помогает степень развернутости нарратива. Образцы, где сюжет разворачивается достаточно полно, по-видимому, принадлежат сказкам (*моъиц*). В то же время фрагментарность, отсутствие целостности повествования могут сопутствовать песенному жанру. Пример тому – сынские тексты № 9–10, отнесенные самими информантами к песням-представлениям медвежьего праздника. Развернутое повествование в № 11, также с р. Сыня, определено носителем традиции как *моъиц*.

Два образца в исполнении Е. К. Тоголмазовой, связанные тематически и музыкально со всеми остальными, не могут быть отнесены к жанру сказки. В № 7 – инновационный текст, сложенный по песенным канонам, в нем нет сказочного сюжета, присутствует лишь фольклорный образ мышонка, который был голодным во время президентства Ельцина («...Чтобы сердце успокоить, даже вкусного кусочка не найти...»), сытым («...сердце успокоить лакомый кусочек я найду...») – благодаря полным полкам в магазине, когда к власти пришли Путин и Медведев⁴. Текст № 8 дан без расшифровки и перевода, есть только аудиозапись. В аннотации к ней сказано, что «...песня раньше исполнялась на медвежьем празднике, однако... переработана исполнителем и была исполнена в новом варианте». Значит, этот напев можно отнести к упомянутому выше жанру *л'оңул'туп ар*.

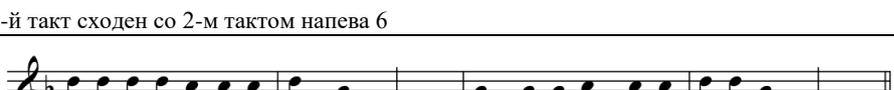
⁴ Текст опубликован: [Каксина, 2014, с. 97–98].

Таким образом, можно сказать, что из 16 образцов 4 относятся к песенным жанрам (№ 7–10), остальные 12 – это сказки, поющиеся и рассказанные. Текст № 6, без расшифровки и перевода, также определен как сказка, потому что в нем присутствует характерное для сказки чередование речевых, поющихся и ритмизованных эпизодов.

Напевы. Музыкальная составляющая сказок и песен о мышонке представлена девятью напевами. Два из них подтверждены вариантами: каждый использован в двух образцах. В таблице 3 приведены все напевы, сочетаемые с текстами о мышонке. Нотная запись имеет обобщенный характер: незначительные изменения высоты и ритмическое варьирование в ней не отражены. Обнаруженные моменты сходства между напевами отмечены под нотировками. Шесть напевов демонстрируют сходство с напевом 1.

Таблица 3
Table 3

Напевы сказок и песен о жадном мышонке
Tunes of fairy tales and songs about the greedy mouse

Номер напева	Напев	Номер текста
1		1
1	 Близкий вариант напева 1	4
2	 2-я полустрока сходна со 2-й полустрокой напева 1	7
2	 Вариант напева 2	8
3	 1-й такт сходен с 1-м тактом напева 2 к тексту № 8	2
4	 Есть сходство с напевом 1	5
5	 2-я полустрока сходна со 2-й полустрокой напева 1	11
6	 1-й такт сходен со 2-й полустрокой напева 1	10
7	 2-й такт сходен со 2-м тактом напева 6	6
8	 3-й такт сходен с 1-м тактом напева 6 (= 2-й полустрокой напева 1)	9

9

3

При сравнении текстов и напевов обращает на себя внимание устойчивое сочетание сюжета «Лопнувший живот» с напевом 1. Вторая группа текстов («Проглоченная мышь») такой связи с напевами не показывает. О чем может говорить корреляция сюжета и напева? Если учесть, что напев, как правило, подвержен изменениям меньше, чем словесный текст, возможно, стоит задуматься о разном происхождении и несинхронном появлении двух сюжетов («Проглоченная мышь» и «Лопнувший живот») о жадном мышонке в хантыйской культуре.

Мелодии сказок и песен о мышонке имеют ряд общих черт. Все напевы – однострочные, каждая строка состоит из двух изотемпоральных полустрок: 8 + 8 времен, кроме напева 9, в котором 6 + 6. Первая часть полустроки подвержена варьированию, вторая – более стабильна. Мелодическая линия пяти напевов из девяти не выходит за пределы пятиступенного диатонического звукоряда в объеме квинты, что напоминает о развитой традиции инструментальной музыки у обских угров. Каждая полустрока завершается возвращением к нижней опорной ступени. Эти качества присутствуют в разных напевах независимо от того, сказке или песне они принадлежат.

Почти во всех напевах есть ритмомелодическая константа: ритмоформула из двух кратких и одного долгого или долгого и двух кратких (иногда краткий – долгий – краткий), повторяемая сначала на одной ступени, затем на другой, секундой выше. Такие стереотипы характерны для песен медвежьего праздника, причем не для упоминавшихся выше песен-представлений, а для мифоэпических песен – историй медведя (хант. *кайөйән ар*). Клишированные обороты присутствуют и в сказочных напевах, и в обрядовых мелодиях. Больше сходство обнаруживается с мансийскими образцами жанра. В примере 1 приводится схематичная нотная запись песни о спуске медведя с неба (манс. *уй эрыг*) в двух вариантах: песенном (а) и инструментальном (наигрыш на цитре, б). Скобками отмечены ритмомелодические клише.

Пример 1
Example 1

1а. Песня медвежьего праздника о спуске медведя с неба (*уй эрыг*). Исполнитель И. В. Алгадьев, манси. Записали Е. В. Комаров, Г. Е. Солдатова, 1992 г., с. Хулимсунт Березовского р-на Тюменской обл.

1а. The song of the Bear-Feast about the going down of a bear from the sky (*uj eryg*).

1б. Мелодия песни медведя *уй эрыг*. Наигрыш на *санквылтапе*. Исполнитель Г. Н. Сайнахов, манси. Записали О. А. Шейкина, Г. Е. Солдатова, Д. С. Сайнахова, 1987 г., с. Щекурья Березовского р-на Тюменской области. Полная нотировка опубл.: [Солдатова, 2015, с. 29–30].

1b. The melody of the bear song *uj eryg*. Sankvyltap tune.

Данное наблюдение приводит к мысли о возможном переходе некоторых мелодических стереотипов из обрядовой сферы в область интонирования сказки. Не исключено также, что мелодическая общность касается стабильных элементов именно в мелодиях мышонка и медведя. В обско-угорских культурах мифологические фигуры, как и люди, наделяются индивидуальными звуковыми символами – именными мелодиями [Солдатова, 2021]. Вероятно, такой мелодией обладает и мышь. В одном из текстов встречаем строки: «С пятью струнами струнное дерево вы бы взя-

ли / Для меня предназначенную мелодию вы сыграйте, / Проворными руками умелый танец свой я вам станцую» [Депозитарий, уч. № А-1764/61, перевод].

Почему же напев сказки о мышонке и медвежья песня сходны? Возможное объяснение находится в области мифологии. Мышь – одна из душ медведя и, наряду с ним, зооморфная ипостась почитаемого обско-угорским обществом божества *Em voш iki* ‘Старик священного города’ [Schmidt, 1989; Молданов, Молданова, 2000 и др.]. Говорить о непосредственной связи мифологических фигур медведя и мыши, с одной стороны, и родства соответствующих им напевов, с другой, может быть, и преждевременно. Тем не менее отметить такую связь нужно, так же как и вести дальнейшие поиски в этом направлении.

Выводы. В группе текстов о жадном мышонке, бытующих у северных хантов, отчетливо видны два сюжета: «Проглоченная мышь» и «Лопнувший живот». Последний устойчиво соединяется с одним из напевов, в котором присутствуют общие мелодико-ритмические обороты (клише), свойственные большинству других напевов, рассмотренных в статье.

Мелодии, содержащие те же стереотипы, что и найденные в сказках и песнях о мышонке, обнаруживаются в обрядовой музыке – песнях-представлениях медвежьего праздника. Близкими оказываются мелодии мыши и медведя (песня о спуске медведя с неба), что заставляет искать культурологическую подоплеку такого явления, и она, возможно, находится в области мифологических представлений.

Мелодии, звучащие в фольклоре о мышонке, находятся на грани сказочных и медвежьих (*л’оңул’туп ар*), варианты сюжета также обнаруживаются в сценках из медвежьего праздника. Все это свидетельствует о размытости границ между нарративными необрядовыми жанрами и формами эпоса, существующими в обряде.

***

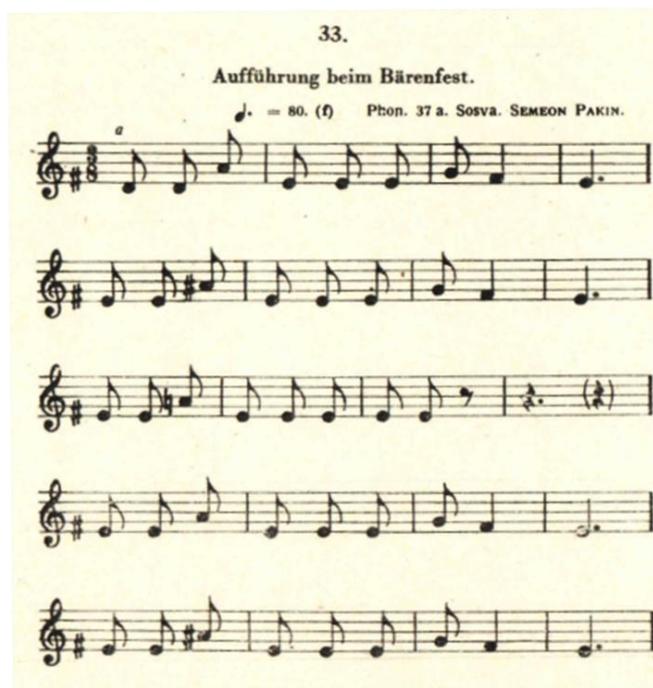
В начале прошлого столетия, будучи в экспедиции в Западной Сибири, финский ученый А. Каннисто записал мелодии вогулов на фонограф. Благодаря этим записям, нотированным позднее А. О. Вяйсяненем и изданным в 1937 г. [Wogulische, 1937], мы можем представить, какие напевы бытовали у обских угров более ста лет назад. Поразительно, но в этом собрании обнаружилась мелодия, практически совпадающая с тем самым напевом 9 (см. табл. 3) – напевом другого типа, непохожим на все остальные мелодии сказок и песен о мышонке. Он нашел историческую аналогию в мансийском медвежьем празднике.

В примере 2 (см. с. 128) помещены мелодии, зафиксированные с вековым интервалом: *2a* – историческая запись, *2б* – современный напев. Пример *2б* для наглядности дан в тональности *e*, как это сделано в книге А. О. Вяйсянена.

Нет сомнения – напев тот же! Разница видна лишь в нестабильной высоте четвертой ступени в вогульском (мансийском) образце.

Мансийская мелодия представляет собой песню мыши из соответствующей сценки медвежьего праздника. Как и в современных поющих текстах, прямая речь мыши содержит пропеваемые звукоподражания: «...моя лодочка из крапивной коры – *плич, плич, плич!* Моё веслецо (как) собачий язык – *пульп, пульп, пульп!*» (цитата в переводе Н. В. Лукиной: [Каннисто, Лиимола, 2016, с. 79]). В конце сценки мышь раздавили охотники, и живот у нее лопнул.

Мансийская мелодия стала хантыйской, из обряда она перешла в область сказочного творчества, сохранившись без изменения сто лет – быть может, вследствие размытости границ между жанрами, или локальной взаимопроницаемости обско-угорских песенных традиций, или же это связано с особенностями этнической истории, с путями миграций северных хантов и манси. Найти объяснение такому явлению в сказочном и обрядовом фольклоре хантов и аргументировать его – задача будущей работы.

2а. Песня-представление медвежьего праздника вогулов (фрагмент). Исполнитель Семен Пакин. Записал А. Каннисто, 1905 г., р. Сев. Сосьва. Нотация А. О. Вяйсянена [Wogulische, 1937, с. 46–47].

2a. Song with dramatic performance from the Bear-Feast of the Voguls (fragment). Recorded by A. Kannisto, 1905 [Wogulische, 1937, p. 46–47].

2б. Напев из хантыйской сказки о мышонке (фрагмент). Исполнитель Т. К. Вандымова. Записала С. Д. Дядюн, 2006, г. Белоярский [Депозитарий, уч. № А-269/5, аудио]. Нотация Г. Е. Солдатовой.

2b. Melody from the Khanty fairy tale about the mouse (fragment). Recorded by S. D. Dyadyun, 2006 [Depository, account. no. A-269/5, audio].

Список источников

Березкин, Дувакин – Березкин Ю.Е., Дувакин Е.Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам.

URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/index.htm> (дата обращения: 28.09.2021)

Депозитарий – Электронный депозитарий по фольклору обских угров и самодийцев. [Электронный ресурс]. URL: <https://folk.ouipiir.ru/> (дата обращения: 01.08.2021).

Фольклор народов Сибири – Электронный портал «Фольклор народов Сибири».

URL: <https://folk.philology.nsc.ru/#texts> (дата обращения: 28.09.2021)

Список литературы

- [Каксина Е. Д.] *Өхэт йухан арэһ ими. Поющая женщина из Эхт Югана* / Сост. Е. Д. Каксина. Тюмень: Формат, 2014. 128 с.
- Каннисто А., Лиимола М. *Драматические представления на медвежьем празднике манси* / Пер. с немецкого языка и публикация Н. В. Лукиной. Ханты-Мансийск: Печатный мир, 2016. 242 с.
- Молданов Т., Молданова Т. *Боги земли Казымской*. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2000. 112 с.
- Немысова Е. А., Кошкарева Н. Б., Соловар В. Н. *Правила хантыйской орфографии: справочник* / Под ред. А. А. Бурькина. Ханты-Мансийск: Югорский формат, 2014. 164 с.
- [Слепенкова Р. К.] *Арэм-моньшем ед ки мәнл... Если моя песня-сказка дальше пойдет...* / Зап. текстов, пер., составление, предисл. Р. К. Слепенковой. Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010. 234 с.
- Солдатова Г. Е. *Закономерности временной организации инструментальных наигрышей манси* // Музыковедение. 2015. № 7. С. 26–35.
- Солдатова Г. Е. *Музыка в северо-хантыйских сказках* // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 41–62.
- Солдатова Г. Е. *Персональные мифоритуальные наигрыши в культуре обских угров* // Традиционная культура. 2021. Т. 22. № 1. С. 27–38.
- Сынские ханты* / Г. А. Аксянова, А. В. Бауло, Е. В. Перевалова, Э. Руткай-Миклиан, З. П. Соколова, Г. Е. Солдатова, Н. М. Талигина, Е. И. Тыликова, Н. В. Федорова. Новосибирск: изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 352 с.
- Шмидт Е., Пятникова Т. Р. *Арэһ моньшят (моньш-арэһ). Песни-сказки*. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2006. 164 с.
- Schmidt E. *Bear Cult and Mythology of the Northern Ob-Ugrians* // *Uralic Mythology and folklore*. Bdp.; Hels., 1989. P. 187–232.
- Wogulische und Ostjakische Melodien / Phonographisch aufgenommen von A. Kannisto, K.F. Karjalainen; Herausgegeben von A. O. Väisänen*. Helsinki, 1937 (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne; Vol. LXXIII).

List of sources

- Berezkin Yu. E., Duvakin E. N. *Tematicheskaya klassifikatsiya i raspredelenie fol'klornomifologicheskikh motivov po arealam* [Thematic classification and distribution of folkloric and mythological motives by areas]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/index.htm> (data obrashcheniya: 28.09.2021). (In Russ.).
- Elektronnyy portal "Fol'klor narodov Sibiri"* [Electronic portal "Folklore of the peoples of Siberia"]. URL: <https://folk.philology.nsc.ru/#texts> (data obrashcheniya: 28.09.2021). (In Khanty, in Russ.).
- Elektronnyy depozitariy po fol'kloru obskikh ugrov i samodiytsev* [Electronic depository for Ob Ugric and Samoyed folklore]. URL: <https://folk.ouipiir.ru/> (accessed: 01.08.2021). (In Khanty, in Mansi, in Nenets, in Russ.).

References

- Kaksina E. D. (Comp.) *Өkhät yukhan arəh imi. Poyushchaya zhenshchina iz Ekht Yugana* [Singing woman from Eht Yugan]. Tyumen, Format, 2014, 128 p. (In Khanty, in Russ.).
- Kannisto A., Liimola M. *Dramaticheskie predstavleniya na medvezh'em prazdnike mansi*. Pervod s nemetskogo yazyka i publikatsiya N. V. Lukinoy [Dramatic performances at the Mansi Bear-Feast. Translation from German and publication by N. V. Lukina]. Khanty-Mansiysk, Pechatnyy mir g. Khanty-Mansiysk, 2016, 242 p. (In Russ.).
- Moldanov T., Moldanova T. *Bogi zemli Kazymской* [Gods of the Kazym land]. Tomsk, TSU Publ., 2000, 112 p. (In Khanty, in Russ.).

Nemysova E. A., Koshkareva N. B., Solovar V. N. *Pravila khantyyskoy orfografii: spravochnik* [The rules of the Khanty orthography: Textbook]. A. A. Burykin (Ed.). Khanty-Mansiysk, Yugorskiy format, 2014, 164 p. (In Khanty, in Russ.).

Soldatova G. E. Zakonomernosti vremennoj organizatsii instrumental'nyh naigryshej mansi [Regularities of temporal organization of Mansi instrumental tunes]. *Muzykovedenie* [Musicology]. 2015, no.7, pp. 26–35. (In Russ.).

Soldatova G. E. Muzyka v severo-khantyyskikh skazkakh [Music in Northern Khanty Folktales]. *Siberian Journal of Philology*, 2020, no. 4, pp. 41–62. (In Russ.).

Soldatova G. E. *Personal'nye miforitual'nye naigryshi v kul'ture obskikh ugrov* [Personal mythic-ritual tunes in the culture of the Ob-Ugrians]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional culture], 2021, vol. 22, no. 1, pp. 27–38. (In Russ.).

Schmidt E. Bear Cult and Mythology of the Northern Ob-Ugrians. *Uralic Mythology and folklore*. Bdp., Hels., 1989, pp. 187–232.

Shmidt E., Pyatnikova T. R. *Aräy mon'shchät (mon'shch-arät). Pesni-skazki* [Arang monshat (monsharat). The songs-folktales]. Tomsk, TSU Publ., 2006, 164 p. (In Khanty, in Russ.).

Slepenkova R. K. (Comp.) *Arem-mon'shchem el ki mänl... Esli moya pesnya-skazka dal'she poydet...* [Arem-monshchem el ki manl... If my Song-Folktales goes further...]. Khanty-Mansiysk: IITs YuGU, 2010. 234 p. (In Khanty, in Russ.).

Synskie khanty [The Synya Khanty]. G. A. Aksyanova, A. V. Baulo, E. V. Perevalova, E. Ruttkai-Miklian, Z. P. Sokolova, G. E. Soldatova, N. M. Taligina, E. I. Tylikova, N. V. Fedorova (Comps). Novosibirsk, IAET SB RAS, 2005, 352 p. (In Russ., in Khanty).

Wogulische und Ostjakische Melodien. Phonographisch aufgenommen von A. Kannisto, K. F. Karjalainen; Herausgegeben von A. O. Väisänen. Helsinki, 1937, 378 p. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, vol. LXXIII).

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
01.10.2021

Сведения об авторе

Солдатова Галина Евлампьевна – кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

E-mail: ge.soldatova@yandex.ru

ORCID 0000-0003-1421-6075

Information about the Author

Galina E. Soldatova – Candidate of Art Studies, Leading Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: ge.soldatova@yandex.ru

ORCID 0000-0003-1421-6075

РЕЦЕНЗИИ

УДК 821.512.151

DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-131-134

Рецензия на книгу:
Ойротия в зеркале литературы: антология. Под ред. Э. П. Чининой, Т. П. Шастиной.
Горно-Алтайск: Полиграфика, 2020. 308 с.

Н. А. Непомнящих, А. А. Озонова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

В рецензируемой антологии представлены публицистические, художественные и научные тексты на русском и алтайском языках, опубликованные в 1922–1947 гг. в местной и центральной периодической печати, а также в учебной литературе и поэтических сборниках, изданных в разных городах Сибири и в Москве. Хронологический период охватывает все время существования Ойротской автономной области: с 1922 по 1948 гг. Это время больших перемен в жизни региона: массового распространения письменности, становления алтайской литературы и литературного языка. Книга снабжена справочным аппаратом: в пяти приложениях дана алтайская лексика – устаревшая и встречающаяся в русских текстах, сибирская лексика и историзмы, а также названы и охарактеризованы персоналии и источники текстов. В ней использованы фотографии из фондов Государственного архива Республики Алтай. Книга будет интересна не только специалистам, но и широкому кругу читателей, интересующихся историей и культурой Горного Алтая.

Ключевые слова

Горный Алтай, Ойротия, антология, литература, алтайский язык, алтайская письменность, публицистика, алтайская периодическая печать

Для цитирования

Непомнящих Н. А., Озонова А. А. Рецензия на книгу: Ойротия в зеркале литературы: антология. Под ред. Э. П. Чининой, Т. П. Шастиной. Горно-Алтайск: Полиграфика, 2020. 308 с. // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 2 (вып. 42). С. 131–134. DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-131-134

© Н. А. Непомнящих, А. А. Озонова, 2021

ISSN 2312-6337

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 2 (вып. 42)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2021. No. 2 (iss. 42)

Book review:
Oirotia in the Mirror of literature: an anthology. E. P. Chinina, T. P. Shastina (Eds.).
Gorno-Altaysk, Poligrafika publ. house, 2020, 308 p.

N. A. Nepomnyashchikh, A. A. Ozonova

Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The anthology under review is a collection of journalistic, literary, and academic texts in Russian and Altai that appeared in local and central periodicals and textbooks and poetic anthologies published in Moscow and various Siberian cities. The chronological period of the anthology covers the entire period of the Oyrot Autonomous Oblast existence: from 1922 to 1948. These years brought significant changes to the region: the mass spread of literacy, the Altai literature's appearance, and the standard Altai language development. The anthology shows the formation and evolution of the image of Oyrotia, a national Soviet autonomy. The essays, articles, and poems collected under one cover reflect the perception of Oyrotia by different authors: local Altaians, travelers, writers, and journalists. The Oyrot Autonomous Oblast continued to exist until 1948 and was later renamed. The renaming order closes the anthology. A review article by T. P. Shastina, written in a deeply analytical manner, opens the book, tracing the image of Altai in documentary literature and literary fiction up to E. Limonov's *Book of Water* and V. Sorokin's *Telluria*. The book is provided with a dictionary, with five appendixes containing Altai lexis (old words and words found in Russian text), Siberian lexis, obsolete words, lists of persons, and texts sources. The photos from the State Archive of the Altai Republic are used as illustrations. This anthology is considered to be significant not only for Gorny Altai but also for the whole of Russia, being equally valuable for experts and readers interested in the history and culture of Gorny Altai.

Keywords

Gorny Altai, Oirotia, anthology, literature, Altai language, Altai writing, journalism, Altai periodical press

For citation

Nepomnyashchikh N. A., Ozonova A. A. Retsenziya na knigu: Oyrotiya v zerkale literatury: antologiya. Pod red. E. P. Chininoy, T. P. Shastinoy. Gorno-Altaysk: Poligrafika, 2020. 308 p. [Book review: Oirotia in the Mirror of literature: an anthology. E. P. Chinina, T. P. Shastina (Eds.). Gorno-Altaysk. Poligrafika publ. house, 2020. 308 p.]. *Yazyki i fol'klor korenykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2021, no. 2 (iss. 42), pp. 131–134. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2020-2-131-134

Антология «Ойротия в зеркале литературы» [2020] – это событие далеко не местного значения, и вот почему. Долгое время тексты о так называемых «национальных окраинах», как и в случае с Ойротией – одним из недолгих наименований Горного Алтая, хотя и печатались активно в газетной и журнальной периодике, но, разрозненные, они не давали целостного представления о крае в литературе и в культуре в целом. Собранные под одной обложкой очерки, статьи, стихотворения дают возможность посмотреть, каким виделась Ойратская автономия самым разным авторам: самим алтайцам, путешественникам, писателям, журналистам. Ойротская автономная область просуществовала до 1948 г., затем была переименована. Приказ о переименовании замыкает антологию. Открывает книгу обзорная и одновременно глубоко аналитическая статья Т. П. Шастиной «Ойротия в зеркале литературы: художественно-идеологическое воображение региона», в которой прослеживается образ Алтая в документальной и художественной литературе – вплоть до «Книги воды» Э. Лимонова и «Теллурии» В. Сорокина.

В антологии собраны тексты на алтайском языке, опубликованные в 1922–1947 гг. в местной периодической печати, учебной литературе и поэтических сборниках. Таким образом, хронологический период охватывает все время существования Ойротской автономной области: с 1922 по 1948 гг. Это время массового распространения письменности, становления алтайской литературы и литературного языка. С 1922 г. на Алтае стали пользоваться усовершенствованным миссионерским алфавитом, созданным во второй половине XIX в. членами Алтайской духовной миссии. В 1923 г. по решению второго областного съезда Советов за основу алтайского литературного языка вместо телеутского положен южноалтайский

диалект (диалект алтай-кижи). В 1928 г. письменность алтайского языка была переведена на латинскую графику, которая просуществовала около десяти лет. В 1938 г. был утвержден новый алфавит, который был усовершенствован в 1944 г. Этим алфавитом пользуются до настоящего времени.

В книге около ста текстов, извлеченных из периодических изданий – газет и журналов. Здесь и местная алтайская пресса, и центральные «Новый мир», «Октябрь», «Правда», «Красная звезда». В книге в равной степени представлены как тексты на русском языке, так и на алтайском. Последние наиболее интересны, поскольку это, как правило, статьи и заметки из старых редких местных изданий, практически не доступных даже для исследователей, а не только для широкого читателя. Как отмечают составители, «включенные в антологию тексты на алтайском и русском языках приведены в соответствие с современной графикой и орфографией» [Ойротия в зеркале литературы 2020: 6]. Тексты, изданные на латинице, транслитерированы на современную алтайскую графику. В таком виде они, конечно, удобны для чтения и восприятия современному читателю. Однако большую научную ценность, особенно для лингвиста, представляли бы тексты в оригинале, без каких-либо изменений. Возможно, стоило бы дать дубликаты: тексты в современной графике и орфографии и параллельно оригинальный текст, поскольку это важно для изучения динамики развития письменного алтайского языка, его литературных норм, функциональных стилей, особенностей языка художественных произведений, периодики того времени и т. д.

В антологии представлены произведения поэта, писателя, составителя первых книг для чтения и учебников М. В. Мундус-Эдокова, поэта и активного общественного деятеля П. В. Чагат-Строева, писателя и драматурга П. В. Кучика, известного сказителя Н. У. Улагашева, а также творчество целой плеяды молодых начинающих алтайских поэтов, которые стали жертвами репрессий: А. В. Тозыякова, А. П. Чокова, И. С. (Алтаяка) Толтока и др. Содержание их произведений отражало веяния нового времени. Представлены жанры, которые были характерны для начинающей алтайской литературы, лирика (песни, поэмы, басни), драма и в меньшей степени проза. Кроме того, указанный период характеризуется наличием большого количества переводной литературы. В антологии опубликована работа В. Тверского «Как работать писателю» (1928) в переводе Л. Сары-Чепа, стихотворения А. Пушкина «Осень» и «Кавказ» в переводе А. Чокова.

В это время зарождались новые стили литературного алтайского языка – общественно-публицистический, учебно-педагогический и художественный. Представлено методическое пособие Н. Каланакова «Как работать с букварем “Новая школа”», программы заседаний алтайских делегатов, газетная статья о необходимости перехода на латиницу (яналиф), итоги первой научной лингвистической конференции, которая состоялась в 1941 г., статья известного тюрколога Н. Баскакова «Ойроттор бийик үредү алгылайт» («Ойроты получают высшее образование», 1942 г.) о наборе 30 слушателей на отделение ойротского языка и литературы эвакуированного в Горный Алтай Московского государственного педагогического института им. К. Либкнехта. Следовательно, можно говорить о том, что в антологии всесторонне представлены те языковые новшества, которые неизбежно проникали в жизнь языка в новую эпоху.

Тексты на русском языке также разнообразны: представлены произведения как всем известных Константина Симонова, Мариэтты Шагинян, Владимира Зазубрина, так и знакомые только специалистам очерки Н. Добычина-Алтайского, Г. Пушкарева, Н. Алексеева, С. Кожевникова и др. В довоенный период основная тема периодики – это своеобразие уникального края и людей, его населяющих: «Культурно-исторический очерк об алтайцах (к вопросу о выделении автономной области Ойрат)» Л. Конзычакова-Сары-Сеп, «Алтаец» П. Казанского, «Легенды племени Туба» В. Хмелевского, «Ойротия» И. Мухачева, «По Алтаю» С. Орлова, «По Алтаю (записки экскурсанта)» О. Яцунской, «В стране Ойрат» А. Халяпина, «Прекрасная Ойротия» Н. Зарудина и др. В конце 30-х гг. С. Кожевников пишет о рождении алтайского театра и первых страницах новой литературы. В военное время большинство текстов посвящено военной тематике, героизму алтайцев на войне.

Литературные тексты русских авторов, размещенные в антологии, рисуют прежде всего экзотическую и поэтическую красоту природы Горного Алтая, где «шумит много рек» («На Алтае шумит много рек» И. Ерошина), «Ойротия желтых закатов, черемухи и музыкальных птиц!» («Прекрасная Ойротия» Н. Зарудина); «Там маральника алого шелк» («Алтын Нор» Н. Алексеева). В них повествуется о том, как в этот «дикий» край в лице советской власти пришла цивилизация с ее благами: так,

в очерке С. Кожевникова «Машина идет в Кош-Агач» описан Чуйский тракт: «Через всю Ойротию – упругое гравийное полотно», проекты гидроэлектростанций: «Катунь может родить сотни таких молний, она – неиссякаемый источник таких молний!» Новые песни и новые тексты призваны восславить тот прогресс, который пришел в глухие, с точки зрения стороннего наблюдателя, места. В том же очерке С. Кожевникова после глав о строительстве Чуйского тракта и гидроэлектростанций идет глава «Как сложилась песня», в которой цитируется новая алтайская песня пастуха:

*Поглядите: молодая
жизнь советская ярко цветет.
Никогда теперь в горы Алтай
Горе прежнее не придет.*

Она сопровождается комментарием автора: «Еще до своего рождения песня пастуха Рыспаева теснилась в груди каждого алтайца». Таким образом, по текстам можно проследить, как рождалась новая советская мифология, в которой прекрасный Алтай становился частью огромного государства.

Книга снабжена справочным аппаратом: в пяти приложениях дана алтайская лексика – устаревшая и встречающаяся в русских текстах, сибирская лексика и историзмы, а также названы и охарактеризованы персоналии и источники текстов.

Книга прекрасно оформлена и содержит богатый иллюстративный материал, в ней несколько десятков великолепных полноформатных фотографий, на которых запечатлены и люди, и места: дети, молодежь, взрослые в национальной одежде, Кучияк в костюме шамана, чабаны, охотники, айлы, колхозники, делегаты съездов и конференций, заготовка леса старым и новым способом, другие трудовые процессы и природа Алтая – всё это в совокупности с текстами дает объемную картину жизни автономной области в период с 1922 по 1948 гг.

Несомненно, издание такой антологии – значимое событие как в жизни всего Горного Алтая, так и в масштабе России: эта книга будет интересна не только специалистам, но и широкому кругу читателей, интересующихся историей и культурой Горного Алтая.

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
20.09.2021*

Сведения об авторах

Непомнящих Наталья Алексеевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

E-mail: nat.mir.dekabr@gmail.com
ORCID 0000-0001-5958-0554

Озонава Айяна Алексеевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

E-mail: ajanao@mail.ru
ORCID 0000-0003-0136-7499

Information about the Authors

Natalia A. Nepomnyashchikh – Candidate of Philology, Senior Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: nat.mir.dekabr@gmail.com
ORCID 0000-0001-5958-0554

Aiiana A. Ozonova – Candidate of Philology, Senior Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: ajanao@mail.ru
ORCID 0000-0003-0136-7499

ХРОНИКА

УДК 092.(-05).(-055.2)

DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-135-138

О Викторе Аркадьевиче Лапине (1941–2021)

А. В. Ромодин

Российский институт истории искусств, Санкт-Петербург, Россия

Для цитирования

Ромодин А. В. О Викторе Аркадьевиче Лапине (1941–2021) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 2 (вып. 42). С. 135–138. DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-135-138

About Viktor Arkadievich Lapin (1941–2021)

A. V. Romodin

Russian Institute of Art History, Saint Petersburg, Russian Federation

For citation

*Romodina A. V. O Viktor Arkad'eviche Lapine (1941–2021) [About Viktor Arkadievich Lapin (1941–2021)]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2021, no. 2 (iss. 42), pp. 135–138. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-135-138*

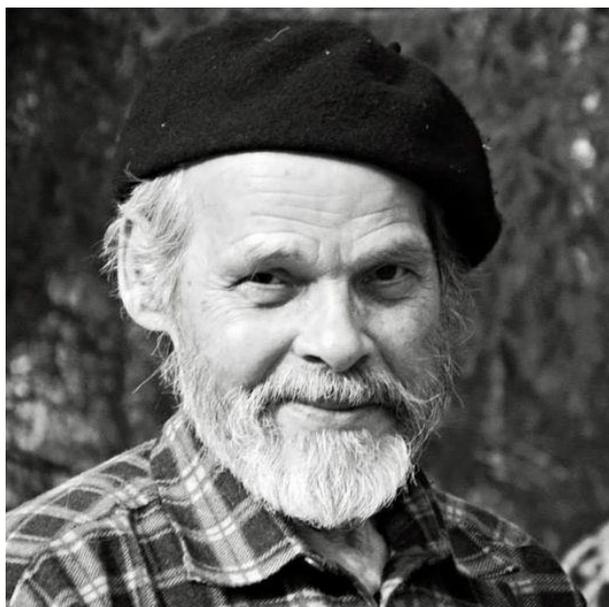
Без Виктора Аркадьевича невозможно представить себе ни сектор фольклора, ни институт. Всегда активный, всегда заинтересованный, Лапин, казалось, летал повсюду, везде успевал, всем помогал. Он был прекрасным музыкантом. В молодости освоил множество инструментов. Давалось это ему с легкостью. Внутренний слух был безупречным, эмоция – интенсивной. Этот особый заряд определил всю его жизнь. Думается, что и выбор музыкальной профессии не в последнюю очередь был связан с необходимостью и, одновременно, страстным желанием общения, контакта. Подобная возможность нашлась в экспедициях. Собирачество стало миссией, целью жизни. Почти всегда Виктор Лапин в поездках оказывался с женой – Еленой Васильевой. Содружество двух незаурядных исследователей предопределило их совместную – личную и творческую – судьбу. Вспоминаю 1988 год. Деревня Ладва – Подпорожский район Ленинградской области. Проходил вепский культурный праздник «Древо жизни». Интерес к этому небольшому прибалтийско-финскому народу в то время был значи-

© А. В. Ромодин, 2021

ISSN 2312-6337

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 2 (вып. 42)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2021. No. 2 (iss. 42)

тельным. Сюда ездили специалисты из разных стран, поддерживали, изучали, снимали фильмы, проводили праздники. Состоялась запись ладвинских певиц – троих оставшихся к той поре участниц знаменитого ансамбля, запечатленного некогда на гиганте фирмы «Мелодия». Фиксация велась многоканально, с использованием отдельного микрофона для каждой исполнительницы. Пели грандиозно – в свободном мелодическом строе, ритмически вольно, в предельно индивидуализированной манере. Общее звуковое полотно получалось выдающимся. Мы все были потрясены происходящим на наших глазах чудом. Виктор Аркадьевич казался совершенно неотделимым от обстановки. Навсегда запомнился его взгляд – острый, наблюдательный, говорящий о запредельном слушании и слышании музыки. Это было главное свойство ученого – умение полностью погрузиться в звучание, для того чтобы впоследствии словно пронзить его, вскрыть точным аналитическим скальпелем, сопроводив затем живым, эмоциональным комментарием. Виктор Лапин был подлинным представителем интонационной асафьевской школы, продолжателем дела своих старших коллег и учителей – П. А. Вульфюса, С. Я. Требелевой, И. И. Земцовского. Взгляд на традиционную культуру как на живой организм, подход к народным исполнителям как к заслуживающим колоссального уважения художникам – эти черты и присущи самому Виктору Аркадьевичу, и свойственны школе сектора фольклора Российского института истории искусств. Оживление материала, преодоление статичности – главные задачи, характерные для этого метода. Унылым перечислением строительных элементов формы анализ ограничиться не может. Изучение же структур (лады, звукоряды, слогоритмы) – лишь первая, схематическая операция, предшествующая главному – «оживляющему» и по-своему художественному – раскрытию музыкального текста. Этот творческий – асафьевский – подход унаследовал Виктор Лапин, применяя его с неизменностью в своих работах.

Исследователь не ограничивался, однако, только лишь музыкальной составляющей традиции. В. А. Лапин стремился показать народную музыку в процессе ее зарождения, развития и перехода в новое состояние, в широком историческом контексте. Центральная работа В. А. Лапина, в которой соединились многие ранее высказанные им идеи, носит название «Русский музыкальный фольклор и история» (1995). В 1970-е годы, одним из первых среди этномузыковедов, В. А. Лапин осуществляет новый подход, подразумевающий взаимосвязь феноменов «фольклор» и «этнография», взамен старой оппозиции – «фольклор и литература». Позже он по-своему исследует проблему межэтнических музыкальных контактов, обнаруживая *музыкальное двуязычие*, демонстрируя его в процессе становления. В поле научных интересов В. А. Лапина присутствовало еще одно музыкально-фольклорное направление – источниковедение. Был подготовлен к публикации

рукописный сборник песен с нотами из собрания Российской национальной библиотеки. Заслуженное место в науке заняли статьи о сборнике русских народных песен И. Г. Львова-Прача, содержащие новые сведения об этом, казалось бы, самом известном фольклорном источнике XVIII века.

В Российском институте истории искусств В. А. Лапину принадлежало особое место. Активная общественная и организаторская деятельность была присуща ему во все время пребывания в институте. Являясь заместителем председателя Диссертационного совета РИИИ, В. А. Лапин инициировал кандидатские и докторские защиты многих исследователей по разным областям искусствоведения. В качестве долголетнего ведущего научного сотрудника сектора фольклора руководил немалым числом мероприятий, среди которых упомянем Круглый стол к столетнему юбилею РИИИ «Традиционная культура и современность: антропологический, исторический, искусствоведческий аспекты», а также регулярный Круглый стол «Традиционный фольклор в современных условиях». После безвременной кончины М. А. Лобанова Виктор Аркадьевич взял на себя руководство Секцией музыкального фоль-

клуба Санкт-Петербургского Союза композиторов. За последние, необычайно плодотворные, двадцать лет В. А. Лапин выпустил немалое количество работ. Среди них фундаментальный труд – сборник «Музыкально-песенный фольклор Ленинградской области в записях 1960–1980 годов», – переиздание трех крупных публикаций (2008). На сегодняшний день это, по-видимому, самое масштабное собрание объединенных в одной книге музыкально-фольклорных материалов по указанному региону. Следует назвать и внушительный монографический нотный сборник «Русская свадьба сибиряков Среднего Притоболья (Курганская область)» (2002), подготовленный М. Г. Екимовым, неутомимым собирателем, неоднократно наезжавшим в Санкт-Петербург. Наряду с другими учеными, В. А. Лапин был постоянным консультантом и вдохновителем этого незаурядного фольклориста. Виктору Аркадьевичу в книге принадлежат нотация, музыкальная редакция, вступительная статья. Выходили также работы, многие из которых продолжали разнообразные линии научных интересов ученого. К числу концептуальных отнесем статью «Северо-Запад России: к проблеме музыкально-фольклорного ландшафта» в сборнике «Межэтнические связи в фольклоре» (2016), основанном на материалах V Международной школы молодых фольклористов. Вообще же для научного творчества В. А. Лапина характерно сочетание смежных, образующих своего рода комплексность, отраслей, связанных друг с другом общей идеей проникновения в традицию через призму мышления ее носителей. Объединенные исторической проблематикой, эти многосторонние аспекты нацелены, прежде всего, на изучение разнообразных фольклорных жанров и форм, находящихся на различных стадиях существования народной культуры. Этномузыкология, история, этнография, антропология – все эти науки с равной основательностью и глубиной представлены в исследованиях В. А. Лапина. Полномасштабное соединение этномузыкологических и этнографических сторон единого традиционного комплекса обнаруживается уже в ранних, но не теряющих и по сей день своего значения работах: кандидатской диссертации «Русские свадебные песни поморов как музыкально-этнографическая система» (1976), а также в объемной статье «Виноградье – песня и обряд» (совместно с Т. А. Бернштам; сборник «Русский Север» (1981)). Историческая проблематика красной нитью протянута через все творчество В. А. Лапина. Диахроническое рассмотрение между тем сфокусировано на региональных аспектах бытования живого фольклора. Эта концептуальная черта получила отражение в докладе на соискание докторской степени «Историческая проблематика русского музыкального фольклора» (1999). Антропологический взгляд на творчество народных музыкантов и природу их художественного мышления выражен в ряде ярких работ, среди которых монументальный монографический сборник «Наигрыши на гармони-хромке П. В. Черемисова: народные песни и наигрыши» (1983), статьи «Б. Н. Путилов – исполнитель (к проблеме певческого / сказительского сознания)» (конференция «Рябининские чтения») (2000), «Музыкант – инструмент – традиция: кирилловская гармонь» (конференция «Благодатовские чтения») (2000). Исследования В. А. Лапина касаются мощных региональных фольклорных традиций: поморской, новгородской, псковской. Необходимо вновь упомянуть вепсов, живущих в Карелии, Ленинградской, Вологодской областях; именно в изучении их творчества с особенной глубиной отражена проблематика межэтнических связей в народной культуре. Локальная специфика объединяется с характерным для ученого концептуальным историко-этнологическим взглядом на традиционную музыку Русского Севера и Северо-Запада. Особое место занимают причитания, к изучению которых В. А. Лапин неоднократно обращался («Русскоязычная причеть Обонежья – этнокультурный феномен», «Севернорусская групповая причеть: феномен и загадки» – «Рябининские чтения», 1995 и 2003 соответственно). Последней крупной публикацией В. А. Лапина стала книга «Очерки исторической проблематики русского музыкального фольклора» (2017), включающая в себя концептуальные статьи прошлых лет, не утратившие своей актуальности и в наши дни.

Резюмируя, отметим, что научный подход В. А. Лапина основывался на глубоком историческом фундаменте. Ученый оказался среди тех, кто начал со смелой непосредственностью объединять историческую и этнографическую научные отрасли. Между тем Виктор Аркадьевич был именно этномузыкологом, нашедшим особые способы рассмотрения звучащего материала, показанного в контексте истории. В одних случаях выявились оригинальные методы изучения, порожденные актуальными, еще и сегодня существующими традиционными реалиями (*фольклорное двуязычие*). С другой стороны, были обнаружены особые исторические аспекты, в которых выявились значимые, но в недостаточной степени исследованные – стадийные – формы жизни народной культуры (*слободской фольклор*).

В Российском институте истории искусств В. А. Лапин прошел путь от стажера до ведущего научного сотрудника, от соискателя до доктора искусствоведения. Вся жизнь Виктора Аркадьевича была связана с институтом. Работая в секторе фольклора более пятидесяти лет, со дня возрождения, многие годы был его заведующим; некоторое время пребывал на посту директора РИИИ. Стремясь всегда помочь коллегам, поддержать их, способствовал любым подходам и начинаниям. Виктор Аркадьевич получил широкую, заслуженную известность как разносторонний исследователь русской народной музыкальной культуры. В. А. Лапин был не только признанным ученым, но и неутомимым собирателем фольклора, участником многочисленных экспедиций в разные регионы Русского Севера и Северо-Запада. Его публикации материалов, его книги вошли в золотой фонд отечественной этномузыкологии.

Виктор Аркадьевич Лапин был постоянно наполнен новыми идеями. В общении с коллегами проявлялся его недюжинный организаторский талант. Всем нам трудно представить свою жизнь без дорогого Виктора Аркадьевича. Его добродушная усмешка неизменно поддерживала. Критика же была порой острой, но одновременно – деликатной. Это замечательное человеческое качество оттачивалось им в многочисленных контактах с народными певцами и музыкантами. Так сложилась судьба. Отдав немало сил народной культуре, В. А. Лапин вместе с тем и почерпнул от нее многое.

Свойственная бесписьменной традиции *правда* чудесным образом оказывает воздействие на тех, кто пытается соприкоснуться с ней искренне и глубоко.

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
25.08.2021*

Сведения об авторе

Ромодин Александр Вадимович – кандидат искусствоведения, заведующий сектором фольклора, старший научный сотрудник Российского института истории искусств (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: a_romodin@mail.ru

ORCID 0000-0003-0267-8037

Information about the Author

Aleksandr V. Romodin – Candidate of Art Studies, Head of the sector of folklore, Senior Researcher, Russian Institute of Art History (Saint Petersburg, Russian Federation)

E-mail: a_romodin@mail.ru

ORCID 0000-0003-0267-8037

**Памяти Валентины Евгеньевны Майногашевой
(1930–2021)**

В. В. Миндибекова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Для цитирования

Миндибекова В. В. Памяти Валентины Евгеньевны Майногашевой (1930–2021) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 2 (вып. 42). С. 139–141. DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-139-141

**In memory of Valentina Evgenievna Mainogasheva
(1930–2021)**

V. V. Mindibekova

*Institute of Philology of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation*

For citation

*Mindibekova V. V. Pamyati Valentiny Evgen'evny Maynogashevoy (1930–2021) [In memory of Valentina Evgenievna Mainogasheva (1930–2021)]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2021, no. 2 (iss. 42), pp. 139–141. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-139-141*

На 92-м году ушла из жизни Валентина Евгеньевна Майногашева (1930–2021), филолог-востоковед, фольклорист, эпосовед, публицист, переводчик памятников хакасского фольклора, заслуженный деятель науки Республики Хакасия, член Союза писателей России, лауреат Государственной премии Республики Хакасия им. Н. Ф. Катанова, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора фольклора Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ХакНИИЯЛИ).

Майногашева Валентина Евгеньевна родилась 15 сентября 1930 г. в улусе Большие Сыры Аскизского района Хакасского округа. Жизненный путь будущего ученого был тяжелым в связи с репрессией отца, сосланного в 1931 г. с семьей в глухие болота Кемеровской области. В школьные годы В. Е. Майногашева отличалась любознательностью, целеустремленностью и тягой к знаниям. Несмотря на лишения и тяготы репрессированных людей, Валентина Евгеньевна прошла все ступени обучения и вхождения в науку. В 1950 г. поступила в Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова на отделение восточных языков (тюркская группа). В 1955 г. окончила университет по специальности «филолог-востоковед».

© В. В. Миндибекова, 2021

В 1963 г. В. Е. Майногашева поступила в аспирантуру Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР (Новосибирск). В 1967 г. она успешно защитила кандидатскую диссертацию по теме «Хакасский героический эпос “Алтын Арыг”». С тех пор она свою жизнь посвятила изучению героического эпоса хакасов. Уже в 1988 г. ею было опубликовано героическое сказание «Алтын Арыг», записанное от известного хакасского сказителя П. В. Курбижекова, в серии «Эпос народов СССР» [Алтын Арыг, 1988].

В 1967 г. Валентина Евгеньевна приступила к работе в ХакНИИЯЛИ и работала там до последних дней. С первых дней она записывала фольклорный материал, осуществляла активную научно-исследовательскую деятельность.

В 1992 г. Валентина Евгеньевна стала членом Союза писателей Российской Федерации. Она возглавляла сектор фольклора с момента его открытия (1994 г.) и по 2004-й г. В 1994 г. получила звание Заслуженного деятеля науки Республики Хакасия. В 1995 г. вошла в число лауреатов Государственной премии Республики Хакасия им. Н. Ф. Катанова за исследование героического эпоса «Алтын Арыг». В 1997 г. Валентина Евгеньевна становится академиком Международной тюркской академии.

В 1997 г. в академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» было издано героическое сказание «Ай Хуучин», записанное также от сказителя П. В. Курбижекова [Ай Хуучин, 1997]. Валентина Евгеньевна провела огромную работу по сравнительно-сопоставительному исследованию мотивов и текстологическому изучению эпоса.

В. Е. Майногашева внесла фундаментальный вклад в развитие хакасской фольклористики и отечественного эпосоведения. Как глубокий знаток фольклора и традиций своего народа Валентина Евгеньевна работала над сохранением языка и культуры хакасов. Под ее руководством проводились многочисленные фольклорно-этнографические экспедиции по Хакасии. Всего ей удалось записать 31 героическое сказание – *алыптыг ныхах*, а также другие жанры хакасского фольклора (сказки, *кипчооху* и *тахпаху*). Особое значение в области ее научных интересов имело изучение хакасской детской поэзии. В 2009 г. был опубликован сборник «Хакасская народная детская поэзия» [2009]. В 2020 г. вышел сборник очерков, эссе «Хакасские сказители и певцы» на русском и хакасском языках, знакомящий с жизнью и творчеством хранителей хакасских традиций [Майногашева, 2020]. Всего Валентина Евгеньевна подготовила около 200 научных и научно-методических трудов.

До последнего времени Валентина Евгеньевна продолжала сотрудничать с сектором фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН и работала над подготовкой тома «Обрядовая поэзия хакасов» для академической сибирской Серии.

Сотрудники сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН выражают глубокое соболезнование коллегам, родным и близким Валентины Евгеньевны Майногашевой.

Список литературы

Алтын Арыг: Хакасский героический эпос / Запись, подгот. текста, вступ. ст., пер., коммент. В. Е. Майногашевой. М.: Наука, 1988. 592 с. (На хакас. и рус. яз.).

Ай Хуучин. Хакасский героический эпос / Запись и подгот. текста, пер., вступ. ст., примеч. и коммент., прил. В. Е. Майногашевой. Новосибирск: Наука, 1997. 479 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 16). (На хакас. и рус. яз.).

Майногашева В. Е. Хакасские сказители и певцы. Очерки, эссе о некоторых мастерах фольклора. Абакан: Б. и., 2020. 2-е изд., доп. 144 с. (На хакас. и рус. яз.).

Хакасская народная детская поэзия / Сост., подгот. к публ., предисл., вступ. ст., пер., примеч., коммент. В. Е. Майногашевой. Абакан: Диалог-Сибирь, 2009. 100 с. (На хакас. и рус. яз.).

References

Altyn Aryg: Khakasskiy geroicheskiy epos [Altyn Aryg: Khakass Heroic Epic]. Zapis', podgot. teksta, vstup. st., per., komment. V. E. Maynogashevoy. Moscow, Nauka, 1988, 592 p. (In Khakass, in Russ.).

Ay Khuuchin. Khakasskiy geroicheskiy epos [Ai Huuchin. Khakass heroic epic]. Zapis' i podgot. teksta, per., vstup. st., primech. i komment., pril. V. E. Maynogashevoy. Novosibirsk, Nauka, 1997, 479 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East], vol. 16). (In Khakass, in Russ.).

Maynogasheva V. E. *Khakasskie skaziteli i pevtsy. Ocherki, esse o nekotorykh masterakh fol'klora* [Khakass storytellers and singers. Essays about some masters of folklore]. Abakan, 2020, 2 izd., dop., 144 p. (In Khakass, in Russ.).

Khakasskaya narodnaya detskaya poeziya [Khakass folk poetry for children]. Sost., podgot. k publ., predisl., vstup. st., per., primech., komment. V. E. Maynogashevoy. Abakan, Dialog-Sibir', 2009, 100 p. (In Khakass, in Russ.).

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
04.12.2021

Сведения об авторе

Миндибекова Валентина Виссарионовна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

E-mail: mindibekova@ngs.ru

ORCID 0000-0003-1093-3106

Information about the Author

Valentina V. Mindibekova – Candidate of Philology, Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: mindibekova@ngs.ru

ORCID 0000-0003-1093-3106

**ЯЗЫКИ И ФОЛЬКЛОР
КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ**

2021. № 2 (выпуск 42)

В оформлении обложки использована репродукция картины
Любови Арбачаковой «Мои цветы»

Раздел «Лингвистика»:

редактор *Е. В. Тюнтешева*, оператор электронной верстки *А. В. Байыр-оол*

Раздел «Фольклористика»:

редактор и оператор электронной верстки *Т. В. Дайнеко*

Корректор текста на английском языке *Е. В. Давыдова*

ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090
Институт филологии СО РАН

E-mail: yaz_fol_sibiri@mail.ru

Официальный сайт журнала: <http://www.philology.nsc.ru/journals/ykns/index.php>

Подписано в печать 11.03.2022. Печать цифровая.
Бумага офсетная. Формат 60 × 80/8. Усл. печ. л. 17,75
Тираж 50 экз. Заказ № 32
Дата выхода в свет 05.04.2022

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре НГУ
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090